ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

М.М. АБАЗОВА

РЕЧЬ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ

Нальчик ▪ 2014

УДК — 811.352.3’242
ББК – 81.2 Ады-5
А 13

Печатается по решению Ученого совета ФГБУН
Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН

Научный редактор
доктор филологических наук *Б.Ч. Бижоев*

Рецензенты:
доктор филологических наук *Б.М. Берсиров*
доктор филологических наук *Р.Х. Дзуганова*

А 13 **Абазова М.М.** Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – 136 с.

Монография посвящена исследованию особенностей речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции. Подробно исследуются фонетические и лексические особенности речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции.

Книга рассчитана на научных и практических работников, преподавателей, студентов, а также всех, кто интересуется вопросами этнолингвистики народов Кавказа.

ISBN 978-5-91766-082-0

© М.М. Абазова, 2014
© Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014

INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCHES
OF THE KBSC OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

M.M. ABAZOVA

THE SPOKEN LANGUAGE OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN DIASPORAS IN TURKEY

Nalchick ▪ 2014

UDK — 811.352.3'242
BBK – 81.2 Ады-5
A 13

It is printed according to the solution of the Academic council of FSBUS of Institute of humanitarian researches KBSC of RAS

Thescientificeditor
Doctor of Philology ***B.Ch. Bizhoev***

Thereviewers
Doctor of Philology ***B.M. Bersirov***
Doctor of Philology ***R.H. Dzuganova***

A 13 **Abazova M.M.** The spoken language of the Kabardino-Circassian diasporas in Turkey. Nalchick: Publishing department of KBIHR RAS, 2014. – 136 p.

M.M. Abazova's monograph is devoted to research of features of the spoken language of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey. In it the general characteristic of the spoken language of the Circassian diaspora abroad is given, and also phonetic and lexical features of the spoken language of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey are in detail investigated.

The book is designed for the scientific and practical workers, teachers, students, and also everything who is interested in questions of ethnolinguistics of the people of the Caucasus.

ISBN 978-5-91766-082-0

© M.M. Abazova, 2014
© Publishing department of KBIHR RAS, 2014

Посвящается папе
Мухамеду Адальбиевичу Тхамитлокову

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время черкесская диаспора в Турции представляет собой необычное этнокультурное явление. В течение полутора столетий (с 60-х годов XIX в. – по сей день) черкесы, проживающие за рубежом, обладая высокой степенью этничности, не имели собственной государственности. Несмотря на это, развиваясь в рамках другой государственно-политической системы в замкнутой социальной и иноэтничной среде, они во многом смогли сохранить не только родной язык и основные элементы традиционной национальной культуры, но и не утратили чувства принадлежности к исторической родине. В наши дни кабардино-черкесская диаспора является некоторым монолитным социальным звеном, занимающим прочную позицию в социально-экономической и общественно-политической жизни Турции.

Интеграция черкесов в политическое, социокультурное и языковое пространство Турции отличается рядом особенностей. Важной проблемой в этом отношении является определение формы межкультурного диалога и межъязыковой коммуникации. В этой связи определенный научный интерес вызывает трансформация важнейшего маркера этнической идентичности представителей кабардино-черкесской диаспоры – их речи.

В рамках общей теории языка исследование данной проблемы позволяет выявить степень и глубину лексических и фонетических изменений в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции, а также формы взаимодействия различных языковых систем (абхазо-адыгской и тюркской). Кроме того, сравнительно-историческая характеристика речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции и современного кабардино-черкесского литературного языка высту-

пает своеобразным индикатором, дающим возможность по-новому осветить ряд малоизученных аспектов трансформации адыгского этнического социума, развивающегося в течение длительного времени в иноэтничной среде.

Проблема определения особенностей речи черкесской диаспоры в Турции получила отражение в ряде работ. Однако до настоящего времени еще не появились обобщающие исследования, авторы которых опирались бы на богатую источниковую базу и полевой материал по заявленной теме. Тем не менее некоторые аспекты поставленной проблемы в разное время находили отражение в работах Ж. Дюмезиля, К. Пари, М.А. Кумахова, Х.Т. Таова, Б.Ч. Бижоева, А.В. Кушхабиева, Р.Х. Темировой, Н.Г. Гишева, Х.Э. Дзасежева, У.С. Зекоха, Т.Х. Куашевой, К.Т. Мамрешева, Г.В. Рогавы, Г.Ф. Турчанинова, П.К. Услара, А.К. Шагирова, Н.Ф. Яковлева, Д.А. Ашхамаф, М.Л. Апажева, Б.Х. Балкарова и др.

Материалы для сравнительного анализа по некоторым языкам и диалектам выявлены на основе изучения общетеоретических исследований в области филологических наук, а также – диалектологических, толковых, этимологических и двуязычных словарей изучаемых языков. Предметом исследования являются полевые материалы, собранные в Турции. Большой объем информации по исследуемой проблеме содержится в научном архиве ФГБУН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (г. Нальчик). Часть материалов была собрана в ходе on-line переговоров с представителями черкесской диаспоры в Турции в социальных сетях (Facebook, Skype и т.п.). Значительные сведения по фонетике и лексике кабардино-черкесской речи в зарубежных диаспорах были получены при опросе адыгов-репатриантов из Турции, проживающих в настоящее время в Кабардино-Балкарской Республике Российской Федерации.

Таким образом, проведена подробная выборка респондентов, которая позволила охватить практически все социальные и половозрастные группы кабардино-черкесской диаспоры в Турции. Возраст участников варьируется от 14 до 92 лет. Материалом исследования послужили и данные словарей исследуемого языка.

В работе впервые систематизирован накопленный лингвистами-адыговедами опыт исследования речи диаспоры; определены фонетические и лексические изоглоссы, отличающие речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции от современного кабардино-черкесского литературного языка; проведен комплексный и многоаспектный анализ речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции.

Комплексное изучение поставленной проблемы дало возможность ввести в научный оборот новые данные о тюркизмах и других

элементах, проникших в речь представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции в результате обоюдной межъязыковой и этнокультурной интеграции с местным населением.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней значительно расширены представления об особенностях речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции. В ходе решения поставленной проблемы были охарактеризованы основные направления межъязыковой коммуникации кабардино-черкесской диаспоры и коренного населения Турции, определены некоторые закономерности трансформации речи переселившегося на новое место жительства этноса под влиянием эндогенных и экзогенных факторов.

Монография состоит из предисловия, трех глав, заключения, списка информаторов, библиографии, списка сокращений и приложения. Список информаторов содержит некоторые биографические сведения о респондентах, речь которых была проанализирована при написании работы. В приложении дана таблица транскрипционных знаков, использованных для изображения специфических звуков, встречающихся в речи диаспоры.

Выражаю благодарность Б.Ч. Бижоеву, З.Х. Баковой, М. Утижеву, Б.М. Берсирову, Р.Х. Дзугановой, В.Х. Унатлокову за помощь и ценные советы при подготовке монографии к изданию.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧИ ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ ЗА РУБЕЖОМ

Феномену диаспоры посвящены многочисленные исследования, но само понятие «диаспора» имеет множество толкований. Это объясняется тем, что диаспора является предметом изучения самых разных наук и дисциплин – истории, социологии, этнологии, политологии, культурологии и т.д. В общем смысле диаспора (греч. διασπορά «рассеяние») – часть этноса, дисперсно проживающая далеко за пределами исторической родины и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей общности. Изначально диаспорой называлась общность граждан древнегреческих городов-государств, мигрировавших на вновь завоеванные территории с целью ее колонизации и ассимиляции населения. В последние годы любые перемещения людей, связанные с пересечением государственных границ, напротив, все чаще рассматриваются с точки зрения диаспоризации. Диаспорами стали называть любые этнические группы, по каким-либо причинам проживающие за пределами страны происхождения. Это привело к частичному отказу от классической интерпретации и более широкому толкованию термина, который в специальной литературе стали называть «новой» или «современной» диаспорой [Попков, 2003].

Научный интерес у ученых теория диаспоры стала вызывать лишь с конца 70-х гг. XX в. В это время появлялись работы, в которых были намечены контуры дальнейших исследований. Но по-настоящему широкий размах диаспоральная тематика получила лишь с 1990-х годов, когда диаспоры стали приобретать черты транснациональных сообществ [Brubaker, 2005]. Большой вклад в теоретическое осмысление феномена диаспоры внесли такие западные исследователи, как Р. Брубейкер [Brubaker, 2005],

Дж. Клиффорд [Clifford, 1997], Г. Шеффер [Sheffer, 2003] и др. В России исследованием этой проблемы так или иначе занимались такие видные ученые, как М.А. Аствацатурова [Аствацатурова, 2000], В.И. Дятлов [Дятлов, 2004], Т.С. Илларионова [Илларионова, 1994], З.И. Левин [Левин, 2001], А.В. Милитарев [Милитарев, 1999], В.Д. Попков [Попков, 2002], В.А. Тишков [Тишков, 2003], Ж.Т. Тощенко [Тощенко, 1996] и др.

В области прикладных исследований история изучения речи адыгской (черкесской) диаспоры за рубежом имеет важное значение для исследования теории диаспоры в целом. Уникальность адыгской диаспоры заключается в том, что подавляющее большинство адыгов (по некоторым данным, около 80 % от общей численности) под влиянием ряда внешних политических факторов оказалось за пределами своей исторической родины. История адыгской (черкесской) диаспоры как одной из этнических общин Османской империи начинается после массового выселения черкесов с Кавказа в 60–70-е гг. XIX в. Процессы миграции адыгов в Османскую империю не прекратились и в последующее время [Кушхабиев, 2007: 3].

Большинство черкесов за рубежом до сих пор сохраняют свою этническую идентичность, несмотря на процессы ассимиляции с местным населением и сложности контактирования с соотечественниками, проживающими в России. Проблема сохранения этничности становилась одним из приоритетных направлений научной работы ряда исследователей. Определенное внимание уделялось изучению речи кабардино-черкесской диаспоры.

Язык, как и любая другая динамическая система, развивается с течением времени под влиянием тех или иных факторов. В рамках теории языка особый интерес представляет собой трансформация языковой системы малых групп людей, компактно проживающих в иноэтнической среде в течение длительного времени. Особое место в этом плане занимает речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции.

К моменту образования диаспоры адыги (черкесы) представляли собой множество самостоятельных субэтнических групп, их язык имел немало наречий и диалектов. Существующее деление адыгов на «восточных» и «западных» предполагает не только обширную географию расселения, но и, как следствие этого, языковые отличия [Гарданов, 1967: 22].

1. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ ЗА РУБЕЖОМ

Языковая проблема связана не только с субъективными, но и с объективными процессами, происходящими в обществе проживания диаспорных групп. Во-первых, с характером расселения черкесов; во-вторых, с увеличением количества межэтнических браков между черкесами и представителями обществ в странах проживания. Для более подробного исследования темы считаем целесообразным привести некоторые сведения о характере расселения черкесов в Турции.

По статистическим данным, представленным северокавказскими культурными обществами в Турции, численность черкесов в наши дни составляет приблизительно 3,3 млн человек. Значительная часть из них проживает в городах: Стамбул, Анкара, Самсун, Чорум, Кайсери, Дюздже и др. Среди районов, где сохранились компактные черкесские поселения, можно указать следующие: Кайсери, Адана, Мараш, Анкара, Измир, Дюздже, Токат, Самсун, Чорум и др. В Турции черкесы представлены в основном 6 субэтническими группами: абадзехами, бжедугами, бесленеевцами, кабардинцами, шапсугами и убыхами (убыхи сохранили этноним, но, утратив свой язык, перешли на шапсугский или абадзехский диалекты) [Кушхабиев, 2007: 115]. В Турции черкесы были расселены на землях трех близлежащих современных районов Центральной Турции (Пинарбаши, Кайнар и Вираншехир). В книге «Разбросаны адыги по белому свету» М.М. Хафицэ, ссылаясь на данные, взятые из книги Мухсина Субаши «Прошлое и настоящее Кайсери» (г. Кайсери: издательство «Орнек Китабеви», 1986 г.), перечисляет населенные пункты компактного проживания адыгов.

В Турции черкесы создали свои деревни и города. В так называемом в шутку «Большой Кабардой», до сих пор сохранились адыгский этикет и язык. В черкесских населенных пунктах вилайета Кайсери живет около 31 000 мухаджиров. Из них примерно 66,7 % составляют кабардинцы. Население поселка Пинарбаши, находящегося в 105 километрах от Кайсери, составляет 13 тысяч человек, половина из них – черкесы. Наши соотечественники, основавшие Пинарбаши, называют его по-адыгски Хьэзей. В книге М.М. Хафицэ дает турецкие названия черкесских населенных пунктов, а напротив – неофициальные

их адыгские или абазинские названия, в скобках приводит число жителей [Хафице, 2000: 48].

Адыги получили свою письменность только на своей исторической родине. Ни в одной стране, где представлена обширная адыгская диаспора, не создана адыгская письменность, хотя среди диаспорных групп были и (еще имеются) как попытки создания письменности, так и разработки учебных пособий на родном языке. Однако все это не имело ни государственной поддержки, ни прочной научной основы в крупных диаспорных группах. Более того, в стране, где проживает основная часть адыгской диаспоры, с самого начала были довольно жесткие языковые и иные ограничения. Действовавшие в течение длительного периода эти ограничения ослаблены совсем недавно, то есть несколько смягчены лишь тогда, когда в этой стране процессы ассимиляции языка, культуры и традиций адыгской диаспоры стали уже необратимыми [КЧЯ, 2006: Т. I. С. 37–38].

Языковая ситуация в диаспоре особенно усугубилась за последние 15–20 лет в связи с процессами урбанизации в этих странах, которые затронули и адыгское население. Вплоть до конца 60-х гг. XX в. большинство адыгов жили в сельской местности компактно и изолированно, составляя в некоторых местах целые районы. Положение в диаспоре также усугубляется ростом уровня цивилизации населения в этих странах, массовым переселением из сельской местности, где они компактно проживали, составляя целые районы, в крупные города. На языковую ассимиляцию черкесов оказывает влияние отсутствие национальной письменности, обучения родному языку в средней и высшей школе и на родном языке – в начальной школе, средства массовой информации [Бижоев, 2005: 15–16].

Для сохранения родного языка в разные периоды в странах проживания черкесской диаспоры создавались национальные школы, издавались книги, газеты, журналы. Однако они не имели широкого распространения среди всех диаспорных групп в силу политических, культурных и социально-экономических условий в разных странах.

Несмотря на запрет со стороны высшей власти, адыги предпринимали попытки составления собственного алфавита. Так, в 1909 г. турецким черкесом доктором Мухамедом Пчегатлуком был составлен алфавит на арабской графической основе, им также был написан черкесский букварь. В 1910 г. Пчегатлук со-

ставил черкесский букварь на латинской основе. В том же году египетский черкес Мухаммед-Кемаль Хуаж издал черкесский букварь. Видя состояние родного языка адыгского зарубежья, стремясь хотя бы замедлить стремительные процессы ассимиляции языка и культуры адыгской диаспоры, немецкий лингвист Моника Хелиг разработала проект алфавита на латинской основе для адыгейцев, проживающих в Турции [КЧЯ, 2006: Т. I. С. 38]. Под руководством Мухадина Кандура (Иордания) разработан проект алфавита, имеется также проект Едиджа Батырая (Германия) [КЧЯ, 2006: Т. I. С. 14].

Для сохранения своей культуры и языка черкесы, проживающие за рубежом, создавали общества, курсы для обучения черкесскому языку, издавали газеты и т.д. Эти процессы подробно исследованы А.В. Кушхабиевым в книге «Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры». Согласно его данным, в 1908 г. в Стамбуле было создано «Черкесское общество единения и взаимопомощи» (ЧОЕВ), где издавалась газета «Гъуазэ» (1911–1914) на черкесском языке, а также десятки книг, брошюр, бюллетеней и журналов на черкесском, турецком и арабском языках; ЧОЕВ учредило в Стамбуле и среднюю «черкесскую образцовую школу», преподавание в которой велось на черкесском (адыгском) языке [Кушхабиев, 2007: 106].

В Турции действовали такие массовые (около 2500 постоянных членов) организации, как «Кавказское культурное общество» («Kafkas Kültür Derneĝi»), основанное в 1952 г.; «Узуняйлинское Кавказское общество культуры и взаимопомощи» («Uzunyayla Kafkas Kültük ve YardImlaşma Derneği AylIk Bultenidir»), основанное в 1990 г. переселенцами из черкесских селений района Узун-Яйла; в апреле 1993 г. было образовано объединение (от 12 организаций) «Кавказское общество»; в декабре 2003 г. была создана «Федерация кавказских обществ» («Kafkas Dernekleri Federasyonu», сокращенно «Kaf-Fed», куда входят 45 организаций. При них издается журнал «Нарт» / «Nart»).

Одним из многочисленных по составу северокавказских организаций Стамбула является «Фонд Кавказ» («Kafkas Kültür Eğitim ve Sosyal YgrdIm VakfI»), учрежденный в 1995 г. Среди основных целей и задач фонда выделяется деятельность, направленная на объединение северокавказских диаспор в Турции. При нем действуют курсы по обучению детей черкесскому (кабардинскому) языку [Кушхабиев, 2007: 123].

Северокавказские общественные организации выполняют коммуникативно-интеграционные функции. Они представляют собой центры, места сборов представителей северокавказских диаспор. В зданиях этих организаций представители разных возрастных групп северокавказских диаспор получают возможность знакомства и общения друг с другом, что имеет немаловажное значение в условиях больших городов среди доминирующего турецкого населения. К наиболее важным функциям этих обществ следует отнести их культурно-образовательные функции: деятельность по обучению родным языкам, этническим обычаям и традициям, народным танцам. С 2004 г. руководство Турции также предоставило этническим меньшинствам право на преподавание родных языков в учебных заведениях и их использование в средствах массовой информации. Каждую неделю по четвергам на одном из турецких государственных телеканалов транслируют передачи на кабардинском языке с турецкими субтитрами.

В Сирии черкесы представлены тремя субэтническими группами: абадзехами, бжедугами и кабардинцами. В 1927 г. группа Самгуга основала в Кунейтре «Черкесское общество образования и единения» («Адыгэ гъэсэн зыныгъэ хасэ»); в 1948 г. в Дамаске основана общественная организация «Черкесское благотворительное общество» («Адыгэ фIыщIэ хасэ»). Они осуществляли деятельность, направленную на сохранение родного языка и обычаев; способствовали развитию национальной литературы; добивались создания черкесской автономии в Сирии. До настоящего времени черкесам в Сирии во многом удавалось сохранить и родной язык [Кушхабиев, 2007: 177].

В Иордании так же, как и в Сирии, не произошло полной внутриэтнической консолидации черкесов. В настоящее время там проживают представители четырех субэтнических групп: кабардинцы, бжедуги, абадзехи и шапсуги. Были созданы такие организации, как «Черкесское благотворительное общество» («Адыгэ фIыщIэ хасэ»), основанное в 1932 г. в Аммане; «Женский отдел» («ЦIыхубз хасэ»), созданый в 1971 г., проводивший работу по оказанию помощи с трудоустройством черкесским женщинам. В Аммане также изданы несколько учебников по родному языку, черкесско-арабский разговорник и словарь («Япэ адыгэбзэ-хьэрыпыбзэ зэрызэбгъэщIэн псэлъалъэ». Амман, 1988; «Япэ адыгэ-хьэрып псэлъалъэ». Амман, 1988.) [Кушхабиев, 2007: 178].

Черкесская община в Израиле, а именно жители Кфар-Камы и Рихании, сохранила этническую культуру и, особенно, родной язык лучше, чем черкесы, проживающие в других зарубежных странах. Этому поспособствовал тот факт, что с 1976 г. в школьную программу ввели изучение адыгейского языка. В качестве иностранных языков изучаются арабский и английский.

В 1991 г. в Кфар-Каме учредили общество «Нафна», целью которого является сохранение черкесского культурного наследия и укрепление связей с исторической родиной. В 1993 г. по решению израильского правительства в Рихании был основан Черкесский институт изучения кавказских народов, который занимается изучением черкесского (адыгейского) языка и истории, осуществляет повышение квалификации учителей адыгейского языка.

В результате вторичного переселения части адыгов из Сирии и, частично, Иордании, образовалась черкесская община в США численностью около 8 тысяч. Они проживают в 2 штатах: Нью-Джерси (Патерсон, Хейлдон, Нивак, Элизабет и др.) и в Калифорнии, а также в Техасе, во Флориде, в Вашингтоне (округ Колумбия), в Новом Орлеане, в Сиэтле и др. Черкесы в США представлены основными субэтническими группами – абадзехами, бжедугами, кабардинцами, шапсугами. [Кушхабиев, 2007: 233]. Важную роль в жизни черкесов США играет «Черкесское благотворительное общество», где детей в возрасте от 5 до 14 лет обучают черкесскому языку, знакомят с обычаями и религией.

На протяжении 1990-х гг. происходила и трудовая эмиграция народов Северного Кавказа, как и других народов России, в страны Европы. Сотни молодых специалистов из республик Северного Кавказа стали отправляться в поисках работы в страны Западной Европы. В ФРГ в настоящее время проживает приблизительно 40 000 черкесов. Преобладающая часть их находится в городах: Мюнхен, Кельн, Дюссельдорф, Гамбург, Берлин и др. Черкесским языком владеют преимущественно представители старшего и среднего поколений.

Черкесскими и другими северокавказскими иммигрантами в странах Европы были учреждены десятки организаций. В 20–30-е гг. XX в. осуществляли деятельность: «Союз горцев Кавказа» в Чехословакии, «Комитет независимости Кавказа» в Лионе, «Народная партия горцев Кавказа» в Париже и др. В странах Западной и Восточной Европы северокавказскими иммигранта-

ми был организован выпуск периодических и других изданий. В 1908–1911 гг. группа черкесских иммигрантов издавала в Париже журнал «Мусульманин» на русском языке. Журнал «Кавказский горец» издавался в Праге в 1924–1925 гг. на русском языке. Журнал «Горцы Кавказа» издавался в Париже в 1929–1934 гг. на русском языке. Журнал «Северный Кавказ» издавался в Варшаве и Париже в 1934–1939 гг. на русском и турецком языках и др.

Черкесы также проживают в Голландии, в Великобритании, Франции, Испании и др. С 1980 г. в Амстердаме осуществляет деятельность черкесское благотворительное общество. При нем функционируют курсы черкесского языка и ансамбль черкесских народных танцев. В целом, черкесские иммигранты в ФРГ и других странах Западной Европы сохраняют свою этнокультурную специфику [Кушхабиев, 2007: 229–231].

Социолингвистическая характеристика речи черкесской диаспоры за рубежом во многом определяется тем обстоятельством, что в середине XIX в. были резко изменены среда и условия их обитания, язык стал развиваться под влиянием качественно разных факторов. Проживая вдали от родины, черкесы всегда пытались сохранить свой язык и культуру. Для этих целей они создавали различные организации и объединения. Однако языковая картина почти во всех зарубежных черкесских диаспорах характеризуется состоянием глубокого кризиса. Кроме того, если старшее поколение еще владеет черкесским языком, то среди молодежи он, как основной фактор выражения этнической идентичности, стремительно теряет свои позиции. Именно дети, в первую очередь, подвергаются ассимиляции и забывают родную речь, проводя значительную часть времени в окружении иноязычных сверстников. В результате это может привести к полной утрате ими своей речи, растворению в социуме стран проживания.

2. ЛИНГВИСТЫ-АДЫГОВЕДЫ О РЕЧИ ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ ЗА РУБЕЖОМ

Речь черкесов за рубежом отличается своеобразием на всех уровнях языковой структуры, что является результатом смешения различных диалектов и говоров, их изоляции от других. Отличия обнаруживаются, в основном, в различных фонетических процессах, в наличии своеобразных звуковых комплексов, в че-

редовании гласных в словах. Особенно заметны различия в лексике. Множество слов имеют разное значение или различаются по количеству обозначаемых понятий. Многие слова и выражения из языка адыгов, проживающих в Кабардино-Балкарской Республике и Карачаево-Черкесии, неизвестны или малоупотребительны в Турции, Сирии, Иордании и т.д.

К настоящему времени накоплен огромный материал, охватывающий фонетический, грамматический и лексический уровни адыгских языков. Данные о звуковом строе диалектов и говоров черкесов, проживающих за рубежом, представляют значительный интерес для сравнительно-исторического исследования фонетики адыгских языков. Большой вклад в исследование речи черкесской диаспоры в Турции и на Ближнем Востоке внесли ряд зарубежных ученых, таких как Ж. Дюмезиль, К. Пари и др. Этой проблемой занимались и отечественные адыговеды (М.А. Кумахов, Х.Т. Таов, Б.Ч. Бижоев и др.).

Накопленный российскими и зарубежными учеными за последние десятилетия большой и разнообразный диалектологический материал составляет основную базу для изучения фонетики адыгских языков в сравнительно-историческом плане [Кумахов, 1981: 31–32].

Особое место в изучении речи диаспоры занимают работы Ж. Дюмезиля. Труды этого исследователя представляют большую ценность для исследования адыгских языков.

В своих работах Ж. Дюмезиль вместо долгих гласных отмечает либо дифтонгические сочетания, либо краткие гласные. В адыгейских и кабардинских материалах вместо долгих гласных **е, и, о, у,** восходящих к дифтонгам, у исследователя регулярно даются во всех позициях исходные формы, т.е. звукосочетания, а вместо долгих **е, и, о, у,** полученных из **э, ы** в положении перед сонантами **й, ў** – также исходные краткие гласные **э, ы,** обозначаемые в его транскрипции графемами **е** (орф. э), **э** (орф. ы). Ср. **yezэгэу** (*йэзырый*) «и сам», **adreyhem** (*адрэйhэм*) «другие», **zэгэу** (*зырый*) «ничего» [Дюмезиль, 1965].

Ж. Дюмезиль, исследуя особенности западнокавказских языков, проводит некоторые параллели с другими западнокавказскими языками. Ср. убых. *гьа* «злой, дурной», восходящий к этому корню привативный суффикс в убых. *шьагьа* «глупый», адыг. (шапс.), каб. *бзагьэ* «злой, хитрый», абх. *хъага*, абаз. *къага* «сумасшедший» [Дюмезиль, 1975: 34].

О генезисе и относительной хронологии аблаутных чередований Ж. Дюмезиль высказал предположение, что оппозиция типа адыг. *тхы-н* «писать» (перех.) – *тхэ-н* «писать» (неперех.) возводится к оппозиции типа адыг. *хэшьэ-н*, каб. *хэшэ-н* «ввести». Ж. Дюмезиль полагает, что в выражении непереходного действия главным является субъект, в выражении же переходного действия – внешний объект. «Если я говорю: «Я пишу письмо», очевидно, что действие исходит от меня, идет во внешний мир, соприкасаясь с бумагой, с адресатом. Преемственность в обратном смысле сохраняется гораздо труднее» [Дюмезиль, 1975: 31–33, 35].

Лингвистические исследования К. Пари позволяют по-новому подойти к решению некоторых вопросов фонетических соотношений между адыгскими языками и диалектами. В анатолийском (бесленеевском) говоре с. Зеннун вместо долгих гласных К. Пари во всех позициях отмечает исходные дифтонги или исходные краткие гласные. Ср. *yep (йэн)* «большой», *teyλhan* (*тэилъхьан*) «класть что-то». Исключение К. Пари делает в отношении долгого *о* в презентных формах. Ср., *q'one* (къІонэ) «остается», *wolaγ°* (*ўолъагъу*) «видишь» [Пари, 1974: 64].

Изучая язык черкесов в г. Анатолии, Катрин Пари уделяет особое внимание фонетическим особенностям языка. Так, она сравнивает черкесский, убыхский, абхазский языки и говорит о том, что эти языки функционируют с фонемами, черпаемыми из «общего запаса», с разным функциональным распределением для каждого языка и диалекта. Общий «запас» использует релевантные черты трех главных категорий: 1) ларингальные черты (звонкие – глухие (придыхательные) – глоттальные); 2) щелочные черты (наклонения и знаки артикуляции) и 3) резонансные черты (наполненную, палатализованную, лабильную, фарингальную, это последняя черта характерна лишь для убыхского языка).

Таким образом, эти три группы делятся на подгруппы звонких согласных, противостоящих группе глухих согласных, что, в свою очередь, противостоит группе глоттальных согласных. Обычно в этих группах звонкий звук противостоит звуку придыхательному, противостоящему глоттальной глухой согласной.

Признак фарингальной гласности отличает убыхский язык от двух других языков: черкесского и абхазского. Например, губные глухие согласные, звонкое согласное (*d°*) и глухое согласное (*t°*). Глоттальные глухие согласные в черкесском языке не существуют, а свойственны убыхскому и абхазскому языкам. В некото-

рых черкесских диалектах и в убыхском языке класс полушипящих звуков (и полушипящих аффрицированных звука) противостоит «полным» и «палатализованным» звукам: /s˙/~/s˙/~/… и т.д. Кроме того, этим двум звукам свойственен порядок латеральных звуков: звонкого (L), глухого (λ) и глоттального (λ'). Исключив общие для трех языков фонемы, Катрин Пари демонстрирует фонетические различия сравниваемых языков в следующей таблице:

Признаки / Язык	Полушипящие	Латеральные звуки спиранты	Лабиализованные	Фарингальные гласные
Черкесский	x	x	–	–
Убыхский	x	x	x	x
Абхазский	–	–	x	x

Согласно этой таблице, обладающий качествами двух других языков убыхский язык, кажется, является промежуточным звеном между черкесским и абхазским. Это исключает тождественность черкесского и абхазского языков [Пари, 1974: 42–43].

В анатолических говорах К. Пари не выделяет фарингальных преруптивов (в ее терминологии, неаспирированных – неглатализованных). Система фарингальных смычных в этих говорах шапсугского диалекта, по мнению К. Пари, совпадает с системой фарингальных смычных в бесленеевском диалекте и в кабардино-черкесском литературном языке [Кумахов, 1981: 111]. Также К. Пари пишет о том, что не во всех говорах бесленеевского диалекта представлена твердая аффриката **джъ**. В частности, в анатолийском говоре с. Зеннун, где шипящие аффрикаты не различаются по твердости-мягкости, представлена лишь мягкая аффриката **дж**. Ср. *джэн* «бегать», *джэйын* «спать», *бджэ* «дверь», *джый* «дерево». В анатолийском говоре с. Зеннун происходит переход общеадыгского **ж>жь**. Ср. *йыўыжькIьэ* «затем, после», *губжь* «гнев». В этом говоре наряду с переходом общеадыгского **ш>шь** отмечается соответствие общеадыгскому **ш** шипяще-свистящего спиранта **шъ**. Ср. *Iуышь* «умный», но *шъэ* «сало» [Пари, 1974].

Большой вклад в изучении речи черкесской диаспоры внес М.А. Кумахов. Он считает, что «главным источником для

построения сравнительно-исторической фонетики адыгских языков являются живые диалекты и говоры» [Кумахов, 1981: 30].

Западнокавказские языки в их современном состоянии различаются по своему вокализму. Так, например, вопрос о наличии гласных **а, ы** положительно решается не только в отношении общеадыгского языкового состояния, но и в отношении более отдаленного хронологического периода, т.е. западнокавказского единства. В то же время в западнокавказских языках гласные **а, ы** относятся к разным хронологическим периодам. Иными словами, далеко не все гласные **а, ы** в современных западнокавказских языках могут быть и вторичными, т.е. продуктом их индивидуального развития. Так, М.А. Кумахов считает, что независимо от того, является ли долгое **о** фонемой или вариантом фонемы, его генезис прозрачен: о возникает как результат монофтонгизации дифтонга **аў**. Гласные **а, ы,** лежащие в основе убыхского вокализма, реализуются в начальной и неначальных позициях. Ср., например, *ашьа* «рубашка», *абгъьа* «гнездо», *бача* «палка», *бана* «трава», *быйы* «баран», *тыт* «человек», *бзы* «вода». Начальное **ы** в убыхском языке возможно лишь в глагольных формах, где **ы** выступает в качестве префиксального морфа. Ср., *ыккIьан* «он идет», *ынкъIакъIа* «он ему сказал», *ызбыйан* «я его вижу». В этих глагольных формах элемент **ы** является личным префиксом [Кумахов, 1981: 46–47].

Анализируя материалы бесленеевского диалекта, особенно его анатолийского говора с. Зеннун, М.А. Кумахов пишет, что противопоставление твердых и мягких шипящих аффрикат (если речь идет о фонетическом уровне) в говоре абазактцев в основном следует приписать влиянию бесленеевского диалекта. Бесленееизмы в этом говоре поддерживаются, а в ряде случаев видоизменяются влиянием абазинского языка. Так, не представляется возможным объяснить **дж, ч** в словах *джыIэн* «говорить», *лъачэ* «хромой», *чынагъуэ* «страх» и др. влиянием абазинского языка, поскольку абазинский язык обладает не только аффрикатами **дж, ч,** но и спирантами **жь, шь**. Между тем в абазактском говоре обнаруживается почти абсолютное сходство с анатолийским говором с. Зеннун. Ср., в говоре Зеннун: *джыIэн* «говорить», *джэм* «корова», *ныджэбэ* «сегодня вечером», *чэ* «молоко», *лъачэ* «хромой», *чынагъуэ* «страх» [Кумахов, 1981: 176].

В анатолийском (бесленеевском) говоре с. Зеннун М.А. Кумахов отмечает редкое для адыгейских языков явление – переход

среднеязычного лабиализованного спиранта **хy** в ларингальный лабиализованный спирант **hy**. Ср., например, *hуын (<хуын)* «гнать», *нэhу (<нэху)* «свет», *hуы (<хуы)* «просо», *маhуэ (<махуэ)* «день», *hуэкIуа* – (<хуэкIуа-) (он) пошел для него, *шъхьhуапсалъэ (<шъхьахуэпсалъэ)* «разговаривающий сам с собой», *hуэдэ (<хуэдэ)* «подобный», *йэцIыhу (<йэцIыху)* «он знает».

В говоре с. Зеннун нелабиализованный среднеязычный спирант также переходит в ларингальный **h**. В этом отношении фонетические изменения среднеязычных более симметричны по сравнению с другими кабардинскими диалектами и говорами, где в ларингал переходит лишь нелабиализованный спирант **х** (ўынэhэр < ўынэхэр «дома»). Однако переход нелабиализованного среднеязычного спиранта **х** в ларингал (как и в других кабардинских диалектах и говорах) имеет место лишь в морфеме числа, тогда как переход **хy > hy** не обусловлен не только морфологически, но и фонетически. Переход **хy > hy** в говоре отмечается даже в положении после шипящего спиранта, т.е. в той единственной фонетической позиции, где на переход каб. **хy** > адыг. **ф** накладываются ограничения. Ср. каб., адыг. (темир., абадз.) *ўынэшхуэ*, говор с. Зеннун *ўынэшhуэ* «большой дом» [Кумахов, 1981: 206–207].

По мнению Х.Т. Таова, до настоящего времени речь черкесов, проживающих за рубежом, в целом остается малоизученной. Сам он посвятил ряд работ языковым особенностям черкесов, проживающих в Турции, Сирии, Иордании, США. Речь адыгов в этих странах испытывает сильное влияние не только со стороны языков местных жителей, но, что не менее важно, происходит смешение диалектных особенностей различных адыгских языков и диалектов. Х.Т. Таов учитывает и тот факт, что речь зарубежных адыгов не подвержена никакому влиянию со стороны адыгских литературных языков.

Исследователь считает, что такая ситуация наложила сильный отпечаток на речь черкесов, живущих за рубежом, и послужила причиной появления значительных фонетических, лексических, а иногда и грамматических особенностей, позволяющих произвести определенные градации внутри известных диалектов и выделить некоторые говоры в указанных странах.

Анализ речи кабардино-черкесской диаспоры показывает, что в ней, с одной стороны, сохранились архаизмы, функционировавшие в период общеадыгского языкового единства, с дру-

гой – встречаются неологизмы и заимствования, появившиеся в результате длительного изолированного развития от носителей адыгских языков под сильным влиянием языкового окружения. Также в речи черкесов, проживающих в Турции, Сирии, Иордании и США, многие лексемы подвергались семантическим изменениям.

В этом плане Х.Т. Таов выделяет слово *гу* «подвода». Литературное гу «подвода», в речи черкесков за рубежом употребляется в значении «машина». От этого слова образовались понятия *гу зехуэ* «шофер», *гум исын* «сидеть в машине», *гукIэ кIуэн* «поехать на машине». Например:

речь диаспоры	**каб.-черк. лит. яз.**	**перевод**
щхьэ Iыгъыжын	щхьэ ипIыжын	«содержать себя»
телефон Iухын	телефон еуэн	«звонить по телефону»
телефон гъэбыдэн	телефон телъхьэжын	«положить телефонную трубку»
нэщI убыдын	нэщI Iыгъын	«держать уразу»
уардэунэ	дворец	«дворец»
мухътар	къуажэ унафIэщI	«глава села»
джэш лъэрыкIуэ	джэш дэжей	«вьющаяся фасоль»
лагъэ	тепщэч	«тарелка»
хуэсэдэу	фIэфIу, дихьэхыу	«с желанием, охотой»
тхьэмадэ	нэхъыжь	«старший»

[Таов, 1997: 88–87].

Анализируя речь диаспоры, Х.Т. Таов пишет, что в кабардино-черкесском языкознании не принято рассматривать речь кабардинцев и бесленеевцев, проживающих в Турции, Сирии, Иордании, как говоры [Таов, 1997: 7]. По его мнению, фонетические изменения бывают локальными, охватывая лишь отдельные диалекты и говоры. К таким маргинальным фонетическим явлениям он относит переход среднеязычного спиранта **г** в сонорный **й** и среднеязычного лабиализованного спиранта **ху** в

лабиализованный спирант **hy** в анатолийском бесленеевском говоре. Ср. каб.-черк. лит. *бэгын* > анат. – бесл. ***бэйын*** «распахнуть, опухать», каб.-черк. лит. *лъагэ* > анат.-бесл. *лъайэ* «высокий» [Таов, 1997: 58].

В речи адыгской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции и США процессы ассимиляции протекают очень быстро (особенно в последнее время) в силу изоляции от исторической родины, отсутствия письменности и общеобразовательных школ на кабардино-черкесском языке [Таов, 1997: 93].

Речь бесленейцев, переселившихся во второй половине XIX в. в Турцию, отличается фонетическими особенностями от бесленеевского диалекта, развивавшегося на исторической родине. То же самое нужно сказать о говорах кабардинской диаспоры за рубежом.

Следует особо отметить, что старые (общеадыгские) шипящие аффрикаты полностью утрачены во всех кабардино-черкесских диалектах и говорах. Они представлены в бесленеевском диалекте, причем последний сохраняет в ряде случаев общеадыгские аффрикаты, утраченные в остальных адыгейских и кабардино-черкесских диалектах. Ср.: бесл. (resp. общеадыг.) *джъыг* > темирг. *чъыгы* > бакс. (resp. общеадыг.), куб., мозд. *жыг* «дерево», бесл. (resp. общеадыг.) *чъы* > шапс. *чы*, бжедуг. *шhы*, темирг., бакс., куб. *шы* «лошадь». В то же время речь анатолийских бесленейцев довольно резко отличается от речи бесленеевцев, оставшихся на своей исторической родине, утратив оппозицию старых шипящих аффрикат по признаку твердости и мягкости в результате ее нейтрализации (твердый ряд стал мягким).

В некоторых диалектах и говорах имеются и позднейшие локальные инновации. Ср. переход **г > й, ху > hy** в анатолийском бесленеевском говоре (каб.-черк. каб.-черк. лит. яз. *хуы* > анат. – бесл. *hуы* «просо») [Таов, 1997: 95].

Интересные данные о речи диаспоры содержатся в трудах Р.Х. Темировой. На основе комплексного анализа «живой» речи некоторых адыгов зарубежья, опубликованных сведений о черкесских аулах, о фамильном составе их населения, названий аулов, Р.Х. Темирова делает выводы о том, что черкесские поселения в Турции, Сирии, Иордании, Израиле и других местах их компактного проживания также являются полиэтничными. Кроме того, на основе обстоятельного анализа широкого круга

источников она охарактеризовала некоторые особенности речи адыгской диаспоры в этих странах:

– сохранение в речи черкесов зарубежья заднеязычных мягких **гь, кь, кIь**. В речи современных черкесов и кабардинцев заднеязычные **гъ, кь, кIь** в основном перешли в шипящие **дж, ч, чI**. Например, шэгьагъуэ вместо *шэ**дж**а-гъуэ* «обеденное время», *зе**кIь**э* вместо *зе**чI**э* «все». Мягкие заднеязычные **гь, кь, кIь** сохранились в речи старшего поколения черкесов;

– употребление ларингального спиранта **h** вместо глухого спиранта х в окончаниях множественного числа. Соответствие **h//х** наблюдается в окончаниях множественного числа имени и глагола: *адыгэ**h**эр* вместо *адыгэ**х**эр* «адыги», *бей**h**эс* вместо *бей**х**эщ* «богаты»;

– вместо глухого спиранта **х** в основе имени и глагола в речи черкесов зарубежья употребляется мягкий спирант **х′**: *ш**х′**ын* вместо *ш**х**ын* «пища»;

– употребление ларингального **I** вместо фарингального **къ** в глаголе в аффиксе отрицания **–къым** и вопросительном аффиксе **къэ**. Соотв. **I** // **къ**: *сиIэ**I**ым – сиIэ**къ**ым* «я не имею», *пцIыху**I**э – пцIыху**къ**э*? «ты не знаешь?»;

– широкое употребление в речи черкесов зарубежья свистящего – **с** вместо шипяще-свистящего – **щ** в утвердительной форме глагола: *ара**с** – ара**щ*** «так и есть», лъапIэс вместо лъапIэщ «дорого» [Темирова, 1993: 370].

Моника Хелиг изучила абадзехский диалект черкесской диаспоры в Турции. В своей работе она пишет о языковых особенностях у абадзехов, проживающих в трех селениях вокруг города Гексун, и о том, как они отличаются от языковых особенностей абадзехов, проживающих в ауле Шовгеновск (Хакуринохабль) Республики Адыгея Российской Федерации. Хелиг выделяет фонетические, морфологические особенности в речи диаспоры. Например, фонетические особенности:

Одной из особенностей взрывных в абадзехском диалекте является заднеязычная твердая абруптивная фонема «**кI**». Она встречается после **ш** и **с**: **ш***кIэ* «теленок», *зыгъэпскIын* «купаться».

Система аффрикат абадзехского диалекта значительно отличается от системы аффрикат литературного языка и других диалектов.

В абадзехском диалекте бывают только вторичные шипящие аффрикаты: **дж, ч, чIь**.

В абадзехском диалекте утрата первичных шипящих аффрикат является одной из основных особенностей.

а) утрата твердых первичных шипящих аффрикат **джъ, чъ, чI**;

б) утрата мягких первичных шипящих аффрикат **дж, ч, чIь (кI')**.

а) 1. Утрата твердой первичной шипящей аффрикаты **джъ**.

лит. адыг. яз.	абадз. диал.	перевод
лъэгуанджъ	*лъэгунж*	«колено»

а) 2. Утрата твердой первичной шипящей аффрикаты **чъ**.

лит. адыг. яз.	абадз. диал.	перевод
мачъэ	*машэ*	«бежит»
пчъэ	*пшэ*	«дверь»

а) 3. Утрата первичной шипящей абруптивной аффрикаты **чI**, которой соответствуют два спиранта: твердый шипящий абруптивный спирант **шIъ** и шипяще-свистящий абруптивный спирант **шI**.

В речи одних носителей абадзехского диалекта вместо твердой аффрикаты **чI** употребляется твердый спирант **шIъ**, а в речи других – шипяще-свистящей спирант **шI**.

б) 1. Утрата мягкой первичной шипящей аффрикаты **дж**.

лит. адыг. яз.	абадз. диал.	перевод
баджэ	*бажьэ*	«лиса»
лъэмыдж	*лъэмыжь*	«мост»

б) 2. Утрата мягкой первичной шипящей аффрикаты **ч**.

лит. адыг. яз.	абадз. диал.	перевод
чыжьэ	*шьыжьэ*	«далеко»
пчыхьэ	*пшьыхьэ*	«вечер»

б) 3. Изменение шипящей аффрикаты **чIь** («**кI**») в мягкий шипящий абруптивный спирант **шIь** и в мягкий ларингальный абруптив **Iь, чIь, шIь, Iь**.

лит. адыг. яз.	абадз. диал.	перевод
чIьымаф	*шIьымаф*	«зима»
чIьалэ	*Iьялэ*	«молодой человек»

[Хелиг, 1993: 359]

По мнению Моники Хелиг, латеральный **л** в абадзехском диалекте в Турции произносится мягче: *лы* «мясо», *мэлы* «овца».

Гласные шапсугского языка и абадзехского диалекта часто совпадают. Она выделяет 3 гласные фонемы: краткие **э, ы, а**.

Краткое гласное **э** на месте краткого гласного **ы**.

лит. адыг. яз.	абадз. диал.	перевод
егъэхьэзырые	*гъэхьэзэры*	«он готовит»

Изменение краткого гласного **э** в долгий **а** после ларингального спиранта **хь**.

лит. адыг. яз.	абадз. диал.	перевод
Iэхъуамб	*Iахъуамб*	«палец»
хьэ	*хьа*	«собака»

Изменение **э** в **е** и **ы** в **и** после и перед мягким ларингальным **Iь**:

лит. адыг. яз.	абадз. диал.	перевод
хьачIьэ	*хьаIье*	«гость»
мачIьэ	*маIьэ*	«мало»
тIочIьы	*тIоIьи*	«двадцать»
лъэчIьын	*лъэIьин*	«мочь»

[Хелиг, 1993: 360]

2. Анализируя абадзехский диалект, Моника Хелиг выделяет следующие морфологические особенности:

2.1. Лично-указательные местоимения. В литературном языке эргатив от лично-указательного местоимения **а, мы, мо** «тот, эта, это» образуется с помощью аффикса – **шь**: *ашь, мышь, мошь*. В абадзехском диалекте – с помощью аффикса – **й**: *ай, мый, мой*.

Личные аффиксы 3-го лица в литературном языке «**ы**» и «**а**» имеют в абадзехском диалекте в турецком языке форму «**йа**», «**йы**»: *йы-шагъ* «он вел»; *йа-Iуагъ* «они сказали».

В языке абадзехов в Турции префикс, обозначающий органическую и имущественную принадлежность, одинаков. Например: *си-шхьа* «моя голова», *уи-гу* «твое сердце», *и-Іа* «его рука».

Личные аффиксы служат морфологическим средством различия переходных и непереходных глаголов. В литературном языке на первом месте стоит префикс субъекта, на втором – префикс прямого объекта при спряжении двуличных непереходных глаголов. В абадзехском диалекте на первом месте стоит префикс прямого объекта, на втором – префикс субъекта, но только в форме 1-го лица ед. и мн. числа. Например, *у-сэ-фІу* «я слушаю тебя», *сы-уэ-фІу* «я слушаю вас». В бжедугском диалекте аористная форма представлена суффиксом **ишъ**. «*Сыда шъузыкІэгъоэр ыІуишъ иІыжъэр яупчІыгъ*» «Почему плачете, – сказал и спросил их старик». Будущее время в литературном языке имеет две формы: с суффиксом – **шьт** и **-н**: *кІуэ-шьт* «пойдет», *кІуэн* «идти». В языке абадзехов в Турции имеются следующие суффиксы: **-уэ**, **-зэ**, **-гуэмэ**: *къыІуэзэ, къыІуэгуэмэ, къыІуэрэ* – «говоря».

В оборотах речи разговорного языка абадзехов в Шовгеновске и в Турции М. Хелиг выделяет некоторые различия, которые можно заметить на следующих примерах:

По-абадз. в Шовгеновске	По-абадз. в Турции	Перевод
Сщья пцІэр?	*УицІэ сыд?*	«как вас зовут?»
Сыдэ ушьта?	*Сыдэ ушьыт?*	«как дела?»
Сыпсау	*сыпсау, сышІьу*	«хорошо»

[Хелиг, 1993: 363]

С течением времени в абхазском диалекте адыгского языка происходили заимствования некоторых слов из турецкого языка, как были заимствования в абадзехском диалекте из русского языка на Кавказе [Хелиг, 1993: 366].

В статье «Некоторые этнокультурные особенности адыгов, проживающих в Израиле» Г.К. Чемсо делает сопоставительный анализ речи адыгов за рубежом и на исторической родине. Согласно ее данным, жители селения Кфар-Кама в основном практически владеют тремя языками: адыгейским, арабским и европейским (некоторые могут объясняться на английском). Доминирующим языком является адыгейский. Им владеют исключительно все жители селения Кфар-Кама. Адыги приветствуют,

независимо от возраста, в основном арабским словом «*мэрхьэбэ*» и редко используют традиционное приветствие мусульман «*сэлам алейкум*». Числа называются и на арабском (старшее поколение), и на европейском (молодежь). Те, кому до 20 лет, с большим трудом считают или вовсе не умеют считать на родном языке. Диалект, на котором говорят жители Кфар-Кама, – шапсугский. Однако он имеет свои особенности, что позволяет отнести его к отдельному говору.

Из фонетических особенностей автор выделяет наличие придыхательных смычных **nh, th, цh**, заднеязычных – **kh', kh'y, хчh, хъhy**; троечной системы спирантов – **з, с, сI** – отсутствие звуковых комплексов, «псчъ» и «пскъ», вместо которых выступают «**nkh'**» и «**nkI'**». Из морфологии – выпадение звука «**щ**» из глагольного суффикса будущего времени «**щт**», т.е. сближение с бжедугским диалектом в этом плане, что в целом нехарактерно для шапсугского диалекта. Особый интерес представляет тот факт, что в речи жителей с. Кфар-Камы, как и во всей адыгской диаспоре, используется повторяющаяся отрицательная частица нэ(и) – нэ(и), которая не свойственна ни литературным адыгским языкам, ни их диалектам. Пр.: «*нэ(и) рэчыерэ, нэ(и) цIыфхэр ыгъэчыерэ*» (И сам не спит, и другим спать не дает).

Глагольная приставка «**рэ**-», характерная только для шапсугского диалекта и приставка «**ма(мэ)**-», которая присуща глаголу настоящего времени всех адыгских диалектов, в говоре жителей с. Кфар-Кама особенно у молодежи, выступает как приставка-синоним, т.е. абсолютно однозначны и взаимозаменяемы. Например, ***рэ**кIуагъэ – **мэ**кIуагъэ, **рэ**еIэт – **мэ**кIот*. Четкое разграничение притяжательных приставок органической и имущественной принадлежности, характерное для адыгейского литературного языка и всех его диалектов на Кавказе, в том числе и шапсугского, не свойственно говору жителей Кфар-Кама, так же, как и всей диаспоре. Например, *спэ* (адыг. лит.), *сипэ* (Кфар-Кама) «мой нос», «*сишыпхъу*» (употребляется чаще) – *сщыпхъу* (моя сестра), *синэгу* (чаще) – *сынэгу* (мое лицо).

В говоре жителей Кфар-Кама система счета двадцатеричная, в отличие от адыгских диалектов, где смешались системы счета. Израильские адыги используют десятеричную систему счета: «щэкIы» (30), и «шъэныкъо» (50), хотя и понимают двадцатеричную. Вместо них они употребляют соответственно «тIокIырэ пщIрэ» и «тIокIитIурэ пщIырэ», то есть 20 и 10, 2 по 10.

Исконная лексика разговорной речи израильских и кавказских адыгов в основном одна и та же. Однако существуют исконно адыгские слова, отсутствующие в адыгейском литературном языке и кавказско-шапсугском диалекте или передающиеся комплексом звуков. Например, вместо общеадыгского «псын» (чихать) употребляется «*цIэтхэн*», вместо «*пкIау*» (стрекоза) – «*цIыраy*».

Особое место в разных адыгских диалектах в Турции занимают новые заимствования, то есть те, которые воспринял язык после переселения на Ближний Восток, а значит – нехарактерные для речи кавказцев. Это в основном термины из системы родства: *амти* (тетя по отцу), *хъалти* (тетя по матери), *ами* (дядя по отцу), *хъали* (дядя по матери), *баб* (папа), *бэбаб* (дедушка по отцу). Некоторые слова образуются от заимствований с помощью словообразовательных суффиксов адыгейского языка или наоборот. Например, «*бэбэ, бэбэ-жь*» – отец матери (у адыгов Кавказа: «*тэтэжь*» или «*тат*») [Чемсо, 1993: 289–291].

В 1994 г. сотрудниками КБИГИ была проведена экспедиция в населенных пунктах Сирии, Иордании и Турции, в ходе которой был собран богатый фактологический материал в области языкознания. Тогда впервые было исследовано состояние речи многочисленной кабардино-черкесской диаспоры в этих странах. В статье «Речь кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции» один из участников этой экспедиции Б.Ч. Бижоев отмечал, что кабардино-черкесский язык в этих странах «в течение длительного времени функционирует в чрезвычайно пестрой лингвистической среде, в которой происходят различные экстралингвистические процессы (смешение, скрещивание и т.д.). Он испытывает сильное влияние не только со стороны аборигенов этих стран – турок и арабов, но также происходит и смешение диалектных особенностей различных адыгских языков и диалектов. Все это и послужило причиной появления в речи кабардино-черкесской диаспоры значительных фонетических и лексико-грамматических особенностей» [Бижоев, 2000: 193].

В области фонетики Б.Ч. Бижоев выделяет замену литературного **э** иррациональным **ы**: *диIыр* вместо *диIэр* – «то, что у нас имеется»; **а**:**э** *Iуохy* вместо *Iуэхy* «дело»; **а**:**я** *апэм* вместо *япэм* – «раньше, в прежние времена»; **е**:**о** после мягкого **х**: *хечI* вместо *хочI* – «выходит из…».

Изучая речь черкесов за рубежом, Б.Ч. Бижоев акцентирует внимание на повсеместном употреблении мягких свистящих спирантов **з, с, сI** или мягких шипящих **ж′, ш′, шI** вместо шипяще-свистящих спирантов **жь, ш, шI** в литературном языке, а также мягких заднеязычных смычных **г′, к′, кI** вместо шипящих аффрикат **дж, ч, чI**. Также он выделяет константные звукосоответствия **с**:**щ** – *щытас* вместо *щытащ* – «был»; **з**:**жь** и **сI**:**щI**: *лэзыгъэ* вместо *лэжьыгъэ* – «работа, труд»; **ж′**: **жь**: *бж′эдыгъу* – *бжьэдыгъу* – «*бжедуг*»; **ш′**: **щ**: *ш′оуэхьэр* – *щоуэхэр* – «ошибаются»; **шI**: **щI**: *шIыIэ* вместо *щIыIэ* – «холод» [Бижоев, 2000: 207–208].

Помимо этого, Б.Ч. Бижоев выделяет позиционные фонетические процессы, наблюдающиеся в речи зарубежных адыгов. Основными фонетическими процессами, по его мнению, являются субституция: **р**:**з**: *зэрар* вместо *зэран* – «вред»; метатеза: *гув* вместо *выгу* – «арба»; наращение: *бжьантIэ* вместо *жьантIэ* – «почетное место»; ассимиляция: *зысIас* вместо *жысIащ* – «я сказал»; упрощение консонантного комплекса: *иукIэ* вместо *иужькIэ* – «потом» [Бижоев, 2000: 210].

В речи зарубежных адыгов Б.Ч. Бижоев выявляет некоторые морфологические особенности. В большей степени они характерны для местоимений, числительных, глагола, служебных слов.

В изучении речи адыгов за рубежом особое внимание Б.Ч. Бижоев уделяет лексическим особенностям. По его мнению, в области лексики «первое, на что обращаешь внимание при наблюдении за речью зарубежных адыгов, это то, что в ней имеется пласт заимствованных из арабского и турецкого языков слов, которые отсутствуют в литературном языке» [Бижоев, 2000: 214]. Исследователь считает, что это – результат тесного контакта с носителями указанных языков в течение почти полутора веков, причем эти заимствования он делит на две группы: слова, которые вытеснили исконные слова или же сосуществуют с ними, как синонимы. К первой группе Б.Ч. Бижоев относит названия растений, блюд, домашней утвари, одежды и т.п., которые не были знакомы кабардинцам до их переселения: *уэлибакъ* – названия блюд, *чаир* – носилка, *лэблэб* – вид сладости и т.д. [Бижоев, 2000: 214]. К другой группе – исконные слова, отличающиеся от литературного языка своей звуковой оболочкой. По его мнению, расхождения с литературным вариантом могут быть разного характера:

– замещение одной фонемы другой: *иІын* вместо *иІэн* – «иметь», *хьэІэш'* вместо *хьэщІэщ* – «гостиная, кунацкая»;

– наращение фонем: *хьэрыф* вместо *хьэрф* – «буква»; *фонч* вместо *фоч* – «ружье»;

– выпадение фонем: *иукІэ* вместо *иужькІэ* – «потом» и т.д.

– перестановка фонем: *гув* вместо *выгу* – «арба».

Также он выделяет ряд слов, устойчивых сочетаний и фразеологизмов, неизвестных в литературном языке: *ахъшэмышхэ* вместо лит. *пщыхьэщхьэшхэ* – «ужин»; *уафапшэ* вместо *пшэ* – «облако, туча»; *хапІэ* вместо *щІапІэ* – «усадьба»; *фІамыщІ* вместо *нэмыщІ* – «кроме»; *къыдэфтын* вместо *къыдэжын*, *къыдэцІэфтын* – «выскочить, выбежать»; *лей къынэмыгъэсын* вместо *лей къылъымыгъэсын* «защитить кого-л. от унижения»; *Іэпэр убыдын* вместо *Іэр убыдын* «поздороваться за руку» и т.д. [Бижоев, 2000: 215–216].

В целом, опыт предшествующих исследователей показывает, что лингвисты-адыговеды определили основные закономерности изменения речи черкесов, проживающих в диаспоре с течением времени. В частности, они установили, что речь черкесов за рубежом испытывает сильное влияние не только со стороны языков местных жителей, но и происходит смешение диалектных особенностей различных адыгских языков и диалектов. Ученые указывают на то, что до наших дней в речи кабардино-черкесской диаспоры сохранились архаизмы, функционировавшие в период общеадыгского языкового единства, а также на то обстоятельство, что с развитием лексики на собственной языковой базе и под сильным влиянием языкового окружения появились неологизмы и заимствования. Кроме того, в речи черкесов, проживающих в Турции, в Сирии и Иордании, многие лексемы подвергались семантическим изменениям. Анализ лингвистической литературы, посвященной речи черкесской диаспоры, показывает, что несмотря на реальные достижения в этой области в дальнейшем требуется более детальная разработка фонетических и лексико-грамматических особенностей речи кабардино-черкесской диаспоры как в Турции, так и в ближневосточных странах.

Все это говорит о том, что языковая ситуация в диаспоре имеет свою специфику. Это во многом определяется тем обстоятельством, что в результате массового переселения адыгов в середине XIX в. в страны Ближнего Востока были резко изменены среда и условия их обитания, язык стал развиваться под влия-

нием качественно разных факторов. «Для многих диаспорных групп стало характерным значительное выравнивание диалектных черт и образование некоего общего диаспорного койне. Это во многом и облегчает взаимопонимание представителей разных диалектных и языковых систем. Отчасти этим объясняется стремление диаспоры к созданию единого языка» [КЧЯ, 2006: Т. I. С. 34].

Язык, потерявший связь с культурой, каков он и есть у детей диаспоры, теряет богатство и многообразие, присущие родному языку, и плохо поддается развитию [Колчинская, 2002].

На родине языка этническая картина формируется из естественной погруженности в семиотическое пространство, из того, чем наполнен воздух, как озвучен мир, над чем смеются, на что обижаются и что легко прощается, что принимает душа, а чего – нет. Существует множество незримых, неслыханных, неосознаваемых каналов включения носителя языка в семиотическое пространство. «Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство» (по Лотмону, семиосфера. – *М.А.*) [Лотман, 1996: 165].

Контактирование неблизкородственных языков приобретает в современном мире все большие масштабы и сопровождается специфическими лингвистическими процессами, которые достигают особой интенсивности в иммигрантских диаспорах; примером такого феномена является черкесская диаспора в Турции, Сирии, Иордании и др. странах. Живя вдали от родины, черкесская диаспора старалась сохранить родной язык, свою культуру. По словам А. Калмык (информатор из Сирии), «…соплеменники сохранили адыгскую душу. Им оставалось вдохнуть ее в чужой язык и развивать с нами, что они и сделали успешно» [АП, 1992, 12 окт.].

Несмотря на достижения предшественников, динамика развития речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции изучена недостаточно. Поэтому в настоящее время назрела необходимость в проведении комплексного исследования данной проблемы.

Проживая вдали от родины, черкесы особо пытались сохранить свой язык и культуру. Для этих целей они создавали различные общественные организации и объединения, национальные школы, издавались книги, газеты и журналы. Тем не менее языковая картина почти во всех зарубежных черкесских диаспо-

рах находится в состоянии продолжающегося кризиса. К тому же, как отмечалось, этот процесс усугубляется и нарастающей ассимиляцией черкесов с местным населением. Поэтому задача сохранения и развития речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом должна стать приоритетной на ближайшее время.

ГЛАВА 2. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ

В настоящее время фонетика речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции в сравнительно-историческом плане недостаточно изучена. В предыдущей главе отмечено, что при анализе речи черкесской диаспоры за рубежом специалисты большое внимание обращают на фонетические особенности. Это не случайный факт, поскольку ни на одном другом уровне языка так ярко не проявляется своеобразие речи соотечественников по сравнению с литературным языком, как в области фонетики. Накоплен уже значительный материал, посвященный данной проблематике, однако пока он остается разрозненным и не дает полной картины нынешнего состояния фонетики и тех фонетических процессов, которые происходили и происходят в речи диаспоры. Необходимо восполнить этот пробел, хотя выполнить подобную задачу весьма непросто в силу ряда обстоятельств. Во-первых, дело усложняется из-за отсутствия у диаспоры письменности на родном языке и соответственно определенных литературных норм; во-вторых, наблюдается смешение не только различных диалектов и говоров кабардинского языка, но и западноадыгских, а также родственных языков (абазинского, абхазского, убыхского); в-третьих, родная речь испытывает сильнейшее влияние турецкого языка. В результате всего этого родная речь диаспоры характеризуется нестабильностью фонетического строя, и трудно прогнозировать, чем могут завершиться те многочисленные фонетические процессы, которые в настоящее время носят незавершенный характер. Тем не менее, опираясь на опыт предшественников, зарубежных и отечественных лингвистов, занимавшихся данной проблемой, на труды по истории развития адыгских языков, а также на собственные наблюдения,

попытаемся проанализировать фонетику родной речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции. При этом для удобства подачи материала делим его на три части: особенности в области консонантизма; особенности в области вокализма; позиционные фонетические процессы. Иллюстрации приводятся на базе кабардино-черкесского алфавита и, в основном, по правилам орфографии литературного языка, но для специфических звуков используются дополнительные знаки, которые приведены в таблице транскрипционных знаков в приложении.

1. ОСОБЕННОСТИ В ОБЛАСТИ КОНСОНАНТИЗМА

1.1. Общеадыгские джъ, чъ, чIъ

В речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции в результате передвижения указанных заднеязычных согласных появились шипящие аффрикаты **г′, к′, кI′**. Однако этот процесс еще не завершен. В данном случае речь идет о преимущественном употреблении мягких заднеязычных **г′, к′, кI′** вместо шипящих аффрикат **дж, ч, чI**. Более того, установлено, что в языке представителей диаспоры редко встречаются литературные варианты.

Примеры звукосоответствия **г′:дж** в начале слова: ***Г′****эгум щIалэ ущыдыхьэшх′ыну емыкIус, щIалэ ущепсэлъэныр емыкIус,* вместо *Джэгум щIалэ ущыдыхьэшхыну емыкIущ, щIалэ ущепсэлъэныр емыкIущ.* «Во время танца смеяться над парнем, разговаривать с ним непристойно» (Шыбзыхъуэ И.); ***Г′****абэм кIэрытIысхьас,* вместо *Джабэм чIэрытIысхьащ.* «Расположились на склоне горы» (Пщыгъусэ М.); *НетIи жытIас, иштэ, г′ылахъстэней къэбэрдей я псалъэкIэр зыщхьэщедз жыфIэри, ау ар зи сщIэIым яни,* вместо *НетIи жытIащ,* ***дж****ылахъстэней, къэбэрдей я псалъэчIэр зыщхьэщедз жыфIэри, ауэ ар зи сщIэкъым.* «Как вы сказали ранее, у гиляхстанейцев и у кабардинцев слова различаются, но я об этом не знаю» (Къандур Хь.); *Адыгэ шхын г′эд шыпс ящI, ахъэр нэхъ къытхуэнауэ ахуэдэс,* вместо *Адыгэ шхыну джэд шыпс ящI, ахэр нэхъ къытхуэнауэ апхуэдэщ.* «Из адыгской пищи сейчас делают гедлибже, это все, что осталось» (ПIрощт И.) [Бижоев, 2000: 236].

В середине слова: *Адэ сыщег′эм си щхьэ къурикIуауэ зыгуэрэ къывжесIынс,* вместо *Адэ сыщедж****эм*** *щыгъуэ си щхьэ къурикIуауэ*

зыгуэр къывжесIэнщ. «Я вам расскажу историю, произошедшую со мной во время учебы» (Гусар Р.); ***Иг'****ы хъыг'эбз нэхъыщIэр тыркубзэкIэ, адыгэбзэкIэ мэпсалъэ,* вместо *И**дж**ы хъыджэбз нэхъыщIэр тыркубзэчIэ, адыгэбзэчIэ мэпсалъэ.* «Сейчас младшая дочка разговаривает на кабардинском и на турецком языках» (Щэныбэ КIу.); ***Иг'****ы абы жаIыжа фIэкIа дэ щIагъуэ тщIэжIым,* вместо *И**дж**ы абы жаIэжа фIэкIа дэ щIагъуэ тщIэжкъым.* «Сейчас, кроме того, что они нам рассказали, практически ничего не помним» (Токъмакъ С.); ***Г'****эгум къыщыщIидзэм* ***уг'****кIэ, сыт, къыщIыдодзэ, фэ* ***уг'****кIэ фоух,* ***иг'****ы хуэм-хуэмурэ* ***уг'****кIэ дыухыну яужь дитс,* вместо ***Дж****эгум къыщыщIидзэм* ***удж****чIэ, сыт, къыщIыдодзэ, фэ* ***удж****кIэ фоух,* ***идж****ы хуэм-хуэмурэ* ***удж****чIэ духыну яужь дитщ.* «Мы вечеринку начинаем с уджа, а вы этим танцем заканчиваете, теперь и мы постепенно стараемся заканчивать уджем» (Акбай И.); *Тенг'ызыр мыбдекIэ гъунэгъус, гуэлым дыхоплъэ,* вместо *Тенджызыр мыбдеж гъунэгъущ, гуэлым дыхоплъэ.* «Море здесь близко, видно озеро» (ПIрощт И.); *Ефэндым мэж**г'**ытым щрегъаджэ, хуера, егъэза щыIэIым,* вместо *Ефэндым мэж**дж**ытым хуейхэр щрегъаджэ, хэгъэзыхь щыIэкъым.* «Эфенди обучает в мечети желающих, никого не принуждают» (Кумыщ Д.).

Как показывают приведенные примеры, в речи представителей как старшего, так и младшего поколения пережиточное **г'** употребляется в начале и в середине слова.

Примеры звукосоответствия **чI:кI.** Ср.: *Зэзэмызи къэбэрдейм къэбэрдей къашэ, ау тыркубзэ фIэ**кI**а псалъэхэIым,* вместо *Зэзэмызи къэбэрдейм къэбэрдей къашэ, ауэ тыркубзэкIэ фIэ**чI**а псалъэхэркъым.* «Иногда кабардинец женится на кабардинке, но разговаривают только на турецком языке» (Акбай И.); *Лицейр къэзухыхун**кI**э Къайсэр сыщыIа, абы еужь**кI**э Стамбул сыщопсэу,* вместо *Лицейр къэзухыхун**чI**э Къайсэр сыщыIащ, абы иужь**чI**э Стамбул сыщопсэу.* «Пока учился в лицее, жил в Кайсери, после окончания переселился в Стамбул и сейчас живу там» (Гусар Р.); *Ди анэ ди адэм щызэдгъэшIа хъуас [адыгэбзэ], тыркубзэр тщIаIым школым дыкIуэхун**кI**э,* вместо *Ди анэ ди адэм я деж щызэдгъэщIа хъуащ [адыгэбзэ], тыркубзэр тщIакъым школым дыкIуэхун**чI**э.* «Кабардинский мы выучили у своих родителей, и пока не пошли в школу, мы не знали турецкого языка» (Токъмакъ С.); *Си къуажэм адыгэкIэ Хьэусей, тырку**кI**э Инлиорен,* вместо *Си къуажэр адыгэ**чI**э Хьэусейщ, тырку**чI**э Инлиоренщ.* «Мое село по-кабардински называется Хаусей, по-турецки – Инлиорен» (Дэгу Н.); *Ди зы ныбжьэгъу, ди*

*зы Іыхьлы, зы къэбэрдей къыдихьэлІэм, къэбэрдеибзэ**кІ**э допсалъэр, вместо Ди зы ныбжьэгъу, ди зы Іыхьлы, зы къэбэрдей къыдихьэлІэм къэбэрдеибзэ**чІ**э допсалъэ.* «Когда мы встречаем друга, родственника-кабардинца, мы разговариваем с ним на кабардинском языке» (Думэн Хь.); *Адыгэм насыпыншагъэу къеуэлІам а нэхь ищхьэр, япэ **кІ**ыщІэ, тІыу зыщхьэщы**кІ**ынырас, хэкур ябгынэнырас,* вместо *Адыгэм насыпыншагъэу къеуэлІам я нэхъ ищхьэр, япэ щІы**кІ**э, тІууэ зэщхьэщы**чІ**ыныращ, хэкур ябгынэныращ.* «Самое большое несчастье, которое случилось с адыгами, это, в первую очередь, их разделение на две части, то, что они покинули свою родину» (Акъсырэ Я.); *Иг'ыр**кІ**э и**кІ**и седжэІым, и**кІ**и сылажьэІым, унэм сыщІэсс,* вместо *Иджы**чІ**э и**чІ**и седжэркъым, и**чІ**и сылажьэркъым, унэм сыщІэсщ.* «Сейчас я не учусь и не работаю, сижу дома» (Гигий Хъ.).

В речи диаспоры заднеязычный взрывной палатализованный **к'** часто употребляется вместо глухой шипящей аффрикаты **ч**.

Примеры перехода **ч в к'**: *Къуажэм къекІунур, къуажэ ипэ итхьэр мэк'энг'эш'ыри, нэхъыфІыр къагъуэтри, къуажэм къокІуэр,* вместо *Къуажэм къекІунур, къуажэм ипэ итхэр мэ**ч**энджащэри, нэхъыфІыр къагъуэтри къуажэм къокІуэр.* «Главы села советуются и находят то, что больше подходит, и приезжают в село» (Сэбэней Э.); *… Дэ ди хэкум къикІаhэр илъэс хыщІрэ пщыкІутІ-пщыкІущым сынэсаши соплъ, сошэ**к'**ри пщІым хыхьэм япэ итш, шэм хыхьэм япэ итш, тху къаукІым къаукІам яшышс,* вместо *… Дэ ди хэкум къичІахэр илъэс хыщІрэ пщыкІутІ-пщыкІущым сынэсащи соплъ, сошэ**ч**ри пщІым хыхьэм япэ итщ, щэм хыхьэм япэ итщ, тху къаучІамэ, къаучІам ящыщщ.* «Тем, которые покинули родину, сейчас семьдесят два года, а мне исполнилось семьдесят три года, я смотрю, соизмеряю и вижу, что если сходятся десять человек, наш впереди, даже если сто человек – наш впереди, если убили пять человек, то и среди них наш» (Сэбэней Э.); *Адыгэхэм яшэ**к'**ас шынагъуэ куэд,* вместо *Адыгэхэм яшэчащ шынагъуэ куэд.* «Адыги пережили много ужасных событий» (Къущхьэ Т.); ***К'**эзууэ жэшым яхъумэт, нэху щыхункІэ, вместо **Ч**эзууэ жэщым яхъумэт, нэху щыхунчІэ.* «Они сторожили по очереди до утра» (Тохъу Ш.).

Графически звуковые соответствия между кабардинским литературным языком и речью диаспоры можно изобразить следующим образом:

Речь диаспоры		лит. язык
г′	→	**дж**
к′	→	**ч**
кI	→	**чI**

Образование шипящих аффрикат на базе заднеязычных относится к области инновации, то есть эти аффрикаты хронологически не могут быть возведены к эпохе общеадыгского языкового единства. По мнению М.А. Кумахова, наряду с новыми шипящими аффрикатами, возникшими из заднеязычных, существуют старые шипящие аффрикаты, восходящие к общеадыгскому языку. Последние противопоставляются по мягкости-твердости. Ср. **дж-джъ, ч-чъ, чI-чIъ** [Кумахов, 1981: 172].

«Во всех кабардинских диалектах и говорах в большей или меньшей степени завершенности представлен процесс аффрикатизации палатализованных заднеязычных смычных **г′**, **к′**, **кI′**. Литературный язык узаконил аффрикатное произношение (**дж, ч, чI** вместо **г′, к′, кI′**), но в некоторых диалектах и говорах (напр., терских, лескенском и др.) в принципе допустимо их параллельное употребление: ***дж**эд-**г′**эд* – «курица», ***ч**ыцэ – **к′**ыцэ* – «подлесок, кустарник, кустарниковая чаща», ***чI**апсэ – **кI**апсэ* – «веревка»» [Шагиров, 2004: 48].

«Аффрикатизирующиеся заднеязычные палатализованные (палатализация в адыгских языках характеризуется необусловленностью, то есть она спонтанна) г′, к′, кI′ исторически восходят к заднеязычным твердым смычным. Эти первичные звуки во всех диалектах адыгских языков, за исключением бабыгойского говора, кубанского диалекта, исчезли, то есть соответственно перешли в аффрикаты» [Мамрешев, 1959: 10–11].

«Общеадыгская мягкая шипящая аффриката **дж** имеет довольно большой ареал распространения в современных адыгских диалектах. Она еще прочно удерживается в бжедугском, шапсугском, темиргоевском и бесленеевском диалектах. Вместе с тем следует полагать, что в общеадыгском звонкая аффриката **дж** восходит к различным источникам, что и нашло отражение в ее развитии после распада языка-основы. С одной стороны, старая аффриката **дж** реконструируется на основании звукосоответствия бжедуг., темирг., шапсуг., бесл. *баджэ*, абадз. *бажьэ*, каб. *бажэ* «лиса»» [Кумахов, 1981: 178].

Показательны различия между говорами бесленеевского диалекта в распределении старой аффрикаты **дж**. Более архаичным оказывается анатолийский говор с. Зеннун, где дж имеет широкое распространение ввиду неравномерности развития тенденции перехода **дж > ж** в кабардино-черкесских диалектах и говорах [Пари, 1974: 113]. Незавершенностью перехода дж > ж с бесленеевским диалектом сближается говор абазакт. Ср. ***дж**эм – **ж**эм* «корова»; *ны**дж**эбэ – ны**ж**эбэ* «сегодня ночью» [Багов, 1968: 13].

«Переход **дж > ж** относится к поздней эпохе самостоятельного существования кабардинского языка. Об этом свидетельствует не только бесленеевский диалект, прочно удерживающий общеадыгскую аффрикату **дж**, но также письменные памятники XIX в. Так, язык Ш.Б. Ногмова характеризуется незавершенностью процесса перехода **дж > ж**. С одной стороны, у Ш.Б. Ногма в ряде случаев вместо спиранта **ж** представлена исходная аффриката (*баджэ* – «лиса» и др.), а с другой – аффриката **дж** и спирант **жь** находятся в отношении свободного варьирования (*къIуа**дж**э, къIуа**ж**э* «село» и др.)» [Кумахов, 1981: 179].

Процесс перехода **г, к, кI > г′, к′, кI′ > дж, ч, чI** протекал и протекает в адыгских языках с разной степенью интенсивности. «Переход **г′, к′, кI′** > **дж, ч, чI** в одних адыгских диалектах уже завершился, а в других еще продолжается. Так, в абадзехском, бжедугском и темиргоевском диалектах процесс аффрикатизации палатализованных **г′, к′, кI′** доведен до конца, то есть согласные **г′, к′, кI′** в этих диалектах перешли в мягкие шипящие аффрикаты **дж, ч, чI**. В адыгейском литературном языке вместо палатализованных согласных **г′, к′, кI′** также представлены мягкие шипящие аффрикаты. В отличие от адыгейского литературного языка и указанных адыгейских диалектов в кабардинском языке процесс аффрикатизации палатализованных согласных **г′, к′, кI′** еще не завершен. Заднеязычные палатализованные **г′, к′, кI′** и возникшие от них переднеязычные мягкие шипящие аффрикаты **дж, ч, чI** в кабардинском литературном языке сосуществуют и фонематически не различаются» [Кумахов, 1981: 185].

Аналогичное явление наблюдается в некоторых диалектах и говорах кабардинского языка. При этом «процесс аффрикатизации палатализованных **г′, к′, кI′** в диалектах и говорах проявляется не с одинаковой интенсивностью, что обусловило различную степень употребительности палатализованных **г′, к′, кI′** и мягких шипящих аффрикат **дж, ч, чI**. В кабардинском

литературном языке палатализованные взрывные согласные (особенно **г′, к′**) употребляются, возможно, значительно реже, чем мягкие шипящие аффрикаты. В речи моздокских кабардинцев процесс аффрикатизации палатализованных **г′, к′, кI′** зашел дальше, чем в малокабардинском говоре, где этот звуковой закон действует менее интенсивно» [Куашева, 1954].

В малкинском говоре отмечается лишь очень редкое употребление палатализованных **г′, к′, кI′** в отличие от кабардинского литературного языка [Шагиров, 1955].

«В кубанском диалекте кабардинского языка сохранились исходные простые (непалатализованные) заднеязычные смычные **г, к, кI**, спорадически реализующиеся на фонетическом уровне как варианты **г′, к′, кI′**. Употребление простых и палатализованных заднеязычных смычных на уровне вариантов характерно для речи представителей старшего поколения. В речи представителей младшего поколения отмечаются палатализованные **г′, к′, кI′** и их варианты – шипящие аффрикаты **дж, ч, чI**. Кубанский диалект, носители которого тесно связаны с адыгейцами, развивается под сильным влиянием адыгейского языка. В качестве литературного стандарта кубанские кабардинцы используют адыгейский литературный язык» [Кумахов, 1981: 116–117].

Наиболее устойчивыми палатализованные **г′, к′, кI′** оказались в бесленеевских говорах. Не во всех этих говорах палатализованные **г′, к′, кI′** еще перешли в мягкие шипящие аффрикаты [Балкаров, 1959].

В адыгских диалектах и говорах заднеязычные **г, к, кI** изменились в палатализованные **г′, к′, кI′**, а затем последние непосредственно перешли в переднеязычные мягкие шипящие аффрикаты **дж, ч, чI.** Разные диалекты демонстрируют разное состояние процесса перехода общеадыгских **г, к, кI > г′, к′, кI′ > дж, ч, чI**. Начальное состояние – свободное чередование **г, к, кI / г′, к′, кI′** – продолжает бабыгойский говор. Завершение процесса перехода **г, к, кI > гь, кь, кIь** характерно для бесленеевского и шапсугского диалектов (в шапсугском диалекте отсутствуют новые аффрикаты **дж, ч, чI < г′, к′, кI′**). Свободное чередование **г′, к′, кI′/дж, ч, чI** отмечается в кабардино-черкесских диалектах. Завершение процесса перехода **г′, к′, кI′ > дж, ч, чI** имеет место в бжедугском, абадзехском и темиргоевском диалектах [Кумахов, 1981: 187–188].

Аффрикатизация палатализованных **г′, к′, кI′** в кабардинском языке вступила в действие значительно позже, чем в адыгейском

языке. В словаре Ш. Ногма, а также в других его произведениях вместо новых мягких шипящих аффрикат везде представлены заднеязычные согласные. Ср. у Ш.Б. Ногма: *еген* – «звать», *гегу* – «игра», *ке* – «селезенка», *ка* – «хвост». По мнению Г.Ф. Турчанинова, эти заднеязычные согласные в годы жизни Ш. Ногма были палатализованными [Турчанинов, 1949].

«В кабардинских текстах, записанных в XIX в Л.Г. Лопатинским и П. Тамбиевым, современным аффрикатизованным шипящим вариантам фонем **г′/дж, к′/ч и кI′/чI** систематически и устойчиво соответствуют заднеязычные взрывные **г′, к′** и **кI.** Это свидетельствует о том, что появление шипящих аффрикат взамен заднеязычных **г′, к′, кI′** в современном кабардинском языке – явление вторичное, результат процесса аффрикатизации указанных заднеязычных вслед за их палатализацией» [Мамрешев, 1959: 111].

Таким образом, использование заднеязычных смычных вместо вторичных шипящих аффрикат встречается как в некоторых дореволюционных публикациях на кабардинском языке, так и в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции. Многие звуковые процессы в адыгских диалектах и говорах происходят крайне неравномерно и реализуются очень интенсивно в течение сравнительно небольшого промежутка времени. Так, аффрикатизация заднеязычных взрывных и спирантизация общеадыгских шипящих аффрикат, обусловившие значительные фонетические расхождения между адыгскими языками, в разное время встречаются в разных диалектах и говорах. В диалектах и говорах, где аффрикатизация заднеязычных взрывных завершилась, была сформирована система шипящих аффрикат и упрощена система заднеязычных согласных, хотя в разговорной речи кабардинцев до сих пор употребляются заднеязычные смычные. Использование в речи диаспоры в Турции заднеязычных смычных в определенной степени подтверждает их наличие в кабардино-черкесском языке дореволюционного периода. А шипящие аффрикаты являются новообразованием в современном кабардино-черкесском литературном языке, несмотря на то, что они иногда встречаются в речи пожилых кабардинцев, адыгейцев, проживающих в России.

1.2. Ларингальный спирант h

К числу наиболее распространенных фонетических явлений в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции относится употребление в окончании множественного числа имен и глаголов ларингального спиранта **h,** которому в кабардино-черкесском литературном языке соответствует глухой средненебный спирант **х**. Это фонетическое явление отмечено исследователями и в других диалектах и говорах кабардино-черкесского языка. Оно широко представлено в бесленеевском диалекте [Балкаров, 1952], в терских говорах [Куашева, 1954], в баксанском диалекте [Мамрешев, 1959].

По нашим наблюдениям, в окончании множественного числа ларингальный спирант систематически употребляется в речи проживающих в Турции кабардинцев.

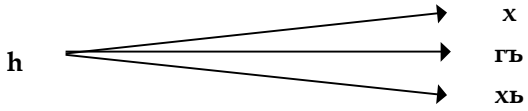
Примеры звукосоответствия **х:h**: *Иг'ыри къэсыху мыхуэдэ Іуохуhэм цІыхуhэр щхьэзакъуу яужь итас,* вместо *Иджыри къэсыху мыпхуэдэ Іуэхухэм цІыхухэр щхьэзакъуу яужь итащ.* «До сегодняшнего дня такими делами люди старались заниматься самостоятельно» (Саадэт М.); *Ау сэ си ныбжь, сэ нэхъ тІэкІу нэхъыщІэhэр уэрсэру къэбэрдес [бзэ]дызэрызэпсалъэр,* вместо *Ауэ сэ си ныбжьхэр, сэ нэхърэ тІэкІу нэхъыщІэхэр къэбэрдейщ [бзэ] дызэрызэпсалъэр.* «Но мои ровесники и те, которые немного моложе меня, свободно разговаривают на кабардинском языке» (Къандур Хь.); *ЛІыцІэhэр къуажэhэм фІашаш', вместо ЛІыцІэхэр къуажэхэм фІащащ.* «Села назвали мужскими именами» (Сэбэней Э.); *Иг'ы ахуэдэhэр къэнэжаІым, вместо Иджы апхуэдэхэр къэнэжакъым.* «Теперь таких не осталось» (Жылэгуэш С.-Э.); *Нобэ ди бынhэр цІыкІус, вместо Нобэ ди бынхэр цІыкІущ.* «Сейчас наши дети еще маленькие» (Думэн Хь.); *МахуэцІэhэр псори зэтохуэ, зыщхьэщидз зыри яхэлъІым,* вместо *МахуэцІэхэр псори зэтохуэ, зэщхьэщидз зыри яхэлъкъым.* «В названиях дней недели все совпадает, расхождений нет» (Гусар Р.).

Кроме того, анализируя тексты, определили факты использования ларингального спиранта **h** вместо звонкого увулярного спиранта **гъ** в анлауте в именах и глаголов, а также в одном слове между гласными в инлауте: *Бжыhэр щхьэкІэ нэгъуэщІ зыгуэру зыдохъэ, псалъэ папщІэ, дэ тІощІитІ, тІощІрэ пщІырэ жыдоІэ,* вместо *Бжыгъэр нэгъуэщІ зыгуэру къыдогъэсэбэп, псалъэм папщІэ, дэ тІощІитІ, тІощІрэ пщІырэ жыдоІэ.* «Числа мы называем немножко

по-другому, например, мы говорим две десятки, двадцать и десять» (Щэныбэ Б.); *Иг'ысту, зэрыжысIас, мыбыкIи ахуэдэ ха**h**эзыхъхэр щыIыжIым, тхъэмахуэм дей зы сыхъэт хуэдэ гуэрэ ад'игэбзэкIэ телевизорым къату хъуас,* вместо *Иджыпсту, зэрыжысIащи, мыбычIи апхуэдэ ха**гъ**эзыхъхэр щыIэжкъым, тхъэмахуэм дей зы сыхъэт гуэр адыгэбзэчIэ телевизорым къит хъуахэщ.* «Сейчас и здесь уже нет таких принуждений, в неделю один раз по телевизору приблизительно на один час показывают передачу на кабардинском языке» (Гусар Р.); *Абы IикIа, ахъшэ зимыIэм и Iуохур нэхь пхыд**h**экIынс жыдоIэри ди гупсысэр арас,* вместо *Абы къичIа, ахъшэ нэхъ зимыIэм и Iуэхур нэхъ пхыд**гъ**экIынщ жыдоIэри ди гупсысэр аращ.* «Мы думаем над тем, как бы улучшить дела малоимущих, приехавших оттуда» (Шыкъ М.); *Нобэрей цIыкIу**h**эр школым мыкIуэ щIыкIэ, я ныбжьыр хэмыкIуэтауэ ад'игэбзэр е**h**эцIыхун хуес,* вместо *Нобэрей цIыкIу**х**эр школым мыкIуэ щIычIэ, я ныбжьыр хэмыкIуэтауэ адыгэбзэр егъэцIы**ху**н хуейщ.* «Нынешних детей нужно до школы, пока они еще малолетние, обучать кабардино-черкесскому языку» (Думэн Хь.); *ХьэщIэ къахуэкIуар х'амэу щытмэ, а зэмкIэ IэплIэ зрашэкIти и тIысыпIэм яhэтIысти щIэупщIэ**h**эт,* вместо *ХьэщIэ къахуэкIуар хамэу щытмэ, а зэм IэплIэ зэрашэчIти и тIысыпIэм ягъэтIысти щIэупщIэ**х**эт.* «Если гость – не близкий родственник, с ним один раз обнимались и сажали на отведенное место, потом спрашивали о состоянии здоровья» (Гусар Р.); *Дэ мыхуэду дыз**h**эпсэуар зы пшым депхати арас,* вместо *Дэ мыпхуэду дыз**гъ**эпсэуар зы пщым депхати аращ.* «У нас такая жизнь сложилась из-за того, что мы подчинялись одному князю» (Сэбэней Э.).

В речи одного информатора обнаружили употребление ларингального спиранта **h** вместо глухого придыхательного фарингального спиранта. В междометии *уэлэхьи* вместо **хь** он использует **h** *уэлэhи* – «ей-богу». Например, *Уэлэ**h**и сэ зыри сымылъэгъуа мыбы,* вместо *Уэлэ**хь**и сэ зыри щызмылъэгъуа мыбы.* «Ей богу, я здесь ничего не видел» (Щэныбэ Э.).

Звуковые соответствия между кабардино-черкесским литературным языком и речью кабардино-черкесской диаспоры в Турции графически можно изобразить следующим образом:



О происхождении ларингального спиранта h в языке существуют разные мнения. Так, например, М.А. Кумахов утверждает, что «ларингальный спирант **h** встречается в диалекте (имеется в виду кубанский диалект) в качестве пережиточного явления. В речи некоторых кубанских кабардинцев (преимущественно представителей старшего поколения) в окончании множественного числа вместо литературного средненебного спиранта х встречается ларингальный спирант **h**, например, в окончании множественного числа имен: *шIалэ**h**эр* – «молодые люди», *унэ**h**эр* – «дома»; в окончании множественного числа местоимений: *а**h**эр* – «они», *мо**h**эр* – «эти». Ларингальный спирант, встречающийся в диалекте в качестве пережиточного явления, был характерным явлением для фонетической системы кабардинского языка» [Кумахов, 1955].

В разных диалектах широкое распространение имеет переход общеадыгского среднеязычного спиранта **х** в ларингальный спирант. В частности, переход **х>h** характерен для кабардинских диалектов и говоров. Ср. бесл., бак., куб. *ўынэhэр* – «дома» [Кумахов, 1981: 205].

Другое мнение заключается в том, что данный ларингальный спирант исторически восходит к средненебному **х,** то есть **h-** звук – вторичного образования в кабардинском языке [Балкаров, 1959].

Критикуя мнение Б.Х. Балкарова, Т.Х. Куашева считает, что этот процесс шел обратным путем, а именно: ларингальный спирант в кабардинском литературном языке перешел в средненебный спирант. В пользу этого говорит общая для всех иберийско-кавказских языков тенденция к исчезновению фарингальных звуков и увеличению состава переднеязычных согласных [Куашева, 1954]. Наличие ларингального спиранта **h** в окончаниях множественного числа имени и глагола является характерным для терских говоров. В литературном языке и в диалектах адыгейского языка ему соответствует среднеязычный спирант **х.**

Ср. терск./г.	бесл./д.	лит. яз.	адыг.яз.	перевод
Унэhэр	*унэhэр*	*унэхэр*	*унэхэр*	«дома»
Еджаhэщ	*еджаhэщ*	*еджахэщ*	*еджагъэх*	«учились»

П.М. Багов присоединяется к точке зрения, согласно которой средненебный спирант **х** в числовой морфеме **-хэ** является более

архаичной морфемой, нежели ларингальная фонема **h**. Он утверждает, что в реконструируемой праадыгской фонетической системе нет ларингального спиранта **h** и нет деффективного ряда, в котором мог бы занять место ларингальный спирант **h**. Исследователь пришел к выводу, что **h** не был исторически в адыгских языках, а появился позже. Его предшественником был спирант **х**, который и ныне используется в кубано-зеленчукских и некоторых других говорах кабардино-черкесского языка [Багов, 1968: 48].

Несмотря на то, что П.М. Багов считает средненебный спирант **х** в числовой морфеме **-хэ** более архаичной морфемой, чем ларингальная фонема **h**, приведенные факты (широкое употребление ларингального спиранта **h** в суффиксе множественного числа, обладающего высокой частотностью употребления среди носителей баксанского и кубанского диалектов, терских говоров кабардинского языка, преимущественно в речи старшего поколения, а также диаспорой в Турции и других странах) говорят о том, что переход **х < h** – кабардинское новообразование. Ларингальный спирант **h** использовался в прошлом в адыгских языках и частично сохранился в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка.

1.3. Переход фарингального абруптива «къ» в ларингальный абруптив «I»

В речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом литературный вариант отрицательной морфемы **-къым** повсеместно соответствует **-Iым,** то есть имеет место соответствие фарингальному абруптиву **къ** ларингального абруптива **I.**

Примеры **с къ<I**, когда **къ** входит в состав суффикса отрицания **-къым** «не»: Иг'ы къуажэ*h*эм мин тIощI дэсыж***Iым*** адыгэу, вместо Иджы къуажэхэм мин тIощI дэсыжкъым адыгэу. «Сейчас в селах не насчитывается двадцати тысяч адыгов» (Шыкъ М.); *Адыгагъэ зехьэныр тынш**Iым***, вместо *Адыгагъэ зепхьэныр тынш**къым***. «Придерживаться адыгского этикета нелегко» (Есэн С.); *Иг'ы нэхъыбэу зи яужь итhэр былымыращ, затэ шы итыж**Iым***, вместо *Иджы нэхъыбэу зи яужь итхэр былымыращ, шым яужь итыж**къым***. «Сейчас больше занимаются скотоводством, коневодством уже не занимаются» (Къандур Хь.); *Сэ си*

*ныбжьэгъур абазэс, къэбэрдеибзэ ищIэ**Iым**, сэ абазэбзэ сщIэ**Iым**, араси тыркубзэкIэ допсалъэ,* вместо *Сэ си ныбжьэгъур абазэщ, къэбэрдеибзэ ищIэр**къым**, сэ абазэбзэ сщIэр**къым**, аращи тыркубзэкIэ допсалъэ.* «Мой друг – абазин, он не знает кабардиноского языка, а я не знаю абазинского, поэтому мы разговариваем на турецком языке» (Чылар Б.); *Аурупэм сыкIуас, абы олимпиадэм ипэ дыдэ сищыфа**Iым**,* вместо *Европэм сыкIуащ, абы олимпиадэм япэ дыдэ сищыфа**къым**.* «Поехал в Европу на олимпиаду, но не смог стать первым» (Жылэгуэш С.Э.); *Дэтхэнэ лъэпкъ мащIэри щхьэхуит хъумэ, мы дунейм къэралу тетыр техуэжын**Iым**,* вместо *Дэтхэнэ лъэпкъ мащIэри щхьэхуит хъумэ, мы дунейм къэралу тетыр техуэжын**къым**.* «Если каждая маленькая нация станет свободной, то в мире не хватит места стольким государствам» (Пщыгъусэ М.); *«Щыхьэрым дыщыпсэуфыну**Iым**, куейм дыщыпсэунущ»,– жари куейм къэкIуа**hэс**,* вместо *«Къалэм дыщыпсэуфыну**къым**, къуажэм дыщыпсэунущ», – жаIэри къуажэм къэкIуахэщ.* «Мы не сможем жить в городе, будем жить в селе» – сказав, переселились в село. (ПIрощт Хь.); *Мы Iуохум яужь дитмэ, бзэр дгъэкIуэдын**Iым**,* вместо *Мы Iуэхум яужь дитмэ, бзэр дгъэкIуэдын**къым**.* «Если мы будем заниматься этим делом, мы не потеряем язык» (Думэн Хь.); *Дэ шкул диIэ**Iым** адигабзэ щадж,* вместо *Дэ школ диIэ**къым** адыгэбзэ щадж.* «У нас нет школ, где изучают кабардинский язык» (Акбай И.).

Информатор Шик Мухамед в разговорной речи в начале слова перед гласными **э, ы, а, и** употребляет ларингальный абруптив **I** вместо фарингального абруптива **къ**.

Примеры перехода **къ** в **I** в начале слова: *Абы **I**икIа ахъшэ зимыIэм и Iуэхур нэхь пхыдhэкIынс жыдоIэри ди гупсысэр арас,* вместо *Абы **къ**икIа ахъшэ зимыIэм и Iуэхур нэхъ пхыдгъэкIынщ жыдоIэри ди гупсысэр аращ.* «Мы думаем над тем, как улучшить дела малоимущих, приехавших оттуда»; *Иг'ы абы дэ жытIам уегупсысым, уэлэхьи я къуэпсыр нэхь быду хаукIэм, нэкIуэжынуи **I**ыщIэкIынIым жыпIынс, ауэ нэкIуэжыныр нэкIуэжынс, нэмыкIуэжыныр мыбы къинэнс,* вместо *Иджы абы дэ жытIам уегупсысым, уэлэхьи я къуэпсыр нэхъ быдэу хаукIэм, нэкIуэжынуи **къ**ыщIэкIынкъым жыпIэнщ, ауэ нэкIуэжынур нэкIуэжынщ, нэмыкIуэжынур мыбы къинэнщ.* «Теперь если подумать над тем, что мы сказали, ей-богу, они свои корни пустили здесь, может ты скажешь, что они не вернутся, но вернутся те, которые захотят, а остальные останутся»; *Мыhэр дэтхэнэ зы щIыналъэми **I**ыщыхъуIым,* вместо

Мыхэр дэтхэнэ зы щIыналъэми **къ***ыщыхъукъым*. «Такое происходит не во всех странах»; *Илъэс хыщI дыпсэлъэжыну [адыгэбзэкIэ]* ***I****ыщIэкIынс, дылIэжыхункIэ,* вместо *Илъэс хыщI дыпсалъэжыну [адыгэбзэкIэ]* **къ***ыщIэкIынщ, дылIэжыхункIэ*. «Наверное, лет шестьдесят мы еще будем разговаривать [на кабардинском], пока не умрем»; *Мазэ* ***I****эсхункIэ зыхуэс диIыс абыми зэзэмызэ миным щынэс щыIэс абы IакIуэр…* вместо Мазэ къэсыхункIэ зыхуэс диIэщи, зэзэмызэ миным щынэс щыIэщ абы къакIуэр... «Каждый месяц мы собираемся, иногда число пришедших достигает тысячи человек» (Шыкъ М.).

Анализируя речь М. Шыкъ, мы обратили внимание на использование ларингального абруптива **I** вместо фарингального **къ** в середине слова: *УиIэр зы****Iэ****мынэ пшамэ пхуримыкъуну…* вместо *УиIэр зы****къэ****мынэ пщами пхуримыкъуну…* «Даже если продашь все свое имущество, тебе не хватит…».

В данном случае применение ларингального абруптива I в суффиксе отрицания в начале и в середине слова, объясняется взаимовлиянием разных языков (у информатора отец – кабардинец, мать – абазинка).

Примеры перехода **къ** в **I,** когда **къ** выступает в суффиксе отрицательно-вопросительной формы:

речь диаспоры	лит. язык	перевод
*нэхъыфIтэ****Iэ?***	*нэхъыфIтэ****къэ?***	может, так было бы лучше?
*ууе****Iэ?***	*Ууей****къэ?***	не твое?

Этот процесс происходит неодинаково в адыгских языках и их диалектах. В баксанском диалекте, например, он развивается интенсивнее. «Можно считать завершенным переход **къ** в **I**, когда **къ** выступает в составе суффикса отрицания **-къым //-Iым** (не) и суффикса отрицательно-вопросительной формы **-къэ // -Iэ**. В этих двух случаях в речи всех носителей баксанского диалекта, независимо от их возраста и пола, переход **къ** в **I** наблюдается систематически» [Мамрешев, 1959: 13].

В некоторых говорах (например, в терских) он наблюдается только при **къ** в суффиксе отрицания [Куашева, 1954].

По мнению П.М. Багова, кубано-зеленчукские говоры обнаруживают своеобразие в сравнении с другими диалектами и го-

ворами кабардино-черкесского языка по соответствию **I:къ**. То есть в говорах в отрицательной и утвердительно-вопросительных морфемах имеем фарингальный абруптив **къ**, а в литературном языке в этих аффиксах выступает ларингальный (межсвязочный) абруптив: в говорах *кIуэ-**къым*** или *кIуэ-**къэ**,* в языке *кIуэ-**Iым*** или *кIуэ-**Iэ***. Считается, что ларингальный **I** в данных случаях является рефлексом **къ** [Багов, 1968: 49-50].

«Согласный **I** по фонетическому качеству слабее **къI**. Кроме того, **I** лишен присущего **къI** оттенка «взрослости, солидности»» [Шагиров, 2004:49].

Как и в баксанском диалекте, в речи диаспоры наблюдается употребление лишь ларингального абруптива **I**. Одновременное употребление обоих вариантов наблюдается довольно в редких случаях: *Уэ уикъуэш'ыр пхузэхъуэкIыжын, зыри пхуещIэну**къым**, ар Iеми, фIыми ууес* – «Можешь ли ты поменять брата, плохой он или хороший, он – твой брат, и с этим ничего не поделаешь» (Щэныбэ Б.). Употребление ларингального абруптива **I** в речи диаспоры, а также в баксанском диалекте и в некоторых говорах говорит о том, что первичным было именно употребление этого согласного. А переход **I<къ** в составе суффикса отрицания – инновационное явление, произошедшее после становления литературного языка.

1.4. Переход шипяще-свистящих спирантов в свистящие спиранты

Процесс перехода шипяще-свистящего спиранта **щ** в свистящий спирант **с** наблюдается в речи всех информаторов. Шипяще-свистящий спирант **щ** может перейти в свистящий спирант **с** в любой части слова, но чаще это наблюдается при **щ-** в копуле. Примеры звукосоответствия **с**:**щ**: *Иг'ы адыгэ унагъуэ хуэдэ хъуа**с**, дэтхэнэ зэманым укъакIуэми аhэри щIэс**с**,* вместо *Иджы адыгэ унагъуэ хуэдэ хъуа**щ**, дэтхэнэ зэманым укъакIуэми щIэс**щ**.* «Теперь они, как и все адыгские семьи, все время дома, в какое бы время не придешь» (Шыкъ М.); *Мы хэгъэгум, нетIэ зэржысIам хуэдэу, къэбэрдер нэхь куэдыIуэу ит**с**,* вместо *Мы хэгъэгум, нетIэ зэржысIам хуэдэу, къэбэрдейр нэхъ куэдыIуэу ис**щ**.* «В этой стране, как я и говорил ранее, кабардинцев проживает немножко больше» (Дэгу Н.); *Минрэ щибгъурэ бгъущIрэ им Анкэрэ зэхуэс щыIа, фи*

*дей зы гуп къикIауэ щыта**с**,* вместо *Минрэ щибгъурэ бгъущIрэ им Анкара зэхуэс щыIащ, фи деж зы гуп къичIауэ щыта**щ**.* «В 1998 году в Анкаре был сход, приехала и из вашей страны одна группа» (Есэн С.); *Сэ къуэшипл I сохъу, къуэшищ дэхьэ сиIыс сэ, сэр нэмыщI зы шыпхъу сиIы**с**,* вместо *Дэ зэкъуэшипл I дохъу, къуэшищ иджыри сиIэщ сэ, сэр нэмыщI зы шыпхъу сиIэ**щ**.* «Нас четыре брата, у меня есть три брата и еще одна сестра» (Къандур Хь.); *Иг'ы адыгэм зы бзэ яIын хуес щыжыпIэкIэ абы лъэныкъуитIкIэ еплъын хуейуэ къысщохъу сэ,* вместо *Иджы адыгэм зы бзэ яIэн хуей**щ** щыжыпIэчIэ, абы лъэныкъуитIчIэ еплъын хуейуэ къысщохъу сэ.* «Сейчас, когда мы говорим, что у кабардинцев должен быть один язык, мне кажется, что на это мы должны посмотреть с двух сторон» (Пщыгъусэ М.); *Школым кIуэн ямыгъуэту зы зыхуащIыжа, гъунэгъу къуажэм кIуэн щIадза, езыгъэджэни иштэ мащIэ**с**,* вместо *Школым кIуэн ямыгъуэту зы зэхуащIыжащ, гъунэгъу къуажэм кIуэн щIадзащ, езыгъэджэни мащIэ**щ**.* «Из-за того, что мало учащихся, школу закрыли, теперь дети начали ходить в соседнее село, но и там учителей мало» (Кумыщ Д.); *ЦIыхур псэунмэ, бзэ иIын, бзэкIэ зыгурыIуэн хуе**с**,* вместо *ЦIыхур псэунумэ, бзэ иIэн, бзэчIэ зэгурыIуэн хуей**щ**.* «Для того, чтобы человек существовал, он должен иметь язык и на этом языке общаться» (Думэн Хь.); *Ад'игэбзэкIэ сыпсэлъэну яужь ситс ди унагъуэми сытми,* вместо *АдыгэбзэчIэ сыпсэлъэну яужь сит**щ** ди унагъуэми сытми.* «Я стараюсь разговаривать на кабардинском языке дома и в других местах» (Акбай И.); *Си цIэр Эрсин**с**, Щэныбэхьэ сащыщ**с**,* вместо *Си цIэр Эрсин**щ**, Щэныбэхэ сащыщ**щ**.* «Зовут меня Эрсин, я из рода Шанибовых» (Щэныбэ Э.).

В речи Акбай Исхак мы наблюдаем использование в начале слова глухого свистящего спиранта **с** вместо глухого свистящешипящего спиранта **щ**: *Иг'ы къэхъу сабихьэр ятесу къакIухь, япэм янэ-ядэр анэшхуэ **с**ыту къищтэу щытаIым…* вместо *Иджы къэхъу сабийхэр я Iэблэм тесу къакIухь, япэм я анэ-адэм, анэшхуэр **щ**ыту сабийр къащтэу щытакъым…* «В наше время, родители носят своих детей на руках, а раньше в присутствии бабушки (старших) ребенка не брали на руки».

Непривычное употребление свистящего спиранта **с**′ мы заметили в речи Алэбий Айшэт, которая в начале слова перед гласными (е, ы) использует свистящий спирант **с**′ вместо шипящесвистящего спиранта **щ:** *…Яхуэшхыр яшхри – уи цIэр сыт? – жари **с**′еупщIым **с**′ыгъуэ – ТокъуматIей – жиIас, арас ТокъуматIей щIыжаIэр,*

вместо …*Яхуэшхыр яшхри – уи цIэр сыт?* – жари **щ***еупщIым* **щ***ыгъуэ-ТокъуматIей – жиIащ, аращ ТокъуматIей щIыжаIэр.* «После того, как они съели сколько смогли, их спросили – как вас зовут? – Токмакей – ответил, поэтому и говорят Токмакей».

Также в речи многих информаторов удалось зафиксировать мягкий шипящий глухой спирант **ш'** в начале, в середине и в конце слова, которому в литературном языке соответствует свистяще-шипящий спирант **щ**.

Примеры перехода **ш'** в **щ** в начале слова: *Иджы урамым къыш'апсэлъырас сабийм зригъащIэр, унагъуэм адыгэбзэкIэ* ***ш'****епсэлъэжырIым,* вместо *Иджы уэрамым къыщапсэлъыращ сабийм зэригъащIэр, унагъуэм адыгэбзэчIэ* ***щ****епсэлъэжыркъым.* «Сейчас дети запоминают то, что слышат на улице, а дома с ними на кабардинском уже не разговаривают» (Шыкъ М.) [Бижоев, 2000: 237]; *Мы хэкум къикIыу мыбы* ***ш'****аухуа Къэншууейм и цIэр тюркухьэм зрахъуэкIри Темурала жаIаш',* вместо *Мы хэкум къичIыу мыбы* ***щ****аухуа Къэншууейм и цIэр тыркухэм зэрахъуэкIри Темурала жаIащ.* «После того, как сюда пришли, они основали Каншууей, а турки поменяли название на Темурала» (Сэбэней Э.); *Абы селъэIуас* ***ш'****ыкIуэжым,* вместо *Абы селъэIуащ* ***щ****ыкIуэжым.* «Я его попросил, когда уезжал…» (Шыбзыхъуэ М.); *Си* ***ш'****хьэгъусэр шапсыгъкIэ мэпсалъэ.* Вместо *Си* ***щ****хьэгъусэр шапсыгъчIэ мэпсалъэ.* «Моя супруга разговаривает на шапсугском языке» (Думэн Хь.); *Иг'ы, си къуэшхэ, къэрал димыIэмэ,* ***ш'****хьэхуитыныгъэ уимыIэмэ, дунем х'эх'эсу уахэсмэ, уи макъыр дэнэ нэсын?* вместо *Иджы, си къуэшхэ, къэрал димыIэмэ,* ***щ****хьэхуитыныгъэ уимыIэмэ, дунейм хэхэсу уахэсмэ, уи макъыр дэнэ нэсын?* «Теперь, братья мои, если нет страны, свободы, если живешь среди чужих, то, что значит твой голос?» (Акъсырэ Я.-К.). *Иг'ы IеупудыкIейу ящэнус, иг'ы мэкъу зэрамыIэм* ***ш'****хьа* ***ш'****итI,* ***ш'****иш',* вместо *Иджы IейуэпудычIейуэ ящэнущ, иджы мэкъу зэрамыIэм* ***щ****хьа* ***щ****итI-****щ****ищ.* «Сейчас из-за отсутствия сена будут продавать очень дешево, за двести-триста» (Токъмакъ С.).

В ***середине слова:*** *Жэ****ш'****ым яугъуеурэ тщIас…* вместо *Жэ****щ****ым яугъуейуэрэ тщIащ…* «Ночью собирались и делали» (Молэ); *Илъэс минитI лъандэрэ жылэ п****ш'****ыкIух духуас, дэвлэт п****ш'****ыкIуш',* вместо *Илъэс минитI лъандэрэ жылэ п****щ****ыкIух духуащ, къэрал п****щ****ыкIущ.* «За два тысячелетия мы создали шестнадцать селений, тринадцать государств» (Сэбэней Э.); *УиIыр зыIэмынэ п****ш'****амэ, зы узыфэ къоуэлIамэ пхуримыкъуну, мыбы ху****ш'****хъуэр ахуэдизу лъапIэс…*

вместо *УиІэр зыкъэмынэ* **пщ***амэ, зы узыфэ къоуэлІамэ пхуримыкъуну, мыбы хущхъуэр апхуэдизу щылъапІэщ…* «Даже если продашь все свое имущество, тебе не хватит денег на лекарство, если ты заболел, настолько они здесь дорогие…» (Шыкъ М.).

В ***конце слова:*** *Дэ ди адэ диhэщІари лъапІэ* ***ш'****, тхьэмадэ диhэщІари лъапІэ* ***ш'****, амэ ди ефэндыhэр зыхуэтшэсрэ абы ящІэhэр утыкум къитлъхьэрэ абы дедаІуэм зыкъомрэ къэмыуэжын жылэ духуэнс,* вместо *Дэ ди адэ дигъэщІари лъапІэ* ***щ****, тхьэмадэ дигъэщІари лъапІэ* ***щ****, ауэ ди ефэндыхэр зэхуэтшэсрэ абы ящІэхэр утыкум къитлъхьэрэ абы дедаІуэмэ, зыкъомрэ къэмыуэжын жылэ духуэнщ.* «То, чему нас научил отец нам дорого, и то, чему научил тамада нам тоже очень дорого, но если мы соберем всех образованных людей и послушаем все, что они знают, мы сможем создать крепкое, нерушимое общество» (Сэбэней Э.); *Зи къуэш шыІэхэр кІуэрти къашэжа* ***ш'****,* вместо ***Зи къуэш щыІэхэр кІуэри къашэжащ.*** «Те, у которых там остались братья, возвращались и забирали их» (Кумыщ Б.); *Тамбий дэ ди адэшхуэр, абы и нэхъыщІэр Адэлбий, абы и нэхъыщІэр Нартбийуэ, ш'ыр гупым япэ иту х'экум къикІа* ***ш'****,* вместо ***Тамбийщ дэ ди адэшхуэр, абы и нэхъыщІэр Адэлбийщ, абы и нэхъыщІэр Нартбийуэ, щыр гупым япэ иту хэкум къикІащ.*** «Наш дедушка – Тамби, его младший брат – Адальби, его младший брат – Нартби, они втроем были впереди тех, кто покидал Родину» (Сэбэней Э.); *Зэкъуэшитху дохъу – щыр щІалэ* ***ш'****, тІур хъыг'эбзу,* вместо ***З****экъуэшитху дохъу – щыр щІалэ* ***щ****, тІур хъыджэбзщ.* «Нас пятеро: три мальчика и две девочки» (Думэн Хь.) [Бижоев, 2000: 233].

По мнению Б.Ч. Бижоева, по многочисленности фонетических вариантов в речи зарубежных кабардинцев копула-суффикс **-щ** не имеет аналогов [Бижоев, 2000: 208]. Он делит представителей турецкой диаспоры в этом отношении на несколько групп:

1) те, кто произносят его последовательно, как **-с, -щ** (Егъэн Хь., Жылэгуэш С., Къущхьэ Т., Шыбзыхъуэ И., Тохъу Ш., Кумыщ Н., ПІрощт И., Акъсырэ Я.-К., Къэрабэ Хь., Сохъу Т., Шыкъ Гу.);

2) одновременно употребляют варианты **ш** и **с'** (Токъумакъей А., Сэбэней Э., Кумыщ Б.);

3) употребляют все три варианта **щ, с', ш** (Шыбзыхъуэ М., Къуэшокъуэ Л.);

4) те, кто в копуле всегда использует с вместо щ (Щэныбэ Б., Гусар Р., Акбай И., Токъмакъ С., Саадэт М., Дэгу Н., Есэн С., Къэндур Хь., Чылар Б., Пщыгъусэ М., Кумыщ Д., Думэн Хь.,

Тебер Ф., Къэрабэ М., Къэрабэ Д., Къэрабэ К., Фехьми Б., Жэнакъ Ф., Гуэбэшы К., Гигий Хъ., Шыкъ Б., Шахьмырзэ Ш. и др.).

Следует особо отметить, что такая дифференциация в произношении копулы-суффикса наблюдается и на исторической родине адыгов. Например, употребление с вместо щ особенно характерно для жителей Баксанского района КБР. Наиболее четко это прослеживается в языке жителей сел.: Баксаненка, Кишпека, Дугулубгея, Исламея, Второй Лескен. Из этих селений речь жителей Баксаненка характеризуется наиболее широким охватом всех возрастов этим процессом.

«В речи жителей г. Чегема I и с. Чегем II (КБР) отмечается сравнительная устойчивость шипяще-свистящих спирантов. Более того, процесс перехода **щ** в **с'** здесь имеет место только в речи женщин. В этом отношении чегемский говор ближе стоит к литературному языку, в отличие от говоров баксанского диалекта» [Мамрешев, 1959: 16].

В малкинском говоре также отмечается сильная тенденция к переходу шипяще-свистящего спиранта **щ** в свистящий спирант **с** [Шагиров, 1955].

В кубано-зеленчукском говоре П.М. Багов отмечает использование мягкого шипящего глухого спиранта **ш'**, которому в литературном языке соответствует свистяще-шипящий спирант **щ** в словах: ***ш'****ыблэ* вместо ***щ****ыблэ* – «гром», *тхьэмы****ш'****кьI*э вместо *тхьэмы****щ****кI*э – «бедный», *жэ****ш'*** вместо *жэ****щ*** – «ночь» [Багов, 1967].

«Общеадыгский шипяще-свистящий спирант **щ** употребляется в речи черкесов (адыгского населения Карачаево-Черкесской Республики) неодинаково. Если в речи абсолютного большинства черкесов спирант **щ** употребляется в соответствии с кабардино-черкесским литературным языком, то в речи жителей аулов Абазакт, Эрсакон, Псауче-Дахе, Первомайский наблюдается замена шипяще-свистящего **щ** шипящим спирантом **ш**. Особенно это характерно для эрсаконцев, абазактцев, первомайцев, некоторой части псаучедаховцев» [Темирова, 1975: 24].

Речь черк. аулов.	Каб.-черк. лит. яз.	Перевод
ШыIэн	щыIэн	«быть, находиться»
Алашэ	алащэ	«мерин»
Шэш	шэщ	«конюшня»

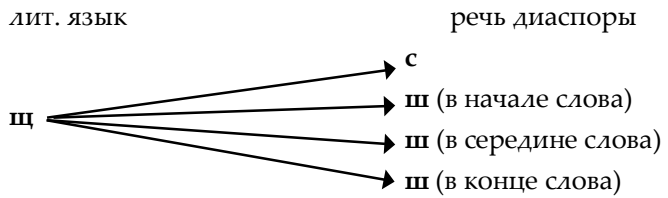
[Темирова, 1975: 25].

П.М. Багов между литературным языком и речью первомайцев в слове *гупшысэн* «думать» отмечает звукосоотношение, где литературному **с** соответствует в речи шипящий спирант **ш.** Литературное **с** восходит к свистяще-шипящему **щ**, а **ш** в свою очередь восходит к твердому шипящему спиранту **шъ** – *гупшъысэн*: **с<щ<шъ**. Переход **щ** в **с** в литературном языке вызван или общей тенденцией к замене шипяще-свистящих спирантов свистящими, или же полной регрессивной дистанционной ассимиляцией [Багов, 1968: 50].

«Общеадыгский спирант **ш** восстанавливается на основе материала адыгейского языка и бесленеевского диалекта. Адыгейские диалекты, за исключением шапсугского, а также бесленеевские говоры сохраняют твердый шипящий спирант **ш,** восходящий к эпохе общеадыгского языкового единства. Ср. абадз., бжедуг., бесл. *Іуыш* (смелый, смышленный), абадз., бжедуг., темирг., *пхъэІаш*, бесл. *пхъэІэшэ* (плуг). В кабардинских диалектах и говорах общеадыгский шипящий спирант **ш** отражается в виде шипяще-свистящего спиранта **шъ**. Ср. бакс., куб. малокабард., лекс.: *шъэ* «сало», *Іуышъ* (умный, смышленный), *пхъэІэшъэ* (плуг), *шътэн* (брать), *Іэшъэ* (оружие)» [Кумахов, 1981: 191].

б) В речи одного информатора (Рушан Гусар) мы встретили использование глухого свистяще-шипящего спиранта **-щ** вместо глухого шипящего спиранта **ш:** «*Ди къуажэхьэм хьэщІэщ щыдиІэхьэ, зы пэш цІыкІурэ Іужрэ, ар пэщитІурэ къапщтэ хъунут*», вместо *Ди къуажэхэм хьэщІэщ щыдиІахэр зы пэш цІыкІурэ Іужрэ, ар пэшитІу жыпІэ хъунут*. «В наших селах гостевые состояли из одной комнаты и коридора».

Графически звуковые соответствия между кабардино-черкесским литературным языком и речью диаспоры можно изобразить следующим образом:



Большинство адыгских диалектов и говоров объединяются общей тенденцией – переходом общеадыгских **ш>щ**, **с>щ**. Од-

нако процесс перехода в адыгских языках и диалектах, в речи зарубежных черкесов продолжает действовать с разной степенью интенсивности. На исторической родине переход **ш>щ**, **с>щ** обнаруживается не между адыгейскими и кабардинскими диалектами, а между говорами и диалектами кабардинского языка. Следует полагать, что использование глухого шипящего спиранта **ш** или же свистящего спиранта **с** вместо шипяще-свистящего спиранта **щ** в речи черкесов за рубежом является результатом незавершенности перехода шипяще-свистящих спирантов в свистящие спиранты, смешения диалектов и говоров. На основе анализа текстов видно, что черкесы, проживающие в Турции, пользуются общеадыгскими фонемами, а инновационные явления в кабардино-черкесском литературном языке не отразились в их речи.

1.5. Звукосоответствия ш':ш, ж':ж

Некоторые представители кабардино-черкесской диаспоры в Турции в устной речи пользуются мягким глухим шипящим спирантом **ш'** вместо твердого глухого шипящего **ш** и звонким шипящим спирантом **ж'** вместо твердого звонкого шипящего спиранта **ж**. Например, *п**ш'**ынэ* вместо лит. пшынэ «гармошка». Исторически данный консонант является общеадыгским, который сохранился в речи черкесов в Турции.

Мягкий звонкий переднеязычный шипящий спирант **ж'** наблюдается в речи людей старшего поколения.

речь диаспоры	лит. язык.	перевод
*б**ж'**э*	*б**ж**э*	«дверь»
*п**ж'**ым ухуемэ*	*п**ж**ым ухуеймэ*	«если хочешь знать правду»
***ж'**ылэм*	***ж**ылэм*	«селение»

Звонкий мягкий шипящий спирант **ж'** употребляется в некоторых словах в адыгейском языке. Он используется и носителями баксанского диалекта кабардинского языка. Например, ср. бакс. диал. *ныбж'* адыг. яз. ныбж', каб. лит. яз. *ныбжь* – «возраст»; бакс. диал. *лэж'эн*, адыг. яз. *лэж'эн*, каб. лит. яз. *лэжьэн* – «работать».

В речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции переднеязычный звонкий шипящий спирант **ж** переходит в звонкий

мягкий шипящий спирант **ж′** только перед гласными **э, ы**, а в речи жителей Баксанского района КБР и в некоторых словах адыгейского языка звонкий мягкий шипящий спирант **ж′** соответствует звонкому свистяще-шипящему спиранту **жь**. Это дает основание полагать, что эти фонетические явления не взаимосвязаны. Можно предположить, что смягчение звонкого шипящего спиранта в речи некоторых представителей старшего поколения происходит из-за смешения различных диалектов и говоров.

В речи одного информатора (Акъсырэ Яшар-Кемаль) общеадыгский звонкий шипящий **ж**, которому в кабардинском литературном языке соответствует шипяще-свистящий спирант **жь** в слове ***жь****эщ* вместо ***ж****эщ* – «ночь», сохранился в палатализованном виде. Это говорит о том, что общеадыгский звонкий велярный шипящий спирант **ж** в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции в единичном случае претерпел палатализацию и перешел в звонкий шипяще-свистящий спирант **жь.** Например, *Узэпсалъэр* ***жь****эщ пщІондэ абы и бзэрас зепхьэр,* вместо *Узэрыпсалъэр* ***ж****эщ пщІондэ абы и бзэращ зепхьэр.* «Говоришь на том языке, с носителями которого находишься **до вечера».**

1.6. Звукосоответствия г′:г, х′:х

В речи ряда информаторов были зафиксированы палатализованные среднеязычные спиранты **г′** и **х′**, которые в некоторых случаях замещают непалатализованные **г**, **х** в литературном языке. Примеры: *Мыр тыркуhэм къах′эт****х′****ауэ зы* ***х′****абзэІым, сыт щхьэкІэ жыпІэу щытым, тыркуhэм зысІа* ***х′****абзэ****х′****эр я****х′****элъы****х′****эІым,* вместо *Мыр тыркухэм къа****х****эт****х****ауэ зы* ***х****абзэкъым, сыт щхьэкІэ жыпІэу щытмэ, тыркухэм жысІа* ***х****абзэ****х****эр я****х****элъы****хх****экъым.* «Этот этикет мы не переняли у турков, так как у них нет этого» (Гусар Р.); *Иг′ы, Алыхьым и шыкуркІэ, сэ къыздэлажьэу, илъэсипщІым сэ си гъусэу лэжьау, унверстетыр яу****х′****ау нобэ тІощІым щІигъу щІалэ диІыс,* вместо *Иджы, Алыхьым и шыкуркІэ, сэ къыздэлажьэу, илъэсипщІым сэ си гъусэу лэжьауэ, университетыр къау****х****ауэ нобэ щІалэ тІощІым щІигъу диІэщ.* «Сейчас, слава Аллаху, есть более двадцати молодых людей, которые со мной работали около десяти лет после окончания университета» (Есэн С.); *Иг′ы-тІэ, мы хэгъэгум къихьэжа адыг′эм да****х′****эту илъэс минрэ щийрэ тІощІищрэ плІырэ хэкум дыкъикІаhэс,* вместо *Иджы- тІэ, мы щІыпІэм къихьэжа*

адыгэм дахэту минрэ щийрэ хыщIрэ плIы гъэм хэкум дыкъикIахэщ. «Мы в эту страну пришли вместе с теми адыгами, которые покинули родину в 1864 году» (Дэгу Н.);

Таким образом, палатализованные среднеязычные **г′** и **х′** встречаются в начале и середине слова перед гласными **а** и **э**, которые в данном случае являются «смягчающими». На исторической родине подобное явление зарегистрировано в речи жителей аулов Абазакт, Псоуче-Даха и Старо-Хумаринский. В речи жителей первых двух аулов **г′**, **х′** всегда замещают литературные непалатализованные **г**, **х** во всех морфемах, а в речи же жителей аула Старо-Хумаринский **г′** имеет место в единичных словах, а **х′** – только в суффиксе-морфеме множественного числа **х′э**. В речи жителей аулов Абазакт и Псоуче-Даха непалатализованные фонемы г, х регулярно заменяются палатализованными **г′**, **х′**. Тогда как в речи жителей аула Старо-Хумаринский такая замена имеет место в единичных словах и аффиксе множественного числа **-хэ**. **Г′**, **х′** встречаются как в комплексе с согласными, так и вне комплекса в начале, середине и реже в конце слова, например, *бг′ы* – «талия», «гора» (Абазакт, Псоуче-Даха), *г′ызын* – «стонать» (Абазакт, Псоуче-Даха), *щIыг′ыныху* (в название травы) (Хумаринский), *жэмх′эр* – «коровы» (Хумаринский), *х′ыв* – «буйвол» (Абазакт, Псауче-Дахе).

Палатализованный х′ иногда влияет на качество последующих гласных **э** и **а**. **Э** произносится как ***е***, а **а** как [**йа**]: *мых′ер* вместо *мыхэр* – «эти»; *х′якIуэ* вместо *хакIуэ* – «жеребец», *сыуых′я* «закончил» вместо *сыухащ* (Абазакт). [Багов, 1969: 30–31].

1.7. Звукосоответствия й:н

В результате анализа полевых материалов обнаружили, что в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции в начале слова используется переднеязычный смычной **н** вместо гласной переднего ряда верхнего подъема **и**: *нчIи* вместо *икIи* – «и, да (союз)», *ныги* вместо *иджы* – «сейчас». Чтобы объяснить этот фонетический процесс, необходимо проследить его историю. **ЙычIи / ычIи** – «и» в шапсугском диалекте адыгейского языка **ыгьи**; в кабардинском возможна и старая форма **йыкIьи**; союз используется для соединения однородных членов предложения, а также простых предложений.

Основа содержит притяжательный префикс **йы-/ы** – «его». Производящая часть родственна абх. -**гьы**, абаз. -**гьи**, убых. – **гьэ** – «и». Не учитывая эти формы и шапсугский **ыгьи**, Дж. Деетерс находит возможным разъяснить **йычIи** как «его конец (окончание) и». Ср. каб.-адыг. **чIэ** «конец» «хвост». Абазинский самостоятельный союз **йгьи** «и» мог появиться под влиянием кабардинской формы.

Для **чI** (<**кьI**) // **гь** ср. аффикс орудного (орудно-направительного) падежа: каб. **-чIэ / (-кIьэ**), темирг. **-чIэ**, шапс. **-гьэ**, бжед. -**джэ (<-гьэ);** союза «же», «может быть».

От **йычIи / ычIи** неотделим энклитический союз **ичI** – «и» (но не **чI**) с согласным. В ауслауте **йычIи / ычIи** союзная частица **-и-** «и». [Шагиров, 1977: 188–189].

Йыджы/ **джы** – «теперь» в кабардинском языке можно встретить и в виде **ныджы**; в бжедугском диалекте – **ыдж**.

«Исходной формой следует считать **йыджы**, где в первой части указательный элемент, ср. абх.-абаз. **ŷажŷы/ŷжŷы** – «теперь» при **ŷэ**-, «тот» в убыхском, **ŷа** «там», в абхазском, **аŷыла** «туда» в абазинском. По происхождению с **йы** ср. убых. **йы**-, «этот» (указательный преф.), а также абх. **йа**- в **йахъьа** «сегодня». Каб. – **ны**-, по-видимому, фонетический вариант йы. В виде ны указательная частица представлена в обоих адыгских языках в наречиях типа **ныжэбэ/нычэпэ** «сегодняшней ночью». Элемент **джы** «теперь» (исторический **гьы**) может быть сопоставлнен с абх.-абаз. **ŷы** в однозначной основе и материально **йыджыпсту** каб. «сейчас», «только что», «сейчас же»; в адыгейском литературном языке используется обычно сочетание **джэдэд** (**джы**) «теперь» + усилительная частица **дэд** «совсем», «самый», «именно». Из **ыйджы** «теперь» и элемента **псту**. Этимология **псту** не исследована. Необычная огласовка (при невозможности отнесения основы к числу символических) дает основание допустить здесь слово-уточнение «именно» [Шагиров, 1977: 182–183].

Употребление в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции в начале слова переднеязычной смычной **н** в словах **нчи**, **ныги** является исторически фонетическим вариантом использования этих слов в кабардинском языке. Словоформа **иджы**, **икIи** – кабардинское новообразование более позднего периода.

Кроме перечисленных фонетических изменений, в речи Къуэшокъуэ Л. нами были замечены другие позиционные изменения. Например:

1. Использование звука **сI** вместо **щI**, например: *А уэрэдыж'хьэм сэ хэссIыкI щымыIэ*, вместо *А уэрэдыжьхэм сэ хэсщIыкI щыIэкъым*. – «В этих старинных песнях я не разбираюсь».

2. Используемый этим информатором отрицательный суффикс отличается своеобразным звучанием: *Дэ ди зэманым щыгъуэ махъсымэ сыт щыIэжа**Iэхьэм,*** вместо *Дэ ди зэманым щыгъуэ мыхъсымэ щыIэжа**къым***. «В наше время бузы уже не было».

2. ОСОБЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ВОКАЛИЗМА

Не только в кавказоведческой лингвистической литературе, но и в исследованиях по общей типологии языков и различных учебных пособиях по языкознанию стало общим местом положения об исключительном богатстве и многообразии консонантной системы западнокавказских языков и бедности системы вокализма [Милевский, 1963]. Кабардино-черкесский язык тоже характеризуется немногочисленностью входящих в нее гласных фонем. В речи диаспоры те же самые гласные, что и в литературном языке, однако имеются позиционные расхождения. В этом плане, согласно наблюдениям Б.Ч. Бижоева, в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции наблюдается ряд отличий от литературного языка. Наиболее существенными из них являются нижеследующие:

а) ы:э В некоторых словах вместо литературного краткого гласного **э** в речи черкесской диаспоры в Турции употребляется иррациональный гласный **ы**. Например, *Ау я благъэ гъунэгъуу щтымэ [хьэщIэр] хьэщIэщымкIэ ягъэхьэщIэIым, езым къах'эсу, я Iэнэм япэрысу щрагъашхэ, щрагъафэ, зэрыщыI**ы**нум хуэдизрэ щоI**ы**р*, вместо *Ауэ я благъэ гъунэгъуу щытмэ [хьэщIэр] хьэщIэщымкIэ щагъэхьэщIэркъым, езым къахэсу, я Iэнэм къадыпэрысу щрагъашхэ, щрагъафэ, зэрыщыIэнум хуэдизрэ щоI**э**р*. «Но если он [гость] – близкий родственник, его не отводят в гостевую, он находится с хозяевами, сидя с ними за общим столом, ест, пьет и находится там столько, сколько ему угодно» (Гусар Р.); *Нэхъыжь зд**ы**щыI**ы**м нэхъыщIи щыI**ы**с, вместо Нэхъыжь зд**э**щыI**э**м нэхъыщIи щыI**э**щ*. «Где есть старший, там и младший есть» (Гусар Р.); *Шыкул диI**ы**н хуес, егъэг'акIуэ диI**ы**н хуес*, вместо *Школ диI**э**н хуейщ, егъэджакIуэ диI**э**н хуейщ*. «У нас должны быть школы и учителя» (Акбай И.); *Нигы IуэхугъуитI дах'**ы**у утыкум кърилъхьас Барасбий*, вместо

Иджы ІуэхугъуитІ дахэу кърилъхьащ утыкум Барасбий. «Теперь Барасбий предложил два хороших дела» (Саадэт М.); *А къызикІа гъ**ы**м, а жысІа гъ**ы**м – минрэ щийрэ тІощІищрэ плІырэ илъэсым – япэ щІыкІэ Анкэрэ ирагъэплъас, иужьым эн сонрэ, нэхъ къэблэмкІэ яхьыжас,* вместо *А къыщикІа гъ**э**м, а жысІа гъ**э**м –минрэ щийрэ хыщІрэ плІы гъэм – япэ щІыкІэ Анкара ирагъэплъащ, иужьым, тІэкІу дэкІа нэужькІэ, нэхъ ипщэкІэ яхьыжащ.* «В тот год, когда они переехали [сюда], в 1864 году, – сначала им показали Анкару, потом, спустя некоторое время, они расположились чуть южнее» (Дэгу Н.); *Уеплъмэ, я хьэщІэр, я хьэщІэщыр, я цІыхубзыр, я хъур – аІэр хуабжьу зэрызэкІэлъыкІуэным хуэду я пс**ы**уалъэхэр зэрызыфІагъэувар ар къыбгуроІуэ, ди къуажэхэм я тІысыкІэм уеплъмэ,* вместо *Уеплъмэ, я хьэщІэр, я хьэщІэщыр, я цІыхубзыр, я хъур – ахэр хуабжьу зэрызэкІэлъыкІуэным хуэдэу я пс**э**уалъэхэр зэрызэфІагъэувар ар къыбгуроІуэ, ди къуажэхэм я тІысыкІэм уеплъмэ.* «Если посмотреть на гостей, гостевую, женщин, мужчин, видно, что, когда строили хозяйственные постройки в нашем селе, они следили за тем, чтобы все было аккуратно сделано» (Пщыгъусэ М.); *Куэд щІас ху пІастэ зэрызмышхыжрэ, ху хьэнтхъупс сызэремыфэжрэ, ху ужьгъэ диІ**ы**жІым,* вместо *Куэд щІащ ху пІастэ зэрызмышхыжрэ, ху хьэнтхъупс сызэремыфэжрэ, ху ужьгъэ диІ**э**жкъым.* «Прошло уже много времени, как я не ел пасту пшена, пшенный суп, у нас не сохранилась просорушка» (ПІрощт И.).

Лингвисты-адыговеды, изучая диалекты и говоры кабардино-черкесского языка, выявили в некоторых из них звукосоответствия с литературным языком **ы:э.** Так, для терских говоров кабардинского языка характерна замена краткого гласного **э** иррациональным гласным **ы** в положении между согласными. Например, *н**ы**гъуэщІ* вместо *нэгъуэщІ* «другой», *щыІ**ы**щ* вместо *щыІэщ* «находятся» [Куашева, 1954].

П.М. Багов, сопоставляя диалектную лексику с лексикой литературного языка, в кубано-зеленчукском говоре выявил соотношение гласных **ы:э**. «Звукосоотношение **ы:э** имеет место во всех слогах слова – в начальном, среднем и конечном. В данном звукосоотношении иногда более архаичную картину, по его мнению, представляет литературный язык, потому что, как полагают некоторые исследователи, **ы** в адыгских языках является производным от гласного **э**. Например, едэІуын вместо едэІуэн «слушать»» [Багов, 1968].

б) а:э В речи диаспоры встречаются случаи, когда вместо краткого гласного **э** литературного языка используется долгое

гласное **а**. Например: *МахуэцIэhэр адигэбзэкIэ – м**а**хуэку, м**а**рем, щэбэт, блыщхьэ, гъубж, бэрэжьей, тхьэмахуэ,* вместо *МахуэцIэхэр адыгэбзэчIэ м**а**хуэку, м**э**рем, щэбэт, блыщхьэ, гъубж, бэрэжьей, тхьэмахуэ.* «Названия дней недели в кабардино-черкесском языке – четверг, пятница, суббота, понедельник, вторник, среда, воскресенье» (Щэныбэ КIущ.-Дж.); *Сыт мыр щIыщыпIагъэр жаIыу къыщызэупщIым, «сыадыгэси щыстI**а**гъэнус фащэ», яжесIас,* вместо *Сыт мыр щIыщыпIагъэр жаIэу къыщызэупщIым, «сыадыгэщи щыстI**э**гъэнущ фащэ» яжесIащ.* «Когда меня спросили, почему я надеваю черкеску, я ответил, что я адыг, потому и ношу» (Акбай И.); *Пщ'эдгыжьым и Iуохур иух'а нэужь, зэз**а**мызэ сабиhэр къашэри шыколхэр щыIэс,* вместо *Пщэдджыжьым и Iуэхур иуха нэужь, зэз**э**мызэ сабийхэр къашэри школхэр щыIэщ.* «Утром, после того как закончат все домашние работы, есть школы, куда иногда отводят [детей] (специализированные для изучения кабардино-черкесского языка)» (Шыкъ М.); *Бгым и гущIыIумкIэ къызэраубыд греко-румэм [хьэлъагъыр] хыщIрэ ирэ илъэсишкIэ сыб**а**нэс,* вместо *Бгым и гущIыIумкIэ къызэраубыд греко-римскэм хыщIрэ и, хьэлъагъ категориемм, илъэсищкIэ сыб**э**нащ.* «В весе 68 килограмм три года занимался греко-римской борьбой» (Жылэгуэш С.-Э.); *Си тхь**а**кIуумэм псы иуас,* вместо *Си тхь**э**кIуумэм псы иуащ.* «В мое ухо вода попала» (Жылэхьэж А.).

О переходе краткого гласного **э** в долгий **а** сказано в работах многих лингвистов, изучавших кабардино-черкесский язык. Так, по мнению М.А. Кумахова, «замена краткого гласного **э** долгим гласным **а** – распространенное явление в кубанском диалекте черкесского языка. Например, замена краткого гласного **э** долгим гласным? **+** в односложных словах: *хь**а**ку* – «печь»; в первом слоге многосложных слов: *н**а**хъыжь* – «старший»; во втором и предпоследнем слоге многосложных слов: *уэфапшьэ* – «облако», *хьэкIэкхъу**а**кIэ* – «животное»; в первом слоге после ларингального абруптивного смычного **I**: *I**а**зэ* – «врач», *I**а**шьтIым* – «кулак»» [Кумахов, 1955].

«Гласному **э** литературного языка в терских говорах в ряде случаев соответствует **а.** Например: *б**а**кхъ* вместо *б**э**кхъ* «хлев», *ш**а**рхъ* вместо *ш**э**рхъ* «колесо»» [Куашева, 1954].

П.М. Багов утверждает, что соотношение **а:э** не имеет широкого распространения в кубано-зеленчукских говорах. Оно встречается в следующих словах: *лъ**а**мыж* вместо лит. *лъ**э**мыж* – «мост», *шант* (Абазакт) вместо *ш**э**нт* – «стул». Если

считать исходным **э**, для перехода **э >а** в этих словах нет особых фонетических условий [Багов, 1968: 62].

в) э:е В одном слове обнаружено чередование краткого гласного **э** с гласным переднего ряда среднего подъема **-е.** Встречается в инлауте между согласными: *м'**е**рем* вместо *м**э**рем* – «пятница».

В кубано-зеленчукских говорах кабардино-черкесского языка подобное звукосоответствие отмечается в слове *бэтэмал* (Хабез и др.), вместо лит. *бетэмал* (модальная частица) [Багов, 1968: 63].

г) ы:и Использование иррационального звука **ы** и гласной переднего ряда верхнего подъема имеет место в речи многих информаторов обоего пола. Это происходит между двумя согласными в середине слова. Например, ср.: *Ад'**и**гэбзэр, дянэ-дядэр ад'**и**гэбзэкIэ псалъэти, дыкъызэралъхуу щIэддзэри ад'**и**гэбзэкIэ дыпсэлъа, тыркубзэм нэхърэ нэхъыфIу ад'**и**гэбзэр дыцIыкIуху дыпсэлъа,* вместо *Ад**ы**гэбзэр, дянэ-дядэр ад**ы**гэбзэкIэ псалъэти, дыкъызэралъхуу щIэддзэри ад**ы**гэбзэкIэ дыпсэлъащ, тыркубзэм нэхърэ нэхъыфIу ад**ы**гэбзэчIэ дыцIыкIуху дыпсэлъащ.* «Черкесский язык мы выучили благодаря тому, что родители на нем разговаривали, и с рождения мы говорили на этом языке и знали намного лучше, чем турецкий язык; в детстве мы разговаривали на черкесском языке лучше, чем на турецком» (Щэныбэ КIу.-Дж.);*Дэри Къайсэр епх'ау з**и**гуэр къуажэм сыщыпсэуас,* вместо *Дэри Къайсэр епхауэ з**ы**гуэр къуажэм сыщыпсэуащ.* «Мы тоже жили в каком-то селе, связанном с Кайсери» (Гусер З.); *Си бг**и**р згъэузыжас, вместо Си бг**ы**р згъэузыжащ.* «Я повредил себе спину» (Акбай И.); *Тыркум ад'**и**гэ къешэ, итIанэ къэбэрдерэ абазэрэ зэрошэри тIури я бзэ ямыщIу, ад'**и**гэ ямыщIэу тыркубзэкIэ фIэкIа псалъэжхэIым,* вместо *Тыркум ад**ы**гэ къешэ, итIанэ къэбэрдейрэ абазэрэ зэрошэри тIури я бзэ ямыщIэу, ад**ы**гэ ямыщIэу тыркубзэкIэ фIэкIа псэлъэжхэркъым.* «Турок женится на кабардинке, кабардинец и абазинка вступают в брак, оба не знают своего родного языка и разговаривают на турецком языке» (Акбай И.).

Изменение краткого гласного **ы** в долгий гласный **и** в абадзехском диалекте кабардино-черкесского языка отмечается после ларингального абруптива **Iь**: *гумэIь**и**гъу* вместо *гумэкI**ы**гъу* – «беспокойство», *Iь**и**маф* вместо *кI**ы**маф* – «зима», *лъэIь**и**н* вместо *лъэкI**ы**н* – «мочь» [Кумахова, 1972: 67].

В слове *н**ы**п* – «флаг» в Старо-Хумаринском ауле иногда вместо **ы** произносят **и**: нип [Багов, 1968: 62].

д) е:о Гласный переднего ряда среднего подъема **е** в инлауте употребляется вместо лабиализованного гласного заднего ряда среднего подъема **о**. Эта особенность в системе вокализма нами была выявлена в речи Тебер (Утижев) Мажида: Куэдир *зэт**е**хуэ, зэтемыхуэри къывжесIэн,* вместо Куэдыр *зэт**о**хуэ, зэтемыхуэри вжесIэнщ* «Многое совпадает, а в чем различие – тоже расскажу».

е) о:ы В речи одного информатора вместо краткого гласного **ы** встречается лабиализованный гласный заднего ряда среднего подъема **о**: *Ау я благъэ гъунэгъуу щтымэ [хъэщIэр] хъэщIэщымкIэ ягъэхъэщIэIым, езым къах'эсу, я IэнэмяпэрысуI… зэрыщыI**ы**нум хуэдизрэ щоI**ы**р,* вместо *Ауэ я благъэ гъунэгъуу щытмэ, [хъэщIэр] хъэщIэщымкIэ щагъэхъэщIэркъым, езым къахэсу, я IэнэмкъадыпэрысуI… зэрыщыI**э**нум хуэдизрэ щоI**э**р.* «Но, если он [гость] близкий родственник, его не отводят в гостевую, он находится с хозяевами, сидя с ними за общим столом… и находится там столько, сколько ему угодно» (Гусар Р.).

ж) о:э Вместо литературного **э** в кубано-зеленчукских говорах П.М. Багов наблюдает использование гласной **о** в одном слове, которое отражено и в литературе: *апщI**о**ндэху* вместо *апщI**э**ндэху* – «пока» [Багов, 1968: 61].

В речи фактически всех информаторов наблюдается подобное употребление лабиализованного гласного заднего ряда среднего подъема о вместо краткой гласной среднего ряда среднего подъема **э**: *Iу**о**хур* вместо *Iу**э**хур* – «дело».

Таким образом, в системе вокализма в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции наблюдаются значительные расхождения с литературным языком. Фонетические изоглоссы объединяют речь кабардино-черкесской диаспоры с некоторыми диалектами на исторической родине. Это говорит о том, что между адыгскими диалектами и речью диаспоры существуют перекрестные фонетические признаки, свидетельствующие о существовании этих фонетических процессов до выселения.

3. ПОЗИЦИОННЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции происходят различные позиционные фонетические процессы в системе консонантизма и вокализма, не характерные для литературного языка:

3.1. Субституция

Фонетическая замена одного звука другим – субституция. Например, ср.: а) **з:ж** – *Мыр тыркуhэм къах'этх'ау зы х'абзэІым, сыт щхьэкІэ жыпІэу щытым, тыркуhэм зысІа х'абзэх'эр яхэлъыхэІым,* вместо *Мыр тыркухэм къахэтхауэ зы хабзэкъым, сыт щхьэчІэ жыпІэу щытым, тыркухэм* ***ж****ысІа хабзэхэр яхэлъыххэкъым.* «Эти обычаи мы не заимствовали у турков, так как у них нет этих обычаев, о которых я говорил» (Гусар Р.).

б) **п:н** – *Иг'ы ди къэралым езым я Іуохум* ***п****эмыщІ, щІалэ цІыкІуhэр згъэлажьэну щІэздзас,* вместо *Иджы къэралым езым я Іуэхум* ***н****эмыщІ, щІалэ цІыкІухэр згъэлажьэу щІэздзащ.* «Кроме той работы, которую я делаю для страны, открыл свое дело, где у меня работают молодые парни» (Жылэгуэш С.-Э.).

в) **чІ:щІ** – *Унверстетым дыщІэсу, къэбэрдем зы гуп къикІа жаІати хьэчІэщым дыкІуэри, Тамарэ ицІу зы пщащи яхэтт абы, пщащэ дахэ гуэри, абы тхылъ къыдита…* вместо *Университетым дыщІэсу, къэбэрдейм зы гуп къикІащ жаІати, хьэ****щІ****эщым дыкІуэри, Тамарэ и цІэу зы пщащи яхэтт абы, пщащэ дахэ гуэри, абы тхылъ къыдитащ…* «Когда учились в университете, мы услышали, что из Кабарды приехала группа людей и что они остановились в гостинице, мы пошли туда и познакомились с красивой девушкой Тамарой, приехавшей с группой, она нам подарила книгу…» (ІутІыжь (Тебер) М.).

г) **щ:з** – *ДыкъыздикІа хэкур Налшыкым пэгъунэгъуу жаІэ, зисаhэ зэманым зыхэсаhэ и цІэ сэ сщІэІым,* вместо *ДыкъыздикІа хэкур Налшыкым пэгъунэгъуу жаІэ,* ***щ****иса зэманым зыхэсахэм и цІэ сэ сщІэкъым.* «Говорят, что то место, откуда мы пришли, располагалось недалеко от Нальчика в то время, когда они там жили, но названия места я не знаю» (Дэгу Н.).

3.2. Ассимиляция

Ассимиляция – фонологический термин, обозначающий уподобление одного звука другому. Ассимиляция происходит между звуками одного типа (гласными или согласными). *Ад'игэбзэр, дянэ-дядэр ад'игэбзэкІэ псалъэти, дыкъыэзралъхуу щІэддзэри ад'игэбзэкІэ* ***д****ыпсэлъа, тыркубзэм нэ****хь****рэ нэ****хь****ыфІу ад'игэбзэр* ***д****ыцІыхуу дыпсэлъа,* вместо *Адыгэбзэр дянэ-дядэр адыгэбзэкІэ псалъэти, дыкъыэзралъхуу*

*щIэддзэри адыгэбзэкIэ дыпсэлъащ, тыркубзэм нэ**хъ**рэ нэ**хъ**ыфIу тцIыхуу **д**ыпсэлъащ.* «Кабардинскому языку нас научили родители, начиная с самого рождения мы разговариваем только на нем и знаем его лучше турецкого языка» (Щэныбэ КIу.-Дж.); *Псоми сыщыпсэуа, къапщтэмэ сэ, мо**т**кIэ хы Iуфэми сыщыпсэуа…* вместо *Псоми сыщыпсэуащ, къапщтэмэ сэ, мо**дэ**кIэ хы Iуфэми сыщыпсэуащ…* «Если так взять, я жил во многих местах, жил там, возле моря» (IутIыжь (Тебер) М.).

3.3. Метатеза

Метатеза – взаимная перестановка звуков или слогов в словах. Например, *Зыри жимыIэу щ**ты**мэ [хъэщIэм], абы къикIыр лъагъунлъагъу къэкIуауэ, тIэкIурэ щыIэмэ кIуэжынураси, абы щхьэкIэ, «сытым щхьэкIэ укъэкIуа» жаIэу еупщIым – хуабжьу емыкIушхуэт,* вместо *Зыри жимыIэу щ**ыт**мэ [хъэщIэм], абы къикIыр лъагъунлъагъу къэкIуауэ, тIэкIурэ щыIэмэ кIуэжынуращи, абы щхьэкIэ, «сытым щхьэкIэ укъэкIуа» жаIэу еупщIкъым – хуабжьу емыкIушхуэт.* «Если [гость] ничего не говорит о причине своего прихода, то это означает, что пришел просто погостить, и в этом случае спрашивать о причине прихода считалось крайне непристойным» (Гусар Р.); *Иг'ы кIэ**тIр**оф нэхь ящIэ хъуас*, вместо *Иджы кIэр**тI**оф нэхъ ящIэ хъуащ.* «Сейчас начали больше сажать картошку» (Къуэшокъуэ Л.). В речи диаспоры в Турции встречается еще один вариант слова картошка – «*кIэнтIроф*», здесь происходит наращение согласной **н**.

3.4. Синкопа

Синкопа – это фонетическое явление, заключающееся в выпадении звука или группы звуков в слове. Например, *ИтIанэ тIощI нэс докIуэри, тIощIым къыщыщIыдодзэри тIощIрэ пщIыщ дэ къызэрыдбжыр, щэшIри жытI[]у мэхъу зэзэмызэ,* вместо *ИтIанэ тIощI нэс докIуэри, тIощIым къыщыщIыдодзэри тIощIрэ пщIыщ дэ къызэрыдбжыр, щэщIри жытI**э**у мэхъу зэзэмызэ.* «Потом мы считаем до двадцати и, начиная от двадцати, «двадцать и десять» так мы считаем, но иногда говорим тридцать» (IутIыжь (Тебер) М.); *… Ныбжьэгъу-благъэ жари ад'игэм зыгуэрхъэр яI[]у*

щ[]та… Вместо *…Ныбжьэгъу-благъэ жари адыгэм зыгуэрхэр яІэу щ**ы**тащ…* «…Раньше у кабардинцев были так называемые друзья-родственники…» (Гусар Р.); *Иг'ы мыбы никІ ныбжьэгъу куэд сиІ[]с сэ Нэхущ Чэрим, ХьэпцІей Тимур сым куэду уэрэджыІакІуэ нокІуэ,* вместо *Иджы мыбы ничІ ныбжьэгъу куэд сиІэщ сэ – Нэхущ Чэрим, Хьэцей Тимур сымэ, куэду уэрэджыІакІуэ нокІуэ.* «Сейчас у меня есть много друзей оттуда – Черим Нахушев, Тимур Хацаев к нам приезжают многие певцы» (Акбай И); *АбыкІэ коммунистикыр я щхьэм ихьэс абыми, дэ дикІынус жаІ[]с,* вместо *АбычІэ коммунизмэр я щхьэм ихьэщ аби, дэ дичІынущ жаІ**а**щ.* «Там у них коммунизм засел в голову, и они сказали, что уедут [из страны]» (ПІрощт И.); *Іэмал имыІ[]у зэрыукІыну щтымэ, зы цІыхубз яку ихьамэ, лъы яку илъу щтымэ, къагъанэу щ[]та,* вместо *Іэмал имыІэу зэрыукІыну щытмэ, зы цІыхубз яку ихьамэ, лъы яку илъу щытми, къагъанэу щ**ы**тащ.* «Если завязалась драка, и между ними стала женщина, то даже если между дерущимися была кровная месть, драка прекращалась [из-за уважения к женщине]» (Гуэбэшы К.).

3.5. Этклипсис

Этклипсис – выпадение согласных. Например, *Унверстетым щхьаи а[]хуэдууэ зыбгъэхьэзрын хуе[]с,* вместо *Университетым щхьэчІи а**п**хуэдэу зыбгъэхьэзрын хуе**й**щ.* «Для поступления в университет точно так же надо подготовиться» (Шыкъ М.); *Дау мыхъуами, тІэкІу зыщхьэщокІыр [хабзэр], ау и къежьапІэмрэ и къуэпсымрэ псори зыс, нэхь зэрызыщхьэщыкІыуэ сэ нымы[]сту къывжесІэн,* вместо *Дауэ мыхъуами, тІэкІу зэщхьэщокІыр [хабзэр], ауэ и къежьапІэмрэ и къуэпсымрэ псори зыщ, нэхъ зэрызэщхьэщыкІри сэ иджы**п**сту вжесІэнщ.* «Как бы то ни было, есть расхождения [в этикете], но истоки одни, а чем они различаются, я сейчас вам расскажу» (Гусар Р.); *… Іе[]ми фІыми ууе[]Іэ уи хэкур, араси, хэкур умылъагъуну Іэмал иІэІым фІы,.* вместо *…Іе**й**ми фІыми ууе**й**къэ уи хэкур, аращи, хэкур умылъагъуну Іэмал иІэкъым.* «Не любить свою Родину невозможно, так как хорошая или плохая – она твоя» (Щэныбэ Б.); *Ин дыхъуа нэужь, школым щІэ[]дза нэужь, тыркубзэкІэ дыпсалъэу дыхуежьа,* вместо *Ин дыхъуа нэужь, школым [дыкІуэу] щІэ**д**дза нэужь, тыркубзэкІэ дыпсалъэу дыхуежьащ.* «После того, как мы повзрослели и пошли в школу, начали разговаривать на турецком языке» (Щэныбэ КІу.– Дж.).

3.6. Эпентеза

Эпентеза – наращение согласного (паразитического, то есть неэтимологического). Например, *МахуэцIэhэр псори зэтохуэ – блыщхьэ, гъубж, бэрэжьей, махуэку, мэрем, щэбэт, тхьэмахуэ – ахуэдурэ йырокIуэкIыр, зыщхьэщидз зыри яхэлъIым,* вместо *МахуэцIэхэр псори зэтохуэ – блыщхьэ, гъубж, бэрэжьей, махуэку, мэрем, щэбэт, тхьэмахуэ – апхуэдурэ йокIуэкIыр, зэщхьэщидз зыри яхэлъкъым.* «Названия дней недели совпадают: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье – так и есть, ничем не отличаются» (Гусар Р.); *…Зы пластинкIи къыдатат, «Уэ уи цIэр Мадинэ хьэумэ Маринэ» тету, «Уэ уи нитI» тету, зи сщыгъупщэрIым ар,* вместо *… Зы пластинчIи къыдатат, «Уэ уи цIэр Мадинэ хьэмэ Маринэ» тету, «Уэ уи нитI» тету, зи сщыгъупщэркъым ар.* «Нам подарили одну пластинку, там были песни «Тебя зовут Мадина или Марина», «Твои глаза» – никак не могу это забыть» (IутIыжь (Тебер) М.); *Мыбы дыкъэкIуэжа нэужьынкIэ Iэмалыншэу сыкъанэри сыпсэлъа [адыгэбзэкIэ],* вместо *Мыбы дыкъэкIуэжа нэужькIэ Iэмалыншэу сыкъанэри сыпсэлъащ [адыгэбзэкIэ].* «После того, как мы сюда переехали, по необходимости мне пришлось разговаривать [на кабардинском языке]» (Балъкъэр-Гусер З.); *Дэ зымрэ зымрэ зызэтпэсIым, щызырумыпэскIэ гъащIэ иIыу жылэшхуэ дыхъуныр гугъущ,* вместо *Дэ зым зыр зызэтпэскъым, щызэумыпэсчIэ гъащIэ иIэу жылэшхуэ дыхъуныр гугъущ.* «Мы друг другом пренебрегаем, и это осложняет процесс создания перспективного большого общества» (Сэбэней Э.).

3.7. Наращение гласного ы

ДыцIыхуу, ди бзэр тIурылъыуэ, ди хабзэ тIыгъыжу дыпсэуну дыхуей, вместо *ДыцIыхуу, ди бзэр тIурылъу, ди хабзэ тIыгъыжу дыпсэуну дыхуейщ.* «Мы хотим жить, разговаривая на своем родном языке, сохраняя свой этикет и оставаясь людьми» (Гусар Р.); *Уэрэд куэд адыгэбзэкIэ сытха, вместо Уэрэд куэд адыгэбзэчIэ стхащ.* «Я написал много песень на кабардинском языке» (Акбай И.); *Иг'ы абы дэ жытIам уегупсысым, уэлэхьи, я къуэпсыр нэхь хаукIэм, нэкIуэжынуи IыщIэкIынIым жыпIынс, ауэ нэкIуэжыныр нэкIуэжыныс, нэмыкIуэжыныр мыбы къинэнс,*

вместо *Иджы абы дэ жытIам уегупсысым, уэлэхьи, я къуэпсыр нэхъ хаукIэм, нэкIуэжынуи къыщIэкIынкъым жыпIэнщ, ауэ нэкIуэжыныр нэкIуэжынщ, нэмыкIуэжыныр мыбы къинэнщ.* «Если подумать над тем, что мы сказали, то здесь они укрепляют свои корни и вряд ли вернутся обратно, но кто захочет, вернется, а кто не захочет, здесь останется» (Шыкъ М.); *Пщ'эдгыжьым и Iуэхур иух'а нэужь зэзамызэ къашэри шыколхэр щыIэс, вместо Пщэдджыжьым и Iуэхур иуха нэужь зэзэмызэ къашэри школхэр щыIэщ.* «У нас есть школы, куда приводят детей утром, после завершения домашних работ» (Шыкъ М.).

3.8. Апокопа

Апокопа – отпадение конечного безударного гласного, не связанного с ударением. Например, *Ди жылэм куэд хуэныкъуэт, икъухьат, зыщIэкъуау зы лэжьапIэ, зы гупсысакIэ, зы культур[] къызэрагъэкIуэкIын, дэ ди къуажэ зэпхын зы лэжьапIэ дыхует,* вместо *Ди жылэр куэд хуэныкъуэт, икъухьат, зэщIэкъуауэ зы лэжьапIэ, зы гупсысэкIэ, зы культурэ къызэрагъэпэщын, дэ ди къуажэ зэзыпхын зы лэжьапIэ дыхуейт.* «Наш народ во многом нуждался, был разбросан, нужно было создать рабочие места, одну культуру, для того чтобы объединить воедино всех в селе» (Есэн С.); *Хасэ яухуэри ягъэзэжыну ахуэдэ унафэхэри ящI, ау[] дауэ дгъэзэжа хъуну, сыт, жаIурэ изыныкъуэхэм ноби апхуэдэс,* вместо *Хасэ яухуэри ягъэзэжыну апхуэдэ унафэхэри ящI, ауэ дауэ дгъэзэжа хъуну, сыт, жаIэурэ языныкъуэхэр ноби апхуэдэщ.* «Создают хаса и решают вернуться обратно [на родину], но некоторые и по сей день размышляют над тем, как вернуться» (Чылар Б.); *Ау[] нобэ зытетыр къуажэм дэсыр мащIэ хъууэ, къалэм Iэпхъуэжыр нэхъыбэ хъуу щIидзас,* вместо *Ауэ нобэ зытетыр къуажэм дэсыр мащIэ хъууэ, къалэм Iэпхъуэжыр нэхъыбэ хъууэ щIидзащ.* «На сегодняшний день число жителей села уменьшается, а количество переселяющихся в город становится больше» (Акъсырэ Я.-К.). *Дау[] мыхъуами, тIэкIу зыщхьэщокIыр, ау[] и къежьапIэмрэ и къуэпсымрэ псори зыс…* вместо *Дауэ мыхъуами, тIэкIу зэщхьэщокIыр, ауэ и къежьапIэмрэ и къуэпсымрэ псори зыщ…* «Как бы то ни было, они немножко различаются, но истоки одни» (Гусар Р.); *…Янэ-ядэ псалъэмэ, къуажэм нэхъ дэсахэм, ахьэм зрагъэщIас [бзэр], ау[] мы горэдышхуэм дэсхьэм куэдым яцIыхуIым, сэ си ныбжьэгъухьэри ара,* вместо *…Янэ-*

ядэр псалъэмэ, къуажэм нэхъ дэсахэм, абыхэм зэрагъэщIащ [бзэр], ауэ мы къалэшхуэм дэсхэм куэдым ящIэркъым, сэ си ныбжьэгъухэри аращ. «Те, которые жили в селе и у которых родители разговаривали [на родном языке], они выучили [язык], но те, которые живут в больших городах, не знают языка, в том числе мои друзья» (Акбай И.); *Хэхауэ дэ мы хабзэр мыхуэдэ жаIэу зей къыджаIаIым, ау[] дэ дыщыпсэуа зэманым кърихьэлIэу адыгэ хабзэр псори зрахьэу щыта, зэрызэрахьэм ипкъ иткIи тлъэгъурэ, зэхэтщIурэ хабзэхэр къэтщIауэ ара,* вместо *Хэхауэ дэ мы хабзэр мыпхуэдэщ жаIэу зэи къыджаIакъым, ауэ дэ дыщыпсэуа зэманым ирихьэлIэу адыгэ хабзэр псори зэрахьэу щытащ, зэрызэрахьэм ипкъ иткIи тлъагъуурэ, зэхэтщIэурэ хабзэхэр къэтщIауэ аращ.* «Определенно нам про обычай никто ничего не говорил, но то, что мы видели, то и воспринимали в наше время, а в то время придерживались всех традиций, это и осталось у нас» (IутIыжь (Тебер) М.).

3.9. Отпадение гласного и согласного в начале слова

[]ТIанэ мыбы исыр х'аму дисс, хьэщIу дисс дэ ди щIыми нобэ, мисыр илъэсищэм щIигъуас, вместо ***И****тIанэ мыбы исыр хамэу дисщ, хьэщIэу дисщ дэ ди щIыми нобэ, мисыр илъэсищэм щIигъуащ.* «Сегодня, спустя уже более ста лет, мы живем здесь как чужие, как гости» (Жэнакъ Ф.); *Сэ мыбы гу []лъыстар ара, тIэкIунитIэ а Iуэхум сытелажьэри ара,* вместо *Сэ мыбы гу* ***щIы****лъыстар аращ, тIэкIунитIэ а Iуэхум сытелэжьати аращ.* «Я на это обратил внимания из-за того, что сам работал над этой проблемой» (IутIыжь (Тебер) М.); *1999 гъэм []щIэдзау мыбы сыщопсэу, си сабий быныри си унагъуэри мыбы щыIэс,* вместо *1999 гъэм* ***къыщы****щIэдзауэ мыбы сыщопсэу, си сабий бынри си унагъуэри мыбы щыIэщ.* «С 1999 года я здесь живу со своей семьей» (Щэныбэ Э.).

3.10. Упрощение консонантного комплекса

Лъакъуэр къутами, пхъэ[]гъу дэгъуэ ищIынти, игъэхъэзырынт хьэкхъуафэ цIыкIум хуэдэуи, упщIэ дилъхьэнти, упщIэм хыуигъэлъхьэнт, вместо *Лъакъуэр къутами, пхъэ****б****гъу дэгъуэ ищIынти, игъэхъэзырынт хьэкхъуафэ цIыкIум хуэдэуи, упщIэ дилъхьэнти, упщIэм хыуигъэлъхьэнт.* «Если сломал ногу, он де-

лал из хорошей доски маленькое корыто, куда *клал* войлок и *ложил* ногу» (ПIрощт И.) [Бижоев, 2000: 210, 236]; *Хэкум къикIа иу[]кIэ, дидейхьэр бей хъуас хуабжьу*, вместо *Хэкум къикIа иужькIэ, дыдейхэр бей хъуащ хуабжьу.* «После того, как уехали с родины, наши разбогатели» (Къуэшокъуэ *Л.*) [Бижоев, 2000: 210, 227].

Закрепление в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции вышеперечисленных звуковых изменений, нехарактерных для кабардино-черкесского литературного языка, является результатом влияния окружающей языковой среды, смешения диалектов и говоров, отсутствия письменности. Также прослеживаются следы исторически сложившихся фонетических изменений, которые сохранились на исторической Родине только в различных диалектах и говорах, а в литературном языке вместо тех или иных консонантов или вокалов используются новообразования, ставшие нормой в литературном языке.

ГЛАВА 3. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ

Основной единицей всякого естественного языка служит слово, в котором «как в капле воды океана, отражена вся языковая система, и познание ее содержательных свойств оказывается наиболее эффективным на конкретном объекте, отражающем эти системные отношения» [Бархударов, 1981: 4].

«Лексический уровень языка, как самый обширный, несопоставим ни по числу единиц, ни по сложности и многообразию ни с фонетическим, ни с морфологическим, ни с синтаксическим уровнями. Лексика – самый динамичный и вместе с тем самый многомерный, многопараметровый компонент языка. Совокупность всех этих признаков и характеристик обусловливает то, что лексика не только находится в постоянном движении, но по существу и не очерчена в каждый данный момент существования языка с достаточной определенностью» [Шмелев, 1973: 20].

Словарный состав речи кабардино-черкесской диаспоры отражает связи, контакты, совместную жизнь ее носителей – кабардинцев (черкесов) с другими народами. Заимствования из этих языков, различных адыгских диалектов и говоров составляют определенный лексический пласт кабардино-черкесского языка. Сравнительное изучение лексики речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции может дать ценный материал не только для воссоздания истории кабардино-черкесского языка, но и для понимания современного состояния его словаря. Нынешняя кабардино-черкесская диаспора, сформировавшаяся из различных субэтнических адыгских групп, потерявшая каждодневный

контакт с остальными адыгами и оказавшаяся в окружении иноязычных народностей, не могла полностью сохранить лексику, совпадающую с общепринятой нормой кабардино-черкесского литературного языка.

Лексика, как наиболее проницаемая часть языка, испытывает наибольшее воздействие со стороны других языков. Диглоссия, отсутствие тесной связи с основной массой кабардинцев и многоязычная среда проживания определили в целом локальные особенности речи черкесской диаспоры за рубежом. Сложная картина, наблюдаемая в речи кабардино-черкесской диаспоры, сложилась под влиянием внешних и внутренних факторов в ходе ее исторического развития.

Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции, обособившаяся в результате сложных процессов дифференциации и интеграции языка, в силу лингвистических и экстралингвистических условий, продолжает существовать как своеобразная единица. Результаты сильного влияния сказываются на всех уровнях, в особенности в лексике: воздействие турецкого языка, смешение диалектов и говоров вызвало появление в речи неологизмов, слов с семантическими отклонениями, слов с фонетическими изменениями, новых устойчивых единиц, заимствований. Заимствуются из турецкого не только слова, обозначающие новые понятия и вещи, но и слова, которые уже имеют в самом кабардино-черкесском языке свои обозначения: *бахъчэ* вместо *хадэ*, *унэ пщIантIэ* «сад, приусадебный участок»; *ер* вместо *щIыпIэ* «местность»; *дэхьэ* вместо *иджыри* «еще»; *иншыхьэт* вместо *ухуакIуэ* «строительство». В таких случаях исконные и синонимичные им слова определенное время могут сосуществовать в речи, но, как правило, в конечном итоге тюркизмы постепенно вытесняют исконное слово.

В книге «Кабардино-черкесская диалектология» Х.Т. Таов, анализируя речь адыгской диаспоры в странах зарубежья, показывает, что в ней, с одной стороны, сохранились архаизмы, функционировавшие в период общеадыгского языкового единства, с другой – он выделяет неологизмы и заимствования, появившиеся в результате длительного изолированного развития и под сильным влиянием иноязычного окружения. В своей работе он приводит многочисленные примеры заимствований из арабского, турецкого языков: арпэ «ячмень», аскер «солдат», зейтун «оливие» и т.д. [Таов, 1997: 88–87].

Значительную работу по выявлению особенностей лексики речи кабардино-черкесской диаспоры, проживающих за рубежом, проделал Б.Ч. Бижоев. В своих работах (Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик, 2005; Речь кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000) он выделяет целый пласт заимствованных слов из арабского и турецкого языков, которые отсутствуют в кабардино-черкесском литературном языке. Это результат тесного и длительного контакта с носителями указанных языков в течение почти полутора веков. Он делит эти заимствования на две группы: 1) слова, которые не имеют синонимов исконной лексике; 2) слова, которые вытеснили исконные слова или же сосуществуют с ними как синонимы [Бижоев, 2005: 51–52].

Таким образом, анализ лексического состава речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции позволил нам выделить целый комплекс слов, которые отсутствуют в современном литературном кабардино-черкесском языке. Лексика речи диаспоры развивалась двумя путями: 1) слова создавались на собственной языковой базе или уже имеющиеся слова получали новые значения; 2) слова заимствовались из турецкого (как тюркизмы, так и арабизмы и интернациональные слова через турецкий язык). Эти два пути, как показывает материал, абсолютно неравнозначны: в основном обогащение лексики происходит за счет заимствований, в то время как на собственной базе создано незначительное количество слов. Это тоже фактор, свидетельствующий о слабой позиции родной речи диаспоры, находящейся под давлением государственного турецкого языка.

1. РАЗВИТИЕ РЕЧИ НА СОБСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ БАЗЕ

Фактов, свидетельствующих о том, что родной язык диаспоры продолжал свое развитие за счет внутренних резервов, собственного потенциала, не так много. Тем не менее этот способ обогащения лексики действовал как бы по инерции вплоть до 1970-х годов, то есть до резкого изменения языковой ситуации в результате массового переселения адыгов (черкесов) в города и

активного проникновения турецкого языка в адыгские села через школьное образование и средства массовой информации. За последние десятилетия о развитии лексики на собственной базе говорить не приходится. Собранный нами материал по развитию речи диаспоры на собственной языковой базе имеет ряд специфических особенностей, исходя из которых его можно распределить по следующим основным группам:

– в первую группу объединяется небольшое количество лексических единиц, которые являются специфической особенностью речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции и неизвестны литературному языку: *егъэзын* «принудить, заставлять», *лъэпагуэбзэ* «турецкий язык»;

– вторую группу составляют слова с изменившейся семантикой. Случаи семантического расхождения с литературным языком идут по линии несоответствия одних и тех же слов по объему выражаемых ими понятий: *зехьэн* «пользоваться», *къэбжын* «подумать»;

– третью группу образуют слова, отличающиеся от литературного кабардино-черкесского языка своей звуковой оболочкой: *къырал* «страна», *псыуалъэхэр* «хозяйственные постройки»;

– в четвертую группу входят фразеологизмы и другие устойчивые сочетания, образовавшиеся в речи кабардино-черкесской диаспоры: т*аджжэ щIын* «совершить молитву».

1.1. Неологизмы

Одним из основных путей обогащения лексики является образование новых слов на собственной языковой базе. Этот способ наиболее активно используется в развивающихся, имеющих стабильное положение в обществе языках. В силу того, что кабардино-черкесский язык в Турции находится в совершенно противоположной ситуации, в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции трудно обнаружить «новые» исконные слова, образовавшиеся уже на территории нынешнего их проживания. Тем не менее нам удалось зафиксировать несколько подобных неологизмов:

Гъуэшх вместо *сагъыз* «жвачка» [СКЧЯ, 1999: 605]. В речи черкесской диаспоры в Турции это слово образуется от *жьэгъуашхэн* – то есть «жевать». *Гъуэшх бгъэныщкIуу уэрамым*

ирикIуэныр куэду емыкIус. «Идти по улице жуя жвачку очень непристойно» (Жылэхьэж А.).

Егъэзын вместо *хэгъэзыхьын* «принуждать, заставлять» [СКЧЯ, 1999: 679]. *Ефэндым мэжгытым щрегъаджэ, хуера, егъэза щыIэIым*. «Эфенди обучает желающих в мечети, никого не принуждая» (Кумыщ Д.).

В адыгейском языке в разговорной речи встречается слово «*егъэзын*» со значением «приневолить кого-л к чему-л.» [РАС, 1960: 698]. Оно присутствует и в местных говорах кабардинского языка, например, в кубано-зеленчукских говорах зафиксировано производное от *егъэзын* слово *егъэзыгъэ* «принуждение к чему-л.» [СКЧЯ, 1999: 144].

Зэтемыбзу – «несовершенно, не совсем правильно». *Бзэр дгъэкIуэдаIымэ, ауэ дэ дызыхуем хуэмыдэу зэтемыбзу зыгуэрhэри доцIыху.* «Язык мы не потеряли, хотя мы владеем им не так совершенно, как хотелось бы, но кое-что мы знаем» (Думэн Хь.-И.).

ЗэпхырыкIыбжэ вместо *кIуэцIрыкIыбжэ* «внутренняя дверь» [СКЧЯ, 1999: 351]. *УнэмкIэ зыпхырыкIыбжэ иIыу, щхьэхуу ущIыхьэ хъуу хьэщIэщ зимыIа дахэ-дахэу унагъуэ щыIэIым мыбы*. «Здесь нет таких семей, у которых не имелись бы гостевые, в которые можно было бы зайти через внутреннюю дверь из дома или же из основного входа» (Жылэгуэш С.-Э.).

Зыгъэубылъын вместо *зыгъэпщкIун* «спрятаться» [СКЧЯ, 1999: 280]. *Хьэубыдхэр ди яужьым къихьа, ау зыдгъэубылъри зий дыкъаубыдакъым.* «Полицейские следили за нами, но мы спрятались, и нас не смогли поймать» (IутIыжь (Тебер) М.).

КIагуэ в диаспоре это слово употребляется в значении «турок» вместо литературного *тырку* «турки» [СКЧЯ, 1999: 641]. *ДыкъэкIуа щхьэчIэ мы кIагуэжьhэм дражагъуэщ*. «Мы пришли, но турки нас недолюбливают» (Къущхьэ Т.).

Лъэпагуэ вместо *тырку* «турки» [СКЧЯ, 1999: 641]. *Илъэсищэм щIигъуауэ лъэпагуэхэм дадопсэу*. «Более ста лет мы живем с турками» (Акбай И.). *Къэбэрдей къуажэhэр лъэпагуэ зыхагъэхьаIым*. «В кабардинские села турков не пускали» (Жылэгуэш С.-Э.).

Лъэпагуэбзэ вместо *тыркубзэ* «турецкий язык» [СКЧЯ, 1999: 641]. *Лъэпагуэбзэ къытхэзэрыхьащ*. «Турецкий язык проник к нам (в наш язык)» (Прощт И.).

Эта лексема образуется сочетанием этнонима «*лъэпагуэ*» (адыги в диаспоре так называют турков) и «*бзэ*» – язык.

Маремпшыхь – вместо литературного *мэрем* – «пятница» [СКЧЯ, 1999: 515]. *Маремпшыхь, джумхьэ, блыщхьэхэр къыдогъэсэбэп*. «Мы употребляем такие названия, как маремпших (пятница) или «джума», блишха (понедельник)». Приведенный пример из речи информатора Акбай И. относится к более древней форме, а *мэрем пщыхьэщхьэ* – это новообразование в кабардино-черкесском литературном языке в более поздний период времени.

По мнению А.К. Шагирова, *пшыхь* раньше употреблялось кабардинцами в своей речи (*блыщхьэпшыхь* «вечер перед понедельником», *гъубжпшыхь* «вечер перед вторником» и т.д.). Черкесы, то есть адыгское население КЧР, в отличие от кабардинцев, слово *пшыхь* употребляют в самостоятельном виде в значении «вечер», а также в сочетаниях с *блыщхьэ, гъубж, бэрэжьей, махуэку, мэрем, щэбэт, тхьэмахуэ* (соответ. «понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье»). В этом случае, речь черкесов сохраняет более древнее состояние языка. В речи черкесов «*пщыхьэщхьэ*» употребляется в значениях «сегодня вечером» и «вечер», но оно никак не сочетается с другими словами, как это принято у кабардинцев. У черкесов нет выражений *пщэдей пщыхьэщхьэ* «завтра вечером», *блыщхьэ пщыхьэщхьэ* «вечер понедельника», хотя понятен их смысл. Случай сохранения более древней формы представлен также и в малкинском говоре, где вместо *пщыхьэщхьэ* во всех вышеприведенных словосочетаниях и в выражении *фи пшыхь фIы ухъу* «спокойной ночи!» употребляется слово пшыхь [Шагиров, 1969: 309].

ПэгъуэкI вместо *жэуап* «ответ» [СКЧЯ, 1999: 172]. *УпщIу хъуам и пэгъуэкIыр естынщ*. «Я дам ответы на все ваши вопросы» (Саадэт М.).

Тегупщыхьын вместо *егупсысын* «подумать над чем-л., о чем-л.» [СКЧЯ, 1999: 143]. *Абы дытегупщыхь абыми дытелэжьыхьу Iустазыр дгъэхьэзырас, ди хасэр дыухуас*. «Мы подумали над этим и подготовили свой закон, создали Хасу» (Есэн С.).

Хьэду вместо *зауэ* «битва, сражение» [СКЧЯ, 1999: 186]. *Ди адэри зэкъуэшитху хъут, щыр мыбы хьэдум хэкIуэдас и нэхъыжьhэр*. «В семье отца их было пять братьев, старшие три брата погибли здесь на войне» (Къандур Хь.).

Хъелэ вместо *гуфIэгъуэ* «радостное событие» [СКЧЯ, 1999: 79]. *Нобэ, мэсэла, хъер Iуохуи Iыу зыгуэрым хъелэ Iуэху иIэмэ и гъунэгъуhэр зыхуешэс…* «Например, если сегодня у кого-то радостное событие, он собирает соседей…» (Шыбзыхъуэ И.).

1.2. Слова с изменившейся семантикой

Слова и выражения обозначают предметы «…лишь при определенных обстоятельствах – в рамках знаковых ситуаций. Во всех же остальных случаях они фигурируют просто как смысловые единицы, не выполняя функции обозначения» [Ветров, 1968: 54]. Слово выполняет функцию знака только в определенной знаковой ситуации, в остальных случаях оно выступает лишь как смысловая единица, потенциальный знак [Новиков, 1982: 57]. В эпоху самостоятельного развития в речи кабардино-черкесской диаспоры у слов сформировались новые значения, неизвестные современному кабардино-черкесскому литературному языку, то есть в лексической системе кабардино-черкесского языка в Турции наблюдаются ряд слов с семантическими отклонениями.

Гу – в литературном языке имеет следующие значения: 1) сердце; 2) арба, повозка [СКЧЯ, 1999: 67] … *Нэхъыжь исмэ, гум кърагъэгъазэІым.* «Если в машине сидит старший, то машину не поворачивают назад». *Гу* употребляется в значении «автомобиль» вместо литературного *машинэ.* (Жылэгуэш С.-Э.) [Бижоев, 2000: 15]. Данный факт отмечен Х.Т. Таовым, по мнению которого от этого слова образовались понятия *гузехуэ* «шофер, водитель», *гум исын* «сидеть в машине», *гукІэ кІуэн* «поехать на машине» [Таов, 2005: 81].

Гъэбыдэжын – в литературном языке имеет следующие значения: 1) укрепить что-л., 2) упрочить что-л.; 3) забить, заделать что-л.; 4) закрыть что-л. плотно; 5) *перен.* заручиться чем-л. [СКЧЯ, 1999: 84]. *Гъэмахуэм школхэр щагъэбыдэжам щыгъу езыгъэджэфыну мытчІэ зыгуэр къакІуатэм фІы хъунт.* «Было бы хорошо, если летом, когда школы не работают, прислали бы сюда человека [с родины], который мог бы обучать [родному языку]» (Думэн Хь.-И.). *Гъэбыдэжын* употребляется в значении «прекращать работу, закрываться», вместо литературных *мылэжьэн, лэжьыгъэр зыпыгъэун* [СКЧЯ, 1999: 485].

Гъуеин – в литературном языке употребляется в значении «блеять (об овцах, козах)»: *мэлыр мэгъуей* «овца «блеет»» [ОКЧД, 1969: 57]. У диаспоры это слово получило значение «плакать» по отношению к людям. *Си адэм янэр хэкум и гугъу ищІууэ гъуейуэ нэмэз щыгъэр игъажу щыст.* «Мать моего отца сидела и плакала, рассказывая о родине и одновременно перебирая четки». (Чылар Б.) Сравни с литературным *гъын* «плакать» [СКЧЯ, 1999: 99].

ЗэпхъэкIын – в литературном языке употребляется в значении «рассыпать что-л. позади себя» [СКЧЯ, 1999: 223]. В речи диаспоры слово «зэпхъэкIын» имеет переносное, образное значение. *Адыгэхэм хьэдэ зрапхъэкIыурэ къэкIуас.* «По дороге сюда адыги оставляли в пути много умерших людей» (Къущхьэ Т.) .*ЗэпхъэкIын* употребляется в значении «оставить» вместо литературного *къэгъэнэн* [СКЧЯ, 1999: 363].

ЗэкIэ – в литературном языке употребляется в значении «пока, временно» [СКЧЯ, 1999: 204]. *Майдонос унагъуэм зэтчIэми халъхьэжIым.* «Петрушку в семьях сейчас не сажают» (Къандур Хь.). *ЗэткIэми* употребляется в значении «сейчас», в настоящее время, вместо литературного *иджыпсту, мы зэманым* [СКЧЯ, 1999: 311].

ЗегъэкIуэн – в литературном языке имеет следующие значения: 1) учить ходить; 2) шевелить; 3) водить что-л.; 4) *к.з.* распространять что-л. [СКЧЯ, 1999: 268]. *Г'эгур хабзэм тету зэрызедгъэкIуэнум яужь дитс.* «Мы стараемся проводить танцы по этикету». (Акбай И.) *ЗегъэкIуэн* употребляется в значении «проводить» вместо литературного *егъэкIуэкIын* [СКЧЯ, 1999: 144].

Зехьэн – в литературном языке имеет следующие значения: 1) развевать; 2) носить кого-что-л.; 3) *перен.* управлять, хранить [СКЧЯ, 1999: 272]. *Си унагъуэм дыщыпсалъэкIэ адыгэбзэр зыдохьэ.* «Когда мы разговариваем дома, пользуемся кабардинским языком» (Гусар Р.). *Зехьэн* употребляется в значении «пользоваться» вместо литературного *къэгъэсэбэпын* [СКЧЯ, 1999: 364]. Слова *«къэгъэсэбэпын»* мы не обнаружили в речи адыгов, проживающих в Турции, хотя и исконное для этого глагола арабское слово *сэбэп* «польза» и его фонетический вариант *сэрэп* ими употребляется.

ЗыгъэткIужын исходное для этого глагола **ткIун** в литературном языке имеет следующие значения: 1) раствориться, растаять, расплавиться, растопиться; 2) *перен.* таять, резко уменьшаться; 3) *перен.* похудеть [СКЧЯ, 1999: 633]. *Игы дэ хасэм докIуэри дэр-дэру зыдогъэткIуж. Сэ си ныбжьэгъур абазэс, къэбэрдеибзэ ищIэIым, сэ абазэбзэ сщIэIым. Къэбэрдеибзэ имыщIу зыгуэрым сыщыбгъэдэткIэ и жагъуэ мэхъу къэбэрдеибзэкIэ сыпсалъэмэ. Зым зым и жагъуэ дымыщIыурэ зыдогъэкIуэдыж.* «Теперь мы ходим в хасу и сами себя губим. Мой друг – абазин – не знает кабардинского языка, а я не знаю абазинский. Когда я разговариваю на кабардинском языке в присутствии кого-то, не владеющего этим языком, ему становится обидно, и чтобы не обижать друг друга,

мы губим себя» (Чылар Б.). *ЗыгъэткIужын* употребляется в значении «губить себя» вместо литературного *зыгъэкIуэдыжын* [СКЧЯ, 1999: 279]. Наш информатор использует слова «*зыдогъэткIуж*» и «*зыдогъэкIуэдыж*» в значении «губить себя» как синонимы. А в литературном же языке в указанном значении встречается только лексическая единица «*зыгъэкIуэдыжын*».

Ин – в литературном языке имеет следующие значения: 1) большой; 2) значительный; 3) взрослый [СКЧЯ, 1999: 314]. *Иныр Джамбек, ари Налшык къэкIуас*. «Старший Джамбек, он тоже был в Нальчике» (Жылэхьэж А.). *Ин* употребляется в значении «старший» вместо литературного *нэхъыжь* [СКЧЯ, 1999: 537].

Итын – в литературном языке употребляется в значении «находиться где-л.» [СКЧЯ, 1999: 318]. В речи диаспоры это слово получает два новых значения: 1. *Мы хэгъэгум, нетIэ зэрыжысIам хуэду, къэбэрдейр нэхь куэдыIуэу итс.* «В этой местности, как я говорил ранее, кабардинцев проживает больше» (Дэгу Н.). *Итс* в значении «проживает» вместо *исын, щыпсэун* [СКЧЯ, 1999: 317]. 2. *Къэбэрдейм я хабзэ нэхь куэдэу итс*. «Здесь этикет кабардинцев преобладает» (Дэгу Н.). *Итс* употребляется в значении «преобладает» вместо литературного *зехьэн* [СКЧЯ, 1999: 273].

Ищхьэ – в литературном языке употребляется в значении «наверху» [СКЧЯ, 1999: 321]. *Iуохум ищхьэ дыдэр, зы алфэбэ яIэн хуес.* «В нашем деле самое главное иметь – единый алфавит» (Акъсырэ Я.-К.). *Ищхьэ* употребляется в значении «главное» вместо литературного *нэхъыщхьэ* [СКЧЯ, 1999: 538].

КIуэн – в литературном языке имеет следующие значения: 1) идти, ехать куда-л.; 2) идти, ходить (о механизме); 3) *перен.* пролегать (о дороге) [СКЧЯ, 1999: 350]. *И сабийм ар [бзэр] зыхамыхмэ, емыг'эфмэ, мыр дэнэ нэс кIуэну, ар дэ нобэчIэ тщIэкъым*. «Если ребенок не будет слышать [язык], не будет уметь читать, то до чего дойдет [язык], нам на сегодняшний день не известно» (Думэн Хь.). *КIуэну* употребляется в значении «дойдет» вместо литературного *нэсын* [СКЧЯ, 1999: 535].

Къэбжын – в литературном языке имеет следующие значения: 1) подсчитать кого-что-л.; 2) *перен.* болтать, нести вздор, плести ерунду [СКЧЯ, 1999: 361]. *Iуэхур нэхъыфI зэрыхъунур къэзбжащ*. «Я рассчитал, как лучше пойдет дело» (Сэбэней Э.). *Къэбжын* употребляется в значении «подумать, считать» вместо литературного *къэлъытэн* [СКЧЯ, 1999: 370].

КъэпIэтIэуэн – в литературном языке имеет следующие значения: «1) зашевелиться, задвигаться; 2) *перен.* оживиться» [СКЧЯ, 1999: 372]. *Нэмэт япэ дыдэ къыщытхыхьам, илъэсипл I япэ, адыгэбзэкIэ къэпIэтIауэу къоисэлъэфыртэкъым.* «Когда, четыре года назад, Намат пришел к нам, он не мог «ни чем заикнуться» и поговорить по-кабардински» (Есэн С.). *КъэпIэтIэуэн* употребляется в значении «заикнуться». В литературном языке: «*и жьэ зэтрихыу*» [СКЧЯ, 1999: 178].

КърикIуэн – в литературном языке имеет следующие значения: 1) идти почьему-то следу; 2) быть результатом чего-л. [СКЧЯ, 1999: 405]. *Ди хабзэкIи ди намыскIи дызэрыIыгъыу дыкърокIуэ.* «Мы живем в соответствии с этикетом почитая и уважая друг друга» (Дэгу Н.). *ДыкърокIуэ* употребляется в значении «живем» вместо литературного «существуем на свете» *къэгъуэгурыкIуэн* [СКЧЯ, 1999: 365].

Къэсын – в литературном языке имеет следующие значения: 1) прибывать; 2) приближаться, наступать; 3) доходить, достигать до кого-л. [СКЧЯ, 1999: 373]. *ЦIыкIур тхус къыздэсыр.* «Младшему исполнилось всего пять лет» (Жылэхьэж А.). *Къэсын* употребляетсяв значении «исполниться» вместо литературного [хъун] *зэрыхъур* [СКЧЯ, 1999: 743].

Къыпыгъэзын – в литературном языке употребляется в значении «отделить, отрезать что-л., от чего-л.» [СКЧЯ, 1999: 442]. *ФикIынуш' жаIэу къыпагъэза нэужь, [адыгэхэр] тIэ зи мыхъуами дыздэкIуэри муслъымэн щIыналъэщ жаIэри, ахуэдэ гугъапIэ тIэкIу яIэу къэкIуас…* «Когда [адыгов] принудили покинуть [родину], они, сказав, как бы там ни было, куда мы идем – мусульманская территория, имея такие надежды, они приехали». (Къущхьэ Т.) [Бижоев, 2000: 225, 239]. *Къыпыгъэзын* употребляется в значении «заставить, принудить» вместо литературного *хэгъэзыхьын, ехулIэн* [СКЧЯ, 1999: 679, 166].

Лъэрыхьу – в литературном языке употребляется в значении «стремительно, без оглядки» [СКЧЯ, 1999: 498]. *ЦIыхум зрихьэн щхьа* [бзэ] *лъэрыхьу зрихьэфын хуей сытри, псынщIэу зепхьэфмэс къыщыщхьэпэнур цIыхум.* «Для того, чтобы пользоваться [языком], человек должен владеть им искусно, только в этом случае это ему пригодится» (Акъсырэ Я.-К.). *Лъэрыхьу* употребляется в значении «искусно, мастерски» вместо литературного *шэрыуэ* [СКЧЯ, 1999: 759].

Информатор использует слова «*лъэрыхьу*» и «*псынщIэу*» как синонимы. По литературным нормам языка нужно употребить вместо них слово «шэрыуэу».

МащIэ – в литературном языке употребляется в значении «малый, незначительный» [СКЧЯ, 1999: 512]. *Ахъшэ зимыIэм и Iуохур нэхь мащIэ* (Шыкъ М.). «Человеку без денег труднее». *МащIэ* употребляется в значении «трудно» вместо литературного *гугъу* [СКЧЯ, 1999: 73].

Псэлъэрей – в литературном языке имеет следующие значения: 1) разговорчивый, словоохотливый; 2) болтун, говорун [КЧРС, 2008: 363]. *Тыркум Узун-Яйлэс нэхь адыгэ куэд зэрысыр, хабзэр нэхь зезыхъэр мис арас, бзэми теухуауэ нэхь псэлъэрейхэри мис абыкIэс*. «Во всей Турции наибольшее количество адыгов проживает в Узун-Яйле, там больше придерживаются традиций, лучше разговаривают на родном языке» (Акбай И.). *Псэлъэрей* употребляется в значении «лучше разговаривают», вместо *нэхъыфIу псэлъэн* [СКЧЯ, 1999: 569].

ПшапэIудз – в литературном языке имеет следующие значеня: 1) *уст*. щит; 2) *перен*. оберег; тот, кто подвергается опасности ради кого-л. [СКЧЯ, 1999: 582]. *Зыгуэр хузэфIэчIыу зыгуэрэ къэкIуамэ, зыгуэрэ хъуамэ пшапэIудзыр ягъакIуэ*. «Если приходит какой-то богатый человек, или же что-то случается, отправляют более уважаемого человека» (Гуэбэшы К.). *ПшапэIудз* употребляется в значении «более уважаемый человек» вместо литературного *пщIэ зыхуащI* [СКЧЯ, 1999: 586].

Сэбэп – в литературном языке употребляется в значении «польза, прок» [СКЧЯ, 1999: 606]. *Сэ си ныбжьхэр абыкIэ нэкIуэжынум и сэбэпыр нэхь ди бзэкIэ дыпсэлъэжын, нэхь ди хабзэ тхэлъыжууэ дыпсэун жыдоIэри ара.* «Люди в моем возрасте больше хотят туда вернуться по той причине, чтобы у них была возможность разговаривать на своем языке, жить в соответствии с традициями» (Гусар Р.). *Сэбэп* употребляется в значении «причина» вместо литературного *щхьэусыгъуэ* [СКЧЯ, 1999: 782].

Тесын – в литературном языке имеет следующие значения: 1) сидеть на чем- ком-л.; 2) жить, находиться где-л. [СКЧЯ, 1999: 626]. *Илъэс пщыкIуийкIэ седжас, илъэс тIощIрэ тхукIэ судым сытесас*. «Восемьнадцать лет учился, двадцать пять лет проработал в суде» (Есэн С.). *Тесын* употребляется в значении «проработать» вместо литературного *щылэжьэн* [СКЧЯ, 1999: 484].

УнагъуэцІэ – эта словоформа встречается в кубано-зеленчукском говоре в значении «фамилия» [СКЧЯ, 1999: 657]. С этим же значением в литературном языке употребляется слово «*унэцІэ*». В речи фактически всех информаторов из числа диаспоры наблюдается только слово «*унагъуэцІэ*» в значении фамилия: *Си цІэр Исхьэкъ, си унагъуэцІэр Акбай*. «Зовут меня Исхак, моя фамилия Акбай» (Акбай И.).

УнэцІэ – в литературном языке употребляется в значении «фамилия» [СКЧЯ, 1999: 658]. *МакІуэри и къуэшиплІыр и гъусэу унэцІэ пщыкІутху, хуэбгъэфащэмэ, цІыху щитху хуэдиз къешэж*. «Он пошел вместе с четырьмя братьями и привел пятнадцать родов, примерно пятьсот человек» (Чылар Б.). *УнэцІэ* употребляется в значении «род» вместо литературного *лъэпкъ* [СКЧЯ, 1999: 497].

Хэзын – в литературном языке употребляется в значении «находиться в большом количестве где-л., в чем-л.» [СКЧЯ, 1999: 682]. *А хабзэхэри ди гъащІэм хэзыжам*. Эти обычаи исчезли из нашей жизни (Гусар Р.). *Хэзын* употребляется в значении «исчезли» вместо литературного *хэкІуэдыкІын* [СКЧЯ, 1999: 683].

Хуэнасыпын – в литературном языке от слова *насып* «счастье» не образуется подобное образование. *Г'эгум щІыхьа абыми щІалэр занщІу кІуэуэ жьантІэм увІым, йоплъ абыи, езым хуэфащэ, езым и ныбжьэгъу, езым хуэнасып зыщІыпІэ дей мэув*. «Когда парень приходит на свадьбу, он не идет сразу на почетное место, а смотрит, где находятся его друзья, и только потом занимает положенное ему место» (Шыбзыхъуэ И.). *Хуэнасып* употребляется в значении «подобающее (место)» вместо литературного *къылъыс* (увыпІэ) [СКЧЯ, 1999: 652].

Хьэубыд – в литературном языке употребляется в значении «собачник» [СКЧЯ, 1999: 734]. *ЩІалищ дыхъути, мо хьэубыдхэр къыткІэлъыплът, адыгэбзэ тхылъ тІыгъыу дыкъаубыдамэ, дагъэтІысынут*. «Нас было четыре парня, полицейские следили за нами, если нас поймали бы с этими книгами, нас посадили бы» (ІутІыжь (Тебер) М.). *Хьэубыд* употребляется в значении «полиция, полицейские». Здесь, по всей видимости, мы имеем дело с кличкой наподобие встречающихся в нашей речи «коп», «мент».

Хьэулей – в литературном языке имеет следующие значения: 1) бездельник, праздношатающийся; 2) бродячий, бездомный; 3) пустой, бессодержательный [СКЧЯ, 1999: 734]. *Псалъэ хьэулейм дыхэмыту сыт яхуэтщІэфынуми дывгъащІэ*. «Не тратя время на лишние разговоры, давайте сделаем все, что в наших

силах» (Саадэт М.). *Хьэулей* употребляется в значении «лишний» вместо литературного *лей* [СКЧЯ, 1999: 485].

ЦІыхужын – в литературном языке употребляется в значениях: 1) узнать, опознать кого-что-*л.*; 2) знать кого-что-*л.* [СКЧЯ, 1999: 751]. 1) *Абы куэд ецІыхуж*. «Он многое помнит» (Къуэшокъуэ *Л.*); 2) *ЦІыхубзым ехьэлІа хабзэр, адэ дыщынэхъ щІалэ цІыкІуу щытахэм зэрысцІыхужымкІэ, нигъысту щыІыжІымэ*. «Раньше, когда мы были моложе, как я помню, были обычаи, связанные с женщинами, которые сейчас не сохранились» (Гусар Р.). *ЦІыхужын* в обоих примерах употребляется в значении «помнить» вместо литературного *щІэжын* [СКЧЯ, 1999: 800].

ЦІыхун – в литературном языке имеет следующие значения: 1) знать кого-что-*л.*, быть знакомым с кем-чем-*л.*; 2) знать кого-*л.* (по душевным качествам, недостаткам и т.п.) [СКЧЯ, 1999: 751]. *ДиІа хабзэр тхыжын хуес, псоми ипэж'ыр яцІыхун хуес.* «Мы должны записать обычаи, которые у нас были, все должны знать их» (Думэн Хь.). *ЦІыхун* употребляется в значении «помнить» вместо литературного *ящІэжын* [СКЧЯ, 1999: 800].

ЩхьэІуоу– в литературном языке употребляется в значении «*уст.* способ молотьбы, при котором лошадей или волов гоняют на току по кругу» [СКЧЯ, 1999: 785]. *ЦІывыр я щхьэІуоуэ кІуащ*. «Они шли во главе с жуком» (Алэбий А.). *ЩхьэІуо* употребляется в значении «во главе» вместо литературного *я нэхъыщхьэу, я нэхъыжьу, я пашэу* [СКЧЯ, 1999: 538].

ЩІыхьэн – в литературном языке употребляется в значении «зайти, войти, обратно заходить» [СКЧЯ, 1999: 817]. *Адыгэр нэхъыбэу щІрехьэ, зи мыхъуами адыгэм хуэдиз абыи Іыхьэ къалъысынс.* «В [университет] пусть поступают больше черкесов, хотя бы им достанется столько места, сколько и нас самих» (Шыкъ М.). *ЩІыхьэн* употребляется в значении «поступать» вместо литературного *щІэтІысхьэн* [СКЧЯ, 1999: 807].

Іуж – в литературном языке употребляется в значении «пряжа» [СКЧЯ, 1999: 844]. *Ди къуажэхьэм хьэщІэщ щыдиІахьэ, зы пэш цІыкІурэ Іужрэ*. «В наших селах у нас были гостевые, состоящие из одной маленькой комнаты и прихожей» (Гусар Р.). *Іуж* употребляется в значении «прихожая». В литературном языке *пыщІыкІ* [СКЧЯ, 1999: 595], *пырхъуэ* [СКЧЯ, 1999: 591].

Іурылъын – в литературном языке употребляется в значении «держать во рту что-*л.*» [СКЧЯ, 1999: 848]. *Хъыг'эбзым фадэ Іурылъыну емыкІус.* «Девушке пить алкогольный напиток непри-

лично» (Шыбзыхъуэ И.). *Іурылъын* употребляется в значении «пить» вместо литературного *ефэн* [СКЧЯ, 1999: 164].

Здесь следует отметить тот факт, что некоторые лексические единицы с тем же значением, что и в диаспоре, мы наблюдаем в отдельных диалектах и говорах. Для черкесов, проживающих за рубежом, в таких случаях подобные значения стали общими для всех в результате смешения носителей различных наречий.

1.3. Слова с фонетическими изменениями

При анализе архивных и полевых материалов речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции можно выделить целый лексический пласт с фонетическими отклонениями. Это вызвано, во-первых, теми фонетическими процессами, которые стали протекать среди представителей черкесов за рубежом в результате смешивания различных диалектов и говоров, и, во-вторых, по той причине, что те фонетические процессы, которые начались еще до выселения и которые на родине фактически завершились под давлением норм литературного языка, усиленно внедрявшихся через школьное образование, прессу, радио, художественную литературу, среди черкесов в диаспоре затормозились, законсервировались из-за отсутствия перечисленных факторов. Более детальный анализ фонетических особенностей в речи черкесов в диаспоре мы проделали во второй главе. Здесь приводятся только те слова, которые имеют фонетические расхождения с литературными формами. Этот список намного увеличился бы в том случае, если бы мы добавили сюда многочисленные словоформы со своей фонетической спецификой, образовавшиеся за счет иного облика падежных и других категориальных форм.

речь диаспоры	каб.-черк. лит. яз.	перевод
*абазэ**х'**эр*	*абазэ**х**эр*	«абазины»
*абы**м**и*	*абы[]и*	« и он», «и она»
*а**д'и**г**а**бзэ*	*а**ды**гэбзэ*	«каб.-черк. яз»
*а**д'и**гэбзэ*	*ад**ы**гэбзэ*	«каб.-черк. яз.»
*а**д'и**гэ*	*а**ды**гэ*	«черкес»
*адыг**а**бзэ*	*адыгэбзэ*	«каб.-черк. яз.»
*а**п**дежым*	*а**б**дежым*	«там»
*а**п**ыщыгъуэ*	*а**б**ы щыгъуэ*	«тогда»
*арм**э**нhэр*	*арм**я**нхэр*	«армяне»

***а**ра**а**п*	***хь**э**р**ы**п*	«араб»
*а**у**[]*	*а**у**э*	«но»
а[]хуэду	*а**п**хуэду*	«так»
а[]щ̧хъэкIэ	*а**р**щ̧хъэкIэ*	«но»
бж'э	*бжэ*	«дверь»
г'абэ	***дж**абэ*	«бок, склон горы»
г'алэу	***дж**алэу*	«падая»
г'эгу	***дж**эгу*	«танцы»
г'эд	***дж**эд*	«курица»
***Г**ылахъстэней*	***Дж**ылахъстэней*	«Гиляхстаней»
*гупсыс**а**чIэ*	*гупсыс**э**кIэ*	«мнение», «мышление»
*гъу**о**гу*	*гъу**э**гу*	«путь, дорога»
*да**х'**э*	*да**х**э*	«красивый»
да[]хуэдиз	*да**п**хуэдиз*	«сколько»
*дау**р**э хъуами*	*дауэ хъуами*	«как ни получилось бы»
дау[]	*дау**э***	«как»
*да**х**ы**у***	*да**х**э**у***	«красиво»
*дэт**х'**энэ*	*дэт**х̌**энэ*	«каждый»
док[]мант	*док**у**мент*	«документ»
***ш'**эн*	***щ̧**эн*	«продать»
*джэ**г***	*джэ**гу***	«танцы»
*е**г'**эн*	*е**дж**эн*	«учиться»
*егъэ**г'**апIэ*	*егъэ**дж**апIэ*	«учебное заведение»
*егъэ**г'**эн*	*егъэ**дж**эн*	«учить, обучать»
*еп**х'**ау*	*еп**х**ау*	«связано»
*е**h**эцIыхун*	*е**гъ**эц̧Iыхун*	«познакомить»
*жэ**ши**бг*	*жэ**щ̧ы**бг*	«глубокая ночь», «полночь»
*жэ**ш***	*жэ**щ̧***	«ночь»
***ж'и**доIэ*	***жы**доIэ*	«говорим»
ж'ылэ	*жылэ*	«поселение», «село»
***жь**эщ*	***ж**эщ*	«ночь»
занщ̧I[]у	*занщ̧I**э**у*	«сразу»
*зэз**а**мызэ*	*зэз**э**мызэ*	«иногда»
*зэт**е**хуэ*	*зэт**о**хуэ*	«совпадают»
*з̀**и**гуэр*	*з**ы**гуэр*	«кто-то», «что-то»
зысIа	***ж**ысIа*	«сказал»
зыб[]хьэзрын	*зыб**гъэ**хьэзрын*	«подготовиться»
*зытIу**ш'***	*зытIу**щ̧***	«несколько», «два-три»
*зыхызо**х'и**р*	*зыхызо**хы**р*	«слышу»
*зы**I**эмынэ*	*зы**къ**эмынэ*	«все»
*и**г'**ы*	*и**дж**ы*	«сейчас»
*и**г'**ыри*	*и**дж**ыри*	«еще»
*й**р**окIуэчIыр*	*й[]окIуэкIыр*	«проходит»
***к**энджэщ̧*	***ч**энджэщ̧*	«совет»

культур[]	*культурэ*	«культура»
*кIэ**тIр**оф*	*кIэ**ртI**оф*	«картошка»
*къэ**h**эсэбэпын*	*къэ**гъ**эсэбэп*	«использовать», «пользоваться»
*къи**чI**ын*	*къи**кI**ын*	«выйти»
*къывж**ы**с**Iы**н*	*къывж**е**с**I**эн*	«расскажу»
*къ**ы**рал*	*къ**э**рал*	«страна», «государство»
*къы**х'**э**х'**ын*	*къы**х**эхын*	«выбрать»
*мазэ **I**эсхун*	*мазэ **къ**эсыхун*	«каждый месяц»
*м**а**рем*	*м**э**рем*	«пятница»
*мэж**г'**ыт*	*мэж**дж**ыт*	«мечеть»
*м'**е**рем*	*м**э**рем*	«пятница»
*мо**т**чIэ*	*мо**д**кIэ*	«там»
*нэ**хь***	*нэ**хь***	«более, больше»
*нэ**хь**ыфI*	*нэ**хь**ыфI*	«лучше»
*нэужь**ынч**Iэ*	*нэужь[]кIэ*	«после этого»
*ны**г**ы[]сту*	*ны**дж**ыпсту*	«сейчас»
*ны**ги***	*ны**джы***	«сейчас», «теперь»
*пэ**ж'***	*пэ**ж***	«правда»
*пэлъэ**ш**'ын*	*пэлъэ**щ**ын*	«справляться»
*п**э**мыщI*	*н**э**мыщI*	«кроме»
*пс**и**м*	*пс**ы**м*	«в воде»
*пс**ы**уалъэхэр*	*пс**э**уалъэхэр*	«хозяйственные постройки»
*пхыд**h**эчIын*	*пхыд**гъ**экIын*	«пропустим»
*п**ш'а**ш'э*	*п**щ**а**щ**э*	«девушка»
*п**ш'**эд**г**ыжь*	*п**щ**эд**дж**ыжь*	«утро»
*пшыкIу**ш'***	*пщыкIу**щ***	«тринадцать»
*п**ш'**ынэ*	*п**ш**ынэ*	«гармошка»
*с**е**упщIым **с**ыгъуэ*	*щ**е**упщIым **щ**ыгъуэ*	«когда спрашивал»
*си бг'**и**р*	*си бг**ыр***	«моя спина»
*сошэ**к***	*сошэ**ч***	«терплю»
спор[]ым	*спор**т**ым*	«спорт»
*сыб**а**'нэ**с***	*сыб**э**на**щ***	«боролся»
сым[]	*сым**э***	«тоже»
*с**ы**тха*	*с[]тха**щ***	«написал»
*сыщ**е**г'эм*	*сыщ**е**дж**э**м*	«во время учебы»
тенгыз	*тен**дж**ыз*	«море»
*теп**ш'э**к*	*теп**щэ**ч*	«тарелка»
*т**ш'**ыгъуп**ш'**а*	*т**щ**ыгъуп**щ**а*	«забыли»
[]тIанэ	***и**тIанэ*	«потом»
*у**г***	*у**дж***	«удж»
*уи**ы**Iыым*	*уи**Iэкъ**ым*	«у тебя нет»
*[]улъагъуфын**I**ым*	*п**л**ъагъуфын**къ**ым*	«не сможешь увидеть»
*фIэ**ш**'ын*	*фIэщын*	«назвать»

х'амэ	***х***амэ	«чужой»
х'а х'ын	***х а х***ын	«выбирать»
х'эку	***х***эку	«родина»
х'э х'эс	хэхэс	«иногородний»
х'эщІын	хэщІын	«убавиться», «уменьшиться»
хъэтиякІу[]	хъэтиякІу***э***	«хатияко (организатор танцев)»
хъэ***у***мэ	хъэ[]мэ	«или»
хъэ***чІ***эщ	хъэ***щІ***эщ	«гостевая»
хъумпІэцІэ***г***	хъумпІэцІэ***дж***	«муравей»
хъун***ыІ***ым	хъун[]***къ***ым	«так не получиться», «нельзя»
чэсы[]бжьэ	***ш***эсы***жы***бжьэ	«посошок»
ш'ыухуэн	***щ***ыухуэн	«создать, построить где-либо»
ш'э	***щ***э	«сто»
шэмэ***г'***	шэмэ***дж***	«коса»
ш'эрэ	***щ***э	«три раза»
ш'итІ	***щ***итІ	«двести»
ш'и***ш'***	***щ***и***щ***	«триста»
шк***у***л	шк***о***л	«школа»
ш'хъэгъусэ	***щ***хъэгъусэ	«жена», «муж»
ш'ыжиІ***ы***м	***щ***ыжиІ***э***м	«когда сказал»
ш'ыкІуэжым	***щ***ыкІуэжым	«когда уходил»
шытын	***щ***ытын	«быть»
ш***ы***колхэр	ш[]колхэр	«школы»
щ'эбэт	***щ***эбэт	«суббота»
щоІ***ы***р	щоІ***э***р	«пребывает где-л.»
щ[]та	щ***ы***тащ	«так было»
щыз***ыр***умыпэсчІэ	щыз[]умыпэскІэ	«не признавал»
щІэ[]дза	щІэ***д***дзащ	«мы начали»
ягъакІу[]	ягъакІу***э***	«посылают кого-л. куда-л.»
я***h***этІысти	я***гъ***этІысти	«сажал …»
я***ш***ыбгъэгъуп***ш'***эжын	я***щ***ыбгъэгъуп***щ***эжын	«дать, забыть»
ящІэт	ящІ[]т	«строили», «делали»
ІакІуэр	***къ***акІуэр	«приходившие»
ІэчІа (гум)	***къ***экІащ (гум)	«соскучиться»
ІичІа	***къ***икІа	«вышли откуда-л.»
ІыджаІэ	***къ***ыджаІэ	«они нам говорят»
І уэфын шхъа	***кІ у***эфын щхъа	«чтобы смог пойти»

1.4. Фразеология

Образование фразеологизмов в языке – процесс длительный, происходящий в течение десятилетий, даже столетий. Поэтому трудно было ожидать, что за полтора столетия, в течение которых черкесы проживают в Турции, в их речи могло появиться много подобных сложных образований. Тем не менее, выявлен ряд идиом, часть которых является новообразованиями, а другая часть – это идиомы, получившие новое значение:

Дунейм кIуэжын,*Дадэhэр дунем кIуэжас.* «Дедушки ушли из жизни» (Жылэхьэж А.). В литературном языке употребляется фразеологическая единица *дунейм ехыжын* «уйти из жизни» [СКЧЯ, 1999: 128].

Джып телефон. *Иджыпсту упсэуныр куэду тынш хъуас, хэт ухуеми джып телефономкIэ къыбогъуэтыф*. «Сейчас жить стало очень легко, так как с помощью сотового телефона можно найти сразу того человека, который тебе нужен» (Тебер Ф.). Если дословно перевести это устойчивое словосочетание, получается *джып* (в турецком языке встречается слово *(сер)* и в кабардино-черкесском языке *(жып)* с одной семантикой) – «карман» + «телефон», то есть карманный телефон.

Жэназы дэхын. *Нэхъыжьым тажджэ ищIырэ къыщIэкIыжмэ, адрей къуажэ гуп кIуар щIыхьурэ ахуэдурэ зыхуосри, жэназыр яIэтын мэхъу, яIэтын мэхъури жэназыр дах, жэназыр дах, ягъэтIылъ абыжыми къагъэзэж*. «После того, как старший совершит молитву и выходит, заходит другая группа из другого села, таким образом все собираются, и наступает время поднятия умершего, и так они его выносят, хоронят и возвращаются» (Шыбзыхъуэ И.). *Жэнэзы дэхын* в значении «унести покойного (на кладбище)» вместо литературного *хьэдэ дэхын* [СКЧЯ, 1999: 725]. В литературном языке употребляется в значении «совершить молитву по умершему» [СКЧЯ, 1999: 171].

Ил къызэрихькIэ. *Мыбыhэм щхъэкIэ дил къызэрихькIэ делэжьа*. «На это мы работали настолько, насколько это возможно» (Есэн С.). В литературном языке с этим значением употребляется фразеологическая единица *и къару къызэрихькIэ* «изо всех сил». [ШФСКЧЯ, 2001: 90]

ЛIыгъэм пылъуэ. … *Ахэри тIэкIу лIыгъэм пылъуэ къэтхъас*. «…Они, немножко переборов себя, засмеялись» (Дэгу Н.).

ЛІыгъэм пылъуэ употребляется в значении «перебороть себя», вместо литературного *лІыгъэм зегъэхьын* [ШФСКЧЯ, 2001: 108].

Мэракъ щІын. *Си шынэхъыщІэм и къуэм илэ мэракъ ищІас, сынэкІуэнс жери.* «Сын моего младшего брата задался целью поехать туда» (Шыбзыхъуэ И.). В литературном языке употребляется фразеологическая единица *мурад щІын* «задасться целью» [ШФСКЧЯ, 2001: 115].

Насыпыр бой ищІ. *Аллыхьым уи насыпыр бой ищІ!* «Дай Бог, тебе долгого счастья» (Шыбзыхъуэ И.). В литературном языке употребляется фразеологическая единица *насып кІыхь ухъу* «долгого тебе счастья!» [СКЧЯ, 1999: 527].

Нобэр къыздэсым. *Нобэр къыздэсым сянэ-сядэр сэ псэужІым.* «На сегодняшний день моих родителей уже нет в живых» (Гусар Р.). В литературном языке данное сочетание встречается в другом контексте, то есть несет другую смысловую нагрузку, нежели чем в речи диаспоры и переводится как «до сих пор» [СКЧЯ, 1999: 541]. Например: *Нобэр къыздэсым сызэрелъэІуа Іуэхур зэфІигъэкІакъым.* «До сих пор он не исполнил мою просьбу». Сравнивая эти два примера, мы видим, что в речи диаспоры как синоним слова «*нобэкІэ*» встречается «*нобэр къыздэсым*» в значении «на сегодняшний день» [СКЧЯ, 1999: 541].

Сигу хэлъс. *Къэфкъасием сынэкІуэну сигу хэлъс.* «Я намереваюсь поехать на Кавказ» (Пщыгъусэ М.). В литературном языке употребляется в значении «лежать, находиться в сердце» [СКЧЯ, 1999: 65]. *Сигу хэлъс* употребляется в значении «думаю, намереваюсь», вместо литературного *сигу илъщ, си гугъэщ*.

Тажджэ щІын. *Нэхъыжьым тажджэ ищІрэ къыщІэкІыжмэ, адре къуажэ гуп кІуар щІыхьэт…* «После того, как старший совершал молитву по умершему и выходил, заходила другая группа из другого села» (Шыбзыхъуэ И.). В литературном языке *тажджэ* «плетеный кузов», *тажджэ щІын* употребляется вместо *дыуэ щІын* «совершить молитву» [СКЧЯ, 1999: 613].

Тезыгу щІын. *Ар къеж'эну ямыду, ар къабыл язэрымыгъэщІу нэхь тезыгу ящІас.* «Они не хотели собираться, считая это неправильным решением, пока им не внушили, что так надо» (Дэгу Н.). В литературном языке употребляется в значении «внушить решимость кому-л.» [СКЧЯ, 1999: 616].

Телефоныр Іухын // телефоныр гъэбыдэн. В речи некоторых информаторов (Тебер Ф., Къэрабэ М., Къэрабэ Д., Шахьмырзэ Ш., Ансокъуэ З., КІуэкІуэ Э., Щэныбэ Б.) выделено

употребление этих устойчивых единиц, чему в литературном кабардино-черкесском языке соответствует «*телефоныр къытехын, телефоныр гъэуфIынкIын, телефоныр телъхьэжын*» – «ответить на звонок, выключить телефон, положить трубку».

ЩхьэкIуэщIын. *ЩхьэкIуэ ищIс, тIысс абыми адыгэбзэ зригъащIэри (Нэмэт) къытхыхьа.* «(Намат) Задался целью, выучил кабардинский и только после этого стал членом (Хаса)» (Есэн С.). В литературном языке употребляется в значении «человек, которого посылают сообщить о чей-либо смерти; печальная весть» [СКЧЯ, 1999: 778]. *ЩхьэкIуэщIын* употребляется в значении «задался целью» вместо литературного *щхьэм ригъэжэн*.

Щхьэ махуэ щIын. *Мыбы яужь итhэр Алыхьым щхьэ махуэ ищI, Алыхьым хъеркIэ ди япэ ригъэт.* «Да будет счастливой старость тех которые занимаются этим делом, дай бог, чтобы вы прожили долгую жизнь» (Акъсырэ Я.-К.). В литературном кабардино-черкесском языке употребляется словоформа *жьыщхьэ махуэ хъун* «обрести счастливую старость» [СКЧЯ, 1999: 184]. *Жьыщхьэ* образуется путем слияния двух слов: *жьы* «старый, ветхий» [СКЧЯ, 1999: 183] + *щхьэ* «голова» [СКЧЯ, 1999: 775], а в речи диаспоры при образовании этого устойчивого сочетания происходит отпадение первой части и таким способом образуется новое устойчивое словосочетание «*щхьэ махуэ щIын*».

2. ЗАИМСТВОВАНИЯ

В течение нескольких столетий адыги (в том числе и кабардинцы) контактируют с тюркоязычными народами. В результате межэтнических контактов они обменивались различными элементами культуры, быта, языка. В настоящее время трудно, а порой невозможно установить: какие именно из многочисленных тюркизмов в кабардино-черкесском языке взяты конкретно у какого тюркоязычного этноса и когда это произошло. Это вызвано тем, что тюркские языки мало изменились с течением времени и в настоящее время они остаются очень похожими друг на друга. Тем не менее в адыговедении проделана уже большая работа по изучению заимствованной лексики, в том числе тюркизмов. Здесь прежде всего следует отметить исследования А.К. Шагирова. В монографии «Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков» он выделяет значительное количество лексем иноязыч-

ного происхождения в абхазо-адыгской группе иберийско-кавказских языков. Как основные внешние заимствования в работе А.К. Шагирова представлены заимствования из тюркских языков и заимствования через тюркские языки. Эти лексемы составляют 23 тематические группы. Среди них наиболее многочисленны «слова, связанные с религией и мифологией», «названия предметов домашнего обихода, различных орудий и предметов труда», «слова, обозначающие обстрактные понятия», «слова, связанные с животным миром» [Шагиров, 1989: 169].

Результаты исследования этой проблемы показывают, что языковые контакты более интенсивно происходили с ногайцами и крымскими татарами. Язык последних, кстати, часто выполнял функцию языка-посредника как между кавказскими народами, так и в международных отношениях.

Таким образом, еще до выселения большинства адыгов с исторической родины в Османскую империю их язык изобиловал тюркскими словами. С завершением Кавказской войны и депортацией основной массы адыгов языковая ситуация в корне изменилась. В Кабарде и Черкесии фактически прекратилось влияние тюркоязычных народов, заимствования пошли исключительно из русского языка. А у переселившихся черкесов, наоборот, новые тюркизмы стали появляться в языке еще более интенсивно. Этот процесс продолжается уже почти полтора столетия, и к настоящему времени он привел к ощутимому расхождению лексического состава языка кабардинцев и черкесов, проживающих на своей исторической родине, и их соотечественников, оказавшихся в Турции. Расхождения заключаются не только в количестве и составе тюркизмов: они проявляются и при заимствовании интернациональной лексики – если подобные слова приходят в литературный кабардино-черкесский язык «русифицированными», то черкесы, проживающие за рубежом, не имея своей письменности и соответственно литературного варианта родного языка, используют интернациональные слова в том виде, в каком они функционируют в турецком языке.

На основе этого считаем целесообразным разделить заимствования в речи черкесской диаспоры в Турции на две группы:

1. Тюркизмы, заимствованные до выселения с исторической родины.

2. Тюркизмы, заимствованные после переселения в Османскую империю.

Во вторую группу входят и так называемые вторичные (повторные) заимствования. Слова из первой группы являются общими для литературного языка и речи диаспоры. Они, как отмечено выше, довольно хорошо изучены, поэтому нет необходимости останавливаться на них. Исключение составляют так называемые вторичные (повторные) заимствования в речи диаспоры. Имеются в виду те случаи, когда тюркизм, который уже был заимствован раньше на родине, представители диаспоры повторно взяли из турецкого языка, причем если раннее заимствование было фонетически адаптированным, то второй раз оно вошло без фонетических изменений (см. п. 2.3.).

Что касается второй группы, то она также неоднородна: часть слов из этой группы фонетически адаптирована, другая часть представлена в речи черкесов в «турецком» варианте. Отдельно нужно рассматривать интернациональные слова, которые диаспора берет из турецкого языка, а литературный язык – из русского.

2.1. Фонетически адаптированные слова

Как отмечено специалистами, кабардино-черкесский язык при заимствовании слов из тюркских языков, как правило, приспосабливал их к фонетическим законам родного языка (см. А.К. Шагиров и др.). Эта тенденция продолжалась в речи черкесской диаспоры на Ближнем Востоке на первых порах, а именно до тех пор, пока черкесы жили компактно и изолированно от турецкого населения и фактически они еще не владели турецким языком. Другое дело, что эти новые заимствования в большинстве случаев вытесняли исконные адыгские слова, которые и в настоящее время наличествуют в литературном языке (в речи кабардинцев и черкесов на Северном Кавказе).

Аскэ'р (aske'r – *«солдаты, войска, военная служба»***)** [ТРС, 1977: 68]. В литературном кабардино-черкесском языке с этой семантикой употребляются слова «*зауэ, сэлэт*» [СКЧЯ, 1999:]. В слове «аскэр» вместо гласной переднего ряда **е** мы наблюдаем употребление краткой гласной среднего ряда **э**, но орфоэпические нормы сохраняются. С этим словом мы встречаемся и на исторической родине, но оно употребляется здесь только как имя собственное (мужское – Асчэр/Аскер) [Коков, Кокова,

2006: 106]. *Дыдейхэр Абхъазием къичIат, аскэрым кIуаhэщ*. «Наши пришли из Абхазии, они воевали» (Егъэн Хь.).

Алы'хь смэлэды'къ (Allaha1smarlad1k – «до свиданья (уходящий)»**)** [РТР, 2009: 29]. В литературном языке употребляют«*узынщэу фыщыт*» [СКЧЯ, 1999: 655]. Это слово в турецком языке используется для прощания и адресовано уходящему. В речи кабардино-черкесской диаспоры данный тюркизм произносится как два слова. В первой части вместо *Аллах* они говорят *Алыхь*, как в литературном языке. Во второй части слова долгий гласный заднего ряда **а** переходит в обоих словах в краткий гласный среднего ряда **э**, на конце слова глухой нелабиализованный согласный **к** (**к** в литературном языке употребляется только в заимствованных словах) произносят как абруптивный увулярный смычной **къ**. Например, *Гупыр итIысхьа нэужькIэ, тхьэмадэр йотIысхьэри ади алыхь смэлэдыкъ жери докI*. «Тамада садится только после того, как основная группа расселась (по машинам), и говорит: «До свиданья»» (Шыбзыхъуэ И.)

Альфа'бэ (Alfabe' – «алфавит»**)** [ТР-РТС, 2000: 21]. В литературном языке употребляют русифицированное «*алфавит*» [СКЧЯ, 1999: 24]. В речи диаспоры при произнесении этого слова нарушаются орфоэпические нормы. Также на конце слова вместо гласного переднего ряда **е** используют краткий гласный среднего ряда **э**: *Фи альфабэм къеджэнэ мэракъ зыщI щыIэhэс*. «Есть и те, которые желают научиться читать ваш алфавит» (Пщыгъусэ М.).

В турецком языке слово «*альфабэ*» является заимствованием из арабского [РАС, 1988: 27], но диаспора позаимствовала это слово непосредственно из турецкого, о чем свидетельствует произношение. Ср.: в литературном языке «*Iэлыфбей*», которое проник в язык, вероятно, вместе с исламской религией.

А'рпэ (arpa' – «ячмень»**)** [ТР-РТС, 2000: 31]. В литературном языке употребляют «*хьэ*» [СКЧЯ, 2000: 724]. В речи диаспоры в конце слова долгий гласный заднего ряда **а** переходит в краткий гласный среднего ряда **э**, как и в литературном языке при использовании русизмов: *бутылк**а** – «птулъкIэ», сод**а** – «сод**э**», машин**а** – «машин**э**»*. Кроме того, здесь нарушаются орфоэпические нормы. В турецком языке ударение падает на конечную гласную, а в речи кабардино-черкесской диаспоры – на начальную гласную: *А'рпэ, гуэдз хыдощIэ*. «Мы сажаем ячмень, пшеницу» (Кумыщ А.).

Бахъчэ' (bahce'– сад, приусадебный участок**)** [ТР-РТС, 2000: 46]**.** В литературном языке употребляют «*хадэ, унэ пщIантIэ*» [СКЧЯ, 1999: 647, 657]. В турецком языке звук **хъ** отсутствует. Но в речи диаспоры в слове (бахъчэ), вместо глухого среднего спиранта **х** используют глухой придыхательный увулярный спирант **хъ**: *Унэм и бахъчэм, яни зыгуэр тIэкIу халъхьэ.* «В приусадебном участке что-то сажают» (Къандур Хь.).

Бильмэ'м (bilme'm – «не знаю»**)** [ТР-РТС, 2000: 59]. В литературном языке говорят «*сщIэркъым*» [СКЧЯ, 1999: 803]. Турецкий ударный гласный переднего ряда **е** в речи диаспоры переходит в краткий гласный среднего ряда **э**: *Дэ мэл зетхуас, бильмэм хыв диIас.* «Мы разводили баранов, но я не знаю, были ли у нас волы» (Кумыщ Б.).

Дан со'нрэ (danso'nra – «потом»**)** [ТР-РТС, 2000: 347]. В литературномязыке употребляют «*итIанэ*» [СКЧЯ, 1999: 318]. В речи диаспоры вместо долгого гласного заднего ряда **а** употребляется краткий гласный среднего ряда **э**: *Хьэцацэ и уэрэд жаIэу зэхэсха дан сонрэ*. «Потом я слышал песню про Хацацу» (Кумыщ Б.).

Дэвлэ'т (devle't – «государство»**)** [ТР-РТС, 2000: 107]. В литературном языке – «*къэралыгъуэ*» [СКЧЯ, 1999: 372]. В слове «devle't» в речи кабардино-черкесской диаспоры оба гласных переднего ряда **е** переходят в краткий гласный среднего ряда **э**: *Илъэс минитI лъандэрэ жылэ пшыкIух, дэвлэт пш'ыкIуш' духуас.* «За два тысячелетия мы создали шестнадцать селений, тринадцать государств» (Сэбэней Э.)

Дэ'хьэ (daha' – «еще»**)** [ТР-РТС, 2000: 95]. В литературном языке – «*иджыри*» [СКЧЯ, 1999: 311]. В речи диаспоры в слове «daha'» на конце и в середине слова долгий гласный заднего ряда **а** переходит в краткий гласный среднего ряда **э**, то есть слово подчиняется фонетическим законам языка, согласно которым безударный гласный **а** произносится как краткий гласный среднего ряда **э**: *Ди анэhэр хъыджэбз ишэгъуэhу къикIahэс дэхьэ.* «Наши матери ушли с Родины в возрасте, когда уже можно было выдать замуж» (ПIрощт И.); *Си къуажэр Къунашес,* ***дэхьэ*** *сэ хыщIрэ зырэ ситс…* «Мое село – Кунашей, мне сейчас шестьдесят один год» (Дэгу Н.); *ТIощIым сынэIэсыным* ***дэхьэ****, зы илъэс сиIэс…* «До достижения двадцати лет, мне еще один год» (Гигий Хъ.). *Ди хэкум дыкъызэрыкIуэжар куэду фIыс, яни дэхьэ бзэр фIыуэ зэрыдмыщIэр тIэкIу къиинс, ди Iуэхур нэхь гугъу ещI.* «То что мы смогли вер-

нуться на родину, это хорошо, но то, что мы не очень хорошо владеем языком, осложняет нам жизнь» (Дырыгъу К.).

Заты'н (za'ten – «в сущности, собственно говоря»**)** [ТР-РТС, 2000: 415]. В литературном языке говорят: «*зэрыщыт дыдэр / жыпIэмэ*» [СКЧЯ, 1999: 237]. В речи диаспоры вместо гласного переднего ряда **е** употребляется краткий гласный средневерхнего ряда **ы**. Мы полагаем, что это является результатом смещения ударения. В турецком языке ударение падает на первый слог, а в речи диаспоры на последний, то есть на краткий гласный средне верхнего ряда **ы**: *Затын емыкIу къэпхьамэ, апыщыгъуэ ар дэ ди адигэкIэ гъэфIэж къикIыу зыгуэрс*. «Собственно говоря, если ты совершил что-то непристойное, (по-адыгскому этикету) это означает, что тебе надо одарить чем-то пострадавшего в порядке возмещения ущерба» (Гуэбэшы К.).

Иншыхьэ'т (inşaa't – «строительство»**)** [ТР-РТС, 2000: 199]. В литературном языке – «*ухуакIуэ*» [СКЧЯ, 1999: 660]. В слове «inşaa't» после глухого придыхательного переднеязычного шипящего спиранта **ш** долгий гласный заднего ряда **а** переходит в краткий гласный средневерхнего ряда **ы**, то есть вместо сочетания **ат**, недопустимого по фонетическим законам языка, употребляется сочетание – **хьэт**: *Иншыхьэт Iуоху зыдохуэ.* «Мы занимаемся строительством» (Думэн Хь.-И.).

Ишарэ'т (işare't – «знак»**)** [ТР-РТС, 2000: 203]. В литературном языке употребляют «*дамыгъэ*» [СКЧЯ, 1999: 108]. В середине слова долгий гласный заднего ряда **а** переходит в краткий гласный среднего ряда **э:** *Зы хьэрф къом, зы ишарэт къом хэлъхьэн хуес.* «Нужно туда добавить много букв и много знаков» (Акъсырэ Я.-К.).

И'штэ (işte' – «сейчас»**)** [ТР-РТС, 2000: 204]. В литературном языке употребляют «*иджыпсту*» [СКЧЯ, 1999: 311]. В конце слова гласный переднего ряда **е** заменяется на краткий гласный среднего ряда **э**. Как и в литературном кабардино-черкесском языке, слово оканчивается на краткий гласный среднего ряда **э**: *НетIи жыпIас иштэ Гылахъстэней, къэбэрдей я псалъэр зыщхьэщедз жыфIэри.* «Как ты сказал и раньше, сейчас есть различия между тем, как разговаривают гиляхстанейцы и кабардинцы» (Къандур Хь.); *Къэсшас иштэ, бынитI сиIыс.* «Сейчас женат, имею двоих детей» (Думэн Хь.-И.).

Къимэ' (k1y'ma – «фарш»**)** [ТР-РТС, 2000: 238].В литературном языке говорят «*лы хьэжа*» [СКЧЯ, 1999: 486]. На конце слова долгий гласный заднего ряда **а** переходит в краткий гласный

среднего ряда **э:***Къимэ къыдогъэсэбэп, шхын щытщIкIэ.* «Когда мы готовим еду, используем фарш» (Гигий М.).

Майдано'с (maydano'z – «петрушка»**)** [ТР-РТС, 2000: 271]. В литературном языке имеется слово «*къуэнтхъурей*» [СКЧЯ, 2000: 473]. На конце этого слова происходит оглушение звонкого свистящего согласного **з** перед лабиализованным гласным заднего ряда **о**: *Бжьын, кIэртIоф къыщагъэкI, майданос зэткIэми унагъуэhэм халъхьэжIым.* «Лук, картошку выращивают, петрушку сейчас в семьях не сажают» (Къандур Хь.).

Мэды'н (medeniye't – «цивилизация») [ТР-РТС, 2000: 272]. В литературном языке употребляют «*цивилизацэ*» [КЧРС, 2008: 554]. Вместо гласного переднего ряда**е** в турецком языке в речи диаспоры встречается краткий гласный среднего ряда **э**. Также отсекается окончание «***иет***»: *Францызырас я нэхь мэдынри, ари къыщIыхьэну Iэмал иIэIым.* «Французы самые цивилизованные, даже у них не было возможности догнать…» (Гуэбэшы К.).

Мэктэ'б (mekte'p(bi') – «школа»**)** [ТРС, 1977: 612]. В литературном языке присутствуют «*школ / еджапIэ*» [СКЧЯ, 1999: 761]. Вместо обоих гласных переднего ряда **е** произносят краткий гласный среднего ряда **э**: *Дэ дызырыс къэралым мыпхуэдэ драгъэг'эну, мыбы щхьа мэктэб зэIуахыну Iэмал иIэIым.* «В стране, где мы живем, нет возможности обучать нас [языку], отрывать для этого специализированные школы [для изучения родного языка]» (Акъсырэ Я.-К.). *Сэ илъэс ирмы бир илъэс хъуауэ сыщылажьэ мэктэбым.* «Я двадцать два года работаю в школе» (Тебер Г.).

Мэкту'б (mektu'p (bu') – «письмо»**)** [ТРС, 1977: 612]. В литературном языке употребляют русское «*письмо*» [СКЧЯ, 1999: 560]. Гласный переднего ряда **е** заменяется кратким гласным среднего ряда **э:** *Си шынэхъыщIэм и къуэм, илэ мэракъ ищIри сэ сыкIуэнщ жери мэктубри абы сIихри, дытхэуэ абы къыхуэтхэжурэ щытащ.* «Мой младший брат изъявил желание поехать, и он взял у меня письмо, после этого мы начали переписываться» (Шыбзыхъуэ М.).

Мэ'сэла (me'selâ – «например»**)** [ТР-РТС, 2000: 276]. В литературном языке имеется «*исалъэм папщIэ (щхьэкIэ)*» [СКЧЯ, 1999: 566]. В слове «мэсэла» наблюдается замена кратким гласным среднего ряда **э** обоих гласных переднего ряда **е**: *Нобэ, мэсэла, хъер Iуоху лIыу зыгуэрэм хъелэ Iуоху иIэмэ и гъунэгъуhэр зыхуешэс…* «Например, если сегодня у кого-то радостное событие, он собирает своих соседей…» (Шыбзыхъуэ И.).

Милэ'т (mille't – «нация»**)** [ТР-РТС, 2000: 279]. В литературном языке – «*лъэпкъ*» [СКЧЯ, 1999: 497]. В данном слове в речи диаспоры наблюдается звукосоответствие гласного переднего ряда **е** и краткого гласного среднего ряда **э**: *Адыгэ жытIэми, псокIи дыадыгэс, ди хабзэр зыс, ди джэгур зыс, дызэпэгъунэгъуу, ди нэмусымкIи, ди динымкIи дызэрыIыгъыу дызымилэтс*. «Все мы адыги: у нас один этикет, одни танцы, один менталитет, одна религия – мы одна нация» (Дэгу Н.). [Бижоев, 2000: 231, 236].

Не'сэ (ne'ise – «ладно»**)** [ТР-РТС, 2000: 292]. В литературном языке говорят «*ерэхъу*» [СКЧЯ, 1999: 158]. Этот тюркизм тоже относится к часто употребляемым словам в речи кабардино-черкесской диаспоры. Но в речи диаспоры на конце слова вместо гласного переднего ряда **е** используют краткий гласный среднего ряда **э**: ***Несэ*** *апэ дыдэ Къэбэрдем къаиупщIас*. «Сначала спросили у кабардинцев» (Дэгу Н.); *Презентым езытари сэраш,* ***несэ.*** «[Подарок] президенту преподнес я» (Сэбэней Э).

Па'рэ (para' – «деньги»**)** [ТР-РТС, 2000: 311]. В литературном языке – «*ахъшэ*» [СКЧЯ, 1999: 30]. В турецком языке это слово звучит как «*para'*» с ударением на последнем слоге. В речи черкесской диаспоры конечный ударный долгий гласный заднего ряда **а** в безударной позиции на конце слова переходит в краткий гласный среднего ряда **э**: *Зымахуэ абы машынэшхуэжьитI полисым я парэ къытрахаш`*. «Недавно у [водителей] двух больших машин полицейские отобрали деньги» (Жылэгуэш С.-Э.); *ЕгъэджакIуэм парэ куэд къыдатIым, яни абы щхьэкIэ къэдмыгъанэу сабийhэр фIыуэ зэрыслъагъум къыхэкIкIэ солажьэ*. «Учителям платят не много денег, но, несмотря на это, из-за большой любви к детям работаю» (Къэрабэ Д.).

Са'диджэ (sa'dece – «только, лишь»**)** [ТР-РТС, 2000: 330]. В литературном языке употребляют «*къудей*» [СКЧЯ, 1999: 475]. Вместо гласной переднего ряда **е** произносится гласный переднего ряда **и**; на конце слова гласный переднего ряда **е** переходит в краткий гласный среднего ряда **э**: *Садиджэ дыкъоджэф, яни*. «Мы только читаем» (Къуэшокъуэ Л.).

Сэмэ'н (sama'n – «солома»**)** [ТР-РТС, 2000: 333]. В литературном языке – «*хьэуазэ*» [СКЧЯ, 1999: 733]. Вместо долгого гласного заднего ряда **а** употребляют краткий гласный среднего ряда **э**: *Хьэнцэгуахъуэ цIыкIукIэ икIыщтэт абыми, сэмэнымрэ гъавэмрэ зэхагъэкIыжт.* «С помощью вилы веяли и солому отделяли от зерна» (Тэхъу Ш.) [Бижоев, 2000: 226, 236].

Тэ'к-ту'к (tek-tek – «по одному»**)** [ТРС, 1977: 841]. В литературном языке – «*зырыз*» [СКЧЯ, 1999: 296]. В первой части слова вместо гласного переднего ряда **е** употребляется краткий гласный среднего ряда **э**, а во второй части слова гласный переднего ряда **е** замещается лабиализованным гласным заднего ряда **у**: *Игы шы тэк-тук щIащIэ.* «Сейчас запрягают по одной лошади» (Къуэшокъуэ Л.).

ХьэкIуы'кIу (hukukçu' – «юрист, правовед»**)** [ТРС, 1977: 413]. В литературном языке используется тоже заимствованное «*юрист*» [СКЧЯ, 1999: 822]. Вместо «**u**» в турецком языке в речи кабардино-черкесской диаспоры произносится краткий гласный среднего ряда **э**. В обоих случаях нелабиализованный глухой согласный **к** заменяется глухим абруптивным заднеязычным лабиализованным смычным согласным **кIу,** также происходит усечение сочетания **çu'** [джу`]: *Дзэм сыкъыхэкIыжри хьэкIукIум сыхыхьэри аукат сыхъуащ.* «Ушел из войска, пошел работать юристом и стал адвокатом» (Сэбаней Э.).

Хьэфи'ф (hafi'f – «легкий, несильный»**)** [ТР-РТС, 2000: 168]. В литературном языке говорят «*тIэкIу мащIэу*» [СКЧЯ]. В речи диаспоры вместо долгого гласного заднего ряда **а** в инлауте встречается краткий гласный среднего ряда **э**: *Хьэфиф тIэкIу узамэ, а шхэпсым щыщ кIэришхэрти хъужырт.* «Если несильная боль, он обматывал клейстером и так заживало» (ПIрощт И.).

Хьу'кумэт (hüküme't – «правительство»**)** [ТРС, 1977: 413]. В литературном языке русское заимствование «*правительствэ*» [СКЧЯ, 1999: 564]. В речи диаспоры вместо гласного переднего ряда **е** произносят краткий гласный среднего ряда **э**: *Кхъухьым къыщикIщ абыи, мы дэ ди хьукумэтым Узун-Яйлэ кърит абыи къэкIуас.* «После того, как они вышли из корабля, наше правительство предоставило им Узун-Яйлу,и они прибыли сюда» (Къуэшокъуэ Л.). *Хьукумэтыр дэIэпыкъуэгъу къытхуэхъуу щытамэ, ди бзэр нэхьыфIу тхуэхъумэну къыщIэкIынт.* «Если бы нам правительство помогало, может быть, мы бы смогли лучше сохранить свой язык» (Тебер Ф.).

Чэуда'р (çavda'r – «рожь»**)** – [ТР-РТС, 2000: 84]. В литературном языке исконное слово – «*хъэпцIий*» [СКЧЯ, 1999: 731]. В данном слове наблюдаются несколько фонетических отклонений от литературной нормы турецкого языка: происходит замещение долгого гласного заднего ряда **а** кратким гласным среднего ряда **э**, вместо звонкой согласной **в** в речи диаспоры встречается

лабиализованный гласный заднего ряда **у**: *ЩIыс зэлэжьhэр, гуэдз, чэудар ягъэкI*. «Занимаются земледелием, выращивают пшеницу, рожь» (Къандур Хь.).

Чо'к рэхьэ'т (çokraha't – «очень спокойно, очень хорошо»**)** [ТР-РТС, 2000: 82, 323]. В литературном языке – «*икъукIэ тынш, фIы*» [СКЧЯ, 1999: 328, 641]. Первая часть данного тюркизма звучит в речи диаспоры без каких-либо изменений, но во второй части в обоих случаях долгий гласный заднего ряда **а** переходит в краткий гласный среднего ряда **э**: *Дэ мыбы чок дырэхьэтс*. «Здесь нам очень хорошо» (ПРощт И.).

Чорбэ' (çorba' – «суп»**)** [ТР-РТС, 2000: 93]. В литературном языке исконное слово – «*хьэнтхъупс*» [СКЧЯ, 1999: 731]. Вместо долгого гласного заднего ряда **а** в ауслауте употребляют краткий гласный среднего ряда **э**: *Лыбжьэ, чорбэ, пIастэ дощI*. «Мы делаем лижбу, суп, пасту» (Гигий М.).

Чыфчылы'к (çiftçili'k – «земледелие, сельское хозяйство»**)** [ТР-РТС, 2000: 90]. В литературном языке присутствует «*мэкъумэш лэжьыгъэ*» [СКЧЯ, 1999: 514]. В речи кабардино-черкесской диаспоры выпадает глухой согласный **т**, также всюду гласный переднего ряда **и** заменяется на краткий гласный средневерхнего ряда **ы**: *Ахуэдэу шы зэрахуас, мэл зэрахуас, чыфчылык ящIас*. «Так, они разводили коней, баранов, занимались сельским хозяйством» (Тэхъу Шэрэф) [Бижоев, 2000: 226, 239].

Шы'мди (şi'mdi – «скоро»**)** [ТР-РТС, 2000: 356]. В литературном языке – «*куэд мыщIэу*» [СКЧЯ, 1999: 328]. В слове «шимди» ударный гласный переднего ряда **и** в речи диаспоры в инлауте заменяется на краткий гласный средневерхнего ряда **ы**: *Шымди абы къыхыхьас зэгурымыIуэн*. «Скоро между ними тоже начались разногласия» (Дэгу Н.); *Шымди хьэзыр дыхъуныс*. «Скоро будем готовы» (Шахьмырзэ Ш.).

Эн со'нрэ (dansonra – «спустя некоторое время»**)** [ТР-РТС, 2000: 347]. В литературном языке это значение выражается так: «*зэман тIэкIу дэкIа нэужь*» [СКЧЯ, 1999: 214, 642]. В речи диаспоры в данном слове отпадает начальный согласный **д**, также на конце слова долгий гласный заднего ряда **а** переходит в краткий гласный среднего ряда **э**: *Япэ щIыкIэ Анкъэрэ ирагъэплъас, иужьым эн сонрэ мыбдеж дыщыпсэуфынIым жари нэхъ къаблэмкIэ тIысас*. «Сначала им показали Анкару, потом, спустя некоторое время, сказав, что не смогут здесь жить, переселились к югу» (Дэгу Н.).

Іа'мэ (а'ma – «но»**)** [ТР-РТС, 2000: 24]. В литературном языке – «*ауэ*» [СКЧЯ, 1999: 29]. В речи диаспоры это слово подвергается значительным фонетическим изменениям: вместо звука [**а**] в турецком языке появляется сочетание [**Іа**], на конце слова долгий гласный заднего ряда **а** переходит в краткий гласный среднего ряда **э**: *МыбычІэ куэд ис, Іамэ дэ ди гъунэгъуу зы къуажэс исыр шэшэну*. «Здесь живут многие, но по соседству с нами живет одно чеченское село» (Къандур Хь.). *Си адэр мыбы къыщалъхуа, Іамэ х'экум къикІаhэм ящыщу куэд слъэгъуа*. «Мой отец родился здесь, но я видел многих, которые переселились сюда с родины» (Егъэн Хь.). *ТІумкІи дызопсалъэ, нэхъ дгъэшэрыуэр тыркубзэрас,* ***Іэмэ*** *адыгэбзэм дыкъызэрыплъагъуси дропсалъэ.* «Разговариваем на двух языках, несмотря на то, что лучше знаем турецкий, но и на кабардинском, как видишь, говорим» (Гиги Хъ.); *Аурупэм алимпиадэм япэ дыдэ сиш`ыфаІым,* ***Іэмэ*** *ш`ы-плІыхъэм сахыхъас…* «На олимпиаде в Европе не смог занять первое место, но попал в тройку, четверку» (Жылэгуэш С.-Э.).

Эскы' (eski' – «старый»**)** [ТР-РТС, 2000: 136]. В литературном языке исконное слово «*жьы*» [СКЧЯ, 1999: 183].Вданном тюркизме в речи диаспоры происходит фонетическое изменение – переход **и:ы**. *Ахъэр щагъэтыжати, а уэрэдыж' жызыІэхъэр, нэхъ эскыхъэри ахъэр зыри жаІыжтэІыми, дэ ахъэр щІагъуэ зэхэтхаІым*. «Эти старинные песни пели более пожилые, потом вообще перестали, и поэтому мы мало что слышали» (Къуэшокъуэ Л.). [Бижоев, 2000: 227].

2.2. Тюркизмы, фонетически не изменившиеся

Подобный пласт в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции пока немногочислен. Однако сам факт, что тюркизмы входят в речь диаспоры уже без всяких фонетических изменений, говорит об ослаблении позиций родного языка, уже не имеющего сил для сопротивления потоку чужих слов, которые, во-первых, вытесняют в подавляющем большинстве случаев исконные слова с такими же значениями, и, во-вторых, уже и не пытаются приспособить эти слова к фонетическим законам кабардино-черкесского языка.

Бе'льки (be'lki – «может быть»**)** [ТР-РТС, 2000: 55]. В литературном языке употребляют – «*Іэмал зэриІэкІэ*» [СКЧЯ, 1999: 829].

Ахуэду фIыу сигуи къэкIаIым, яни белки зыщхьэщидз зыщхьэщимыдзрэ. «Я и не подумал, есть ли различия или нет» (Къандур Хь.).

Бо'й (boy – «долгий»**)** [ТР-РТС, 2000: 65]. В литературном языке употребляют – «*кIыхь*» [СКЧЯ, 1999: 348]. *Алыхьым гэнджэри я насыпыр бой ищI!*«Дай бог молодым долгого счастья!» (Шыбзыхъуэ И.).

Вилае'т (vilâye't – «район, местность»**)** [ТР-РТС, 2000: 396]. В литературном языке употребляют – «*район, щIыпIэ*» [СКЧЯ, 1999: 816]. *Дэ ди Узун-Яйла мыбы къэкIуар къызытекIухьар Адапазар жыдоIэри ер иIэс, Чорым жыдоIэри вилает иIэс.* «К нам приехавшие в Узун-Яйла прибыли из места, которое называется Адапазар, также есть район – Чорум» (Тэхъу Ш.). [Бижоев, 2000: 226, 239].

Емекли' (emekli – «пенсионерка»**)** [ТР-РТС, 2000: 130]. В литературном языке употребляют – «*пенсэм кIуащ*» [СКЧЯ, 1999: 560]. *Си анэр унэм щIэсс, эмекли*. «Мама дома сидит, пенсионерка» (Жылэхьэж А.).

Е'р(ye'r – «местность»**)** [ТР-РТС, 2000: 407]. В литературном языке употребляют – «*щIыпIэ*» [СКЧЯ, 1999: 816]. *Дэ ди Узун-Яйла мыбы къэкIуар къызытекIухьар Адапазар жыдоIэри ер иIэс, Чорым жыдоIэри вилает иIэс.* «Приехавшие в Узун-Яйла, прибыли из места, которое называется Адапазар, так же есть район – Чорум» (Тэхъу Ш.) [Бижоев, 2000: 226, 239]

Нахьие' (nahiye' – «район, область чего-*л.*»**)** [ТРС, 1977: 668]. В литературном языке употребляют – «*район*» [СКЧЯ, 1999: 602]. *Енэнышхьэр – ар Къайсэрым и зы къуажэм епх'ауэ зы нахьиес.* «Еванишха – это район, связанный с одним из сел Кайсери» (Думэн Хь.-И.).

Не…не (ne… ne – (союз) «ни…ни»**)** [ТР-РТС, 2000: 292]. В литературном языке употребляют **–** «*икIи, е…е*» [СКЧЯ, 1999: 312]. Этот союз – один из наиболее употребительных в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции. *Не зыгуэр япэ иту ддэрэ, не зыгуэр яужь иту ддэрэ*. «Мы не позволяем другим быть ни впереди нас, ни позади нас…» (Есэн С.); *Не хьэрыпыр къыщIыхьэн не ингилизыр къыщIыхьэн.* «Ни арабы, ни англичане не могут сравниться [с адыгами]» (Гуэбэшы К.).

В речи информатора (Бэшкур Хь.) из Иордании Б.Ч. Бижоев выделяет пример, в котором парный союз *не…не* произносится как *нэ…нэ*: *Нэ игъэпщкIуауэ, нэ щэхуу, нэ и шыпхъуу, нэ и къуэшу, нэ я хьэблэу джэгум [зыри] къакIуэркъым*. – «Ни скрытно, ни тайно, ни открыто ни сестры, ни братья, ни соседи на свадьбу не

приходят». В данном примере мы имеем дело с фонетическим вариантом *не*, он встречается в речи старшего поколения. В приведенном предложении *не…не* может сочетаться с различными частями речи: наречиями, существительными, но сказуемое при них обязательно должно быть в отрицательной форме. Когда же *не…не* непосредственно связано со сказуемым, оно заменяет суффиксальное отрицание, то есть сказуемое не нуждается в дополнительном выражении отрицания: *Дэ ди хъэнасирыр нэ арап, нэ адыгэ, зыш'ыш'ыр защIэжырIым, кIуэдас.* – «Наши ханасирцы [жители селения Ханасир, близ г. Алеппо] – и не арабы, и не адыги, сами уже не знают, кто они, ассимилировались» (Бэшкур Хь.). В литературном языке это могло бы быть так выражено: *е хъэрыпкъым, е адыгэкъым*. [Бижоев, 2000: 214]

Он ики' (oniki – «двенадцать»**)** [ТР-РТС, 2000: 300]. В литературном кабардино-черкесском языке употребляют – «*пщыкIутI*» [СКЧЯ, 1999: 585]. Кабардино-черкесская диаспора практически всегда использует только турецкие имена числительные. Причем в их речи турецкие числительные употребляются без каких-либо фонетических, грамматических изменений. *Ар отобюскIэ укIуэн хуес он ики саат.* «Чтобы туда попасть, нужно на автобусе ехать двенадцать часов» (Жылэхьэж А.).

Представители старшего поколения иногда прибегают к исконным числительным, но, в отличие от кабардино-черкесского литературного языка, они пользуются более древней формой счета, двадцатеричной, которая и на исторической родине встречается уже редко и только в речи старшего поколения, и то неграмотных людей, на речи которых не отразились новообразования, произошедшие в литературном языке, в данном случае десятеричная система счета. Например, в речи диаспоры: *Си ныбжьыр илъэс* ***тIощIиш'*** *мэхъу, си цIэр Нихъэт.* «Мне сейчас шестьдесят (*букв.*: три двадцатки) лет, зовут меня Нихат» (Дэгу Н.). *Сэ ныбжьчIэ* ***тIощIрэ пщыкIублым*** *ситс игыпсту.* «Сейчас мне тридцать семь лет» (*букв.*: двадцать и семнадцать) (Къущхьэ Т.). Двадцатеричная система счета наблюдается в речи старшего поколения в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка: *Илъэс* ***тIощIитI*** *ипэкIэ Улапэм зэрыгушьыIэу шътар абазэхэбзэрэ бэслъыней бзэрат.* «Лет сорок (две двадцатки) тому назад в Улапе говорили на адыгейском и бесленейском языках» [ОКЧД, 1969: 242]. *Къуэладжэ гуэрэм унагъуэ тIощIрэ пщIырэ шыса.* «В какой-то долине жило тридцать (двадцать и десять) семей» [ОКЧД, 1969: 67].

По применению числительных всех информаторов условно можно разделить на три группы. К первой группе относятся те, которые употребляют в своей речи только турецкие числительные (А. Алэбий, Хь. Егъэн, Б. Кумыщ, Х. Къэрабэ, Г. Тебер, Т. Аккылыч). Например, *уч танэ* вместо *ещанэ* – «третий»; *дохъусан ики* вместо *бгъущIрэ тIу* – «девяносто два»; *ермы дорт* вместо *тIощIрэ плIы* – «двадцать четыре»; *он беш'* вместо *пщыкIутху* – «пятнадцать».

В речи второй группы встречаются как исконные, так и заимствованные тюркские числительные (эти информаторы используют числительные кабардино-черкесского языка только от 1 до 10, дальше систему счета они продолжают на турецком: А. Жылэхьэж, И. Акбай, Д. Къэрабэ, М. Къэрабэ, Ш. Шахьмырзэ, Б. Шыкъ и др.).

Третья, очень малочисленная группа – это люди преклонного возраста, которые абсолютно не владеют турецким языком и, соответственно, не употребляют тюркские числительные.

По способу использования исконных числительных информаторы различаются на две группы:

К первой группе относятся информаторы, которые применяют десятеричную систему счета (М. Шыкъ, С. Есэн, Б. Кылар). Например, *илъэсхыщI* – «шестьдесят лет», *плIыщIрэ плIырэ* – «сорок четыре», *щэщIрэ и* – «тридцать восемь».

Во вторую группу входят информаторы, которые сохранили двадцатеричную систему счета (Л. Кумыщ, Н. Дэгу, Хь. Къандур, Э. Сэбэней, С.-Э. Жылэгуэш, Т. Къущхьэ, Ш. Тохъу, И. ПIрощт, Ф. Жэнакъ, КIу. Щэныбэ, М. IутIыжь (Тебер)). Например, *тIощIрэ пщыкIутхурэ* вместо *щэщIрэ тхурэ* – «тридцать пять», *тIощIиш'* вместо *хыщI* – «шестьдесят», *щэныкъуэрэ плIырэ* вместо *тхущIрэ плIырэ* – «пятьдесят четыре», *хыщIрэ пщыкIутI* вместо *блыщIрэ тIу* – «семьдесят два», *минрэ щибгъурэ тIощIиплIрэ пщыкIублрэ* вместо *минрэ щибгъурэ бгъущIрэ блы* – «тысяча девятьсот девяносто семь», *щэрэ щэныкъуэрэ* вместо *щэрэ тхущIрэ* – «сто пятьдесят».

Вторая группа более многочисленна, то есть в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции наиболее устойчиво сохранилась двадцатеричная система счета. Причиной этого является то, что речь продолжает традиционную систему счета, которая в недавнем прошлом преобладала и на исторической родине. А в современном литературном кабардино-черкесском языке двадцатеричная система счета фактически вытеснена десятеричной под давлением установленных литературных стандартов, хотя

отпечатки использования двадцатеричной системы еще встречаются в диалектах и говорах у старшего поколения.

Следует обратить внимание на факт, отмеченный М.А. Кумаховым еще в 60-е годы XX века. Сравнивая тенденции употребления числительных в разных диалектах и говорах, он обнаружил, что в двух кабардинских диалектах – бесленеевском и кубанском – их развитие идет по разным направлениям: в бесленеевском диалекте под влиянием литературного кабардинского языка двадцатеричная система вытесняется десятеричной, а в кубанском диалекте под влиянием адыгейского языка десятеричная система вытесняется двадцатеричной [Кумахов, 1969: 209–210].

Что касается других групп числительных, то на основе анализа речи представителя диаспоры С. Къуэджакъ Б.Ч. Бижоев выявил, что при образовании так называемых приблизительных числительных наблюдаются такие варианты, как: *зыбгъузыпщI* вместо лит. *зыбгъупщI* – «около девяти-десяти», *зых-зыбл* вместо *зыхыбл* – «около шести-семи», *зытху-зых* вместо *зытхух* – «около пяти-шести» [Бижоев, 2000: 211].

Tabi (таби – «конечно») [ТР-РТС, 2000: 360]. В литературном языке употребляют – «*дауикI, шэч хэмылъу*» [СКЧЯ, 1999: 109, 760]. …*Мыбы хущхъуэр ахуэдизу лъапIэс, нэхъыбэр пэлъэшIым,* ***таби*** *ахъшэ зиIэм и Iуэхур нэхь мащIэ, абы IичIа ахъшэ зимыIэм и Iуэхур нэхь пхыдhэкIынс жыдоIэри ди гупсысэр арас*. «Здесь лекарства дорогие, большинство не может себе позволить [купить их], конечно, те, у кого есть деньги, им легче, но те, которые пришли оттуда и у которых нет денег, мы думаем над тем, как им помочь» (Шыкъ М.).

Таи'н (tayI'n – «назначить»**)** [ТР-РТС, 2000: 367]. В литературном языке употребляют – «*хэхын*» [СКЧЯ, 1999: 690]. *Зы щIалэр таин ящIыр абыми, абы нысэр къегъэтэг'*. «Одного парня назначают, и он поднимает невесту к выходу [из родительского дома]» (Шыбзыхъуэ И.).

Чизма'р (**çizma'r** – «ноговица»**)** [ТРС, 1977: 195]. В литературном языке употребляют – «*лъей*» [СКЧЯ, 1999: 501]. *Зыгуэрым и чизмар кIуэдауэ хуэзащ*. «Встретили кого-то, потерявшего свои ноговицы» (Алэбий А.).

Эфе'ндим (**efe'ndim** – «у телефона») [ТР-РТС, 2000:424]. В литературном языке употребляют – «сынодаIуэ, алло, да». Практически все информаторы использую этот тюркизм, при ответе на

телефонный звонок (Къэрабэ М., Тебер Ф., Тебер Г., Шахьмырзэ Ш., Шыкъ Б. и др.).

Я'ни (ya'ni – «то есть, а именно, значит»**)** [ТР-РТС, 2000: 401]. В литературном языке употребляют – «*нэгъуэщIу жыпIэмэ*» [СКЧЯ, 1999: 531]. *Яни иужькIэ хьэткъуеир кърадзаIым*. «То есть потом хатукайца не признавали» (Дэгу Н.). *Чэудар, арпэ – дэ диIэр арас, яни, мы жылэм дей, уэлэхьи нэгъуэщI димыIэ…* «В этой местности у нас есть только рожь, ячмень, другого здесь у нас нет» (Тэхъу Ш.). *КъыдгурыIуэ щыIэIым, догэф* ***яни***. «Понимаем мало, но умеем читать» (Гиги Хъ.); *…Iэщыншэуи зыри щыIыIым,* ***яни*** *я нэхь мащIэ дыдэ зиIым тIощIищрэ пщIырэ мэлу, былыму плIы-тху…* «…Нет тех, у кого нет скота, те, у кого меньше всех, у них семьдесят баранов, четыре-пять голов рогатого скота» (Къэндур Хь).

2.3. Тюркизмы, вторично заимствованные диаспорой

Небольшую группу слов, которая приводится здесь, со словами предыдущего пункта объединяют то обстоятельство, что в обоих случаях тюркизмы входят в речь диаспоры в неизмененном виде, то есть в той форме, в которой они существуют в языке-источнике. Однако имеется и существенная разница между ними: если тюркизмы в предыдущем пункте вытесняют исконные слова с теми же значениями, что у них, то здесь тюркизмы входят в речь вместо тех же тюркизмов, которые уже давно адаптированы. На наш взгляд, это чрезвычайно редко встречающийся, парадоксальный факт, и он может свидетельствовать, опять же, о постепенной сдаче своих позиций родной речью под напором довлеющего над ней государственного языка. Он уже берется не только с адыгскими словами, но и с фонетически освоенными, принявшими адыгскую оболочку, тюркскими словами. Хотя подобных случаев удалось выявить не так уж много, тем не менее выявленная тенденция, по всей видимости, будет усиливаться и принимать все более широкие масштабы.

Баира'къ (bayrak – «*знамя*, этн. *флаг*»**)** [ТРС, 1977: 103]. В литературном языке употребляется наряду с исконным «*ныпъ*» и «*бэракъ*»: 1) знамя, 2) флаг [СКЧЯ, 1999: 36]. *Адыгэу гупу псэуауэ, баиракъ иIэу дунем тета*. «Адыги жили группами, имели свой флаг» (Думэн Хь. – *И.*).

Ко'й (kö'y- «*село, селение*»**)** [ТРС, 1977: 568]. В литературном языке употребляется в значениичасть (квартал) села [СКЧЯ, 1999: 329]. Это слово в литературном языке претерпело фонетические изменения: глухой смычной согласный **к** переходит в глухой придыхательный заднея зычный лабиализованный смычной **ку**. Диаспора под влиянием литературного турецкого стала произность это слово как *кой: Ипэм Iэщ куэду яIэу щта, игы коим зэрыщыту яIэр миным нэсми ара.* «Раньше у нас было много скота, а теперь во всем селе количество скота достигает всего около тысячи» (Кумыщ Д.).

За последние десятилетия (с 90-х годов XX века) в прессе это слово стали употреблять в значении «район», хотя в исходном языке оно такого значения не имеет. Например, в газете «Адыгэ псалъэ»: «*Узыншагъэ» лъэпкъ проектым ипкъ иткIэ Аруан куей сымаджэщым и лъхуапIэм иIэ хъуащ интранатальнэ кардиотокограф жыхуаIэр*. «По проекту «Здоровье» в роддоме Урванского района поставили интрнатальный кардиотокограф» [АП, 2009, 26 март]. *… Зи гъащIэр щIэблэ къытщIэхъуэр егъэджэным, гъэсэным, я хэкур фIыуэ ялъагъуу къэхъуным толажьэ Тэрч куейм хыхьэ Акъбащ Ипщэ къуажэм щыщ егъэджакIуэ Шэрыб Юлэ.* «Учитель с Верхнего Акбаша терского района Шарибова Юля всю свою жизнь посвятила воспитанию, обучению подрастающего поколения, прививала любовь к своей родине» [АП, 2009, 21 январь].

Сыа'т (saa't – «*час, время*»**)** [ТРС, 1977: 739]. В литературном языке произносится как *сыхьэт* и имеет значения: 1) час, 2) время [СКЧЯ, 1999: 612]. Диаспора под влиянием турецкого языка начала его выговаривать как «сыат»: *Ар отобюскIэ укIуэн хуес он ики саат*. «Чтоб туда попасть, нужно на автобусе ехать двенадцать часов» (Жылэхьэж А.).

2.4. Интернационализмы, которые заимствованы диаспорой через турецкий, а на родине – через русский языки

Расхождения в лексике между литературным языком и речью диаспоры увеличиваются и за счет так называемых интернациональных слов. Причиной того является тот факт, что в литературный язык они проникают через русский язык и, как правило, в русифицированной форме. Диаспора же заимствует подобные слова из турецкого языка в том виде, в котором этот

язык освоил данное слово. Причем если литературный язык както еще пытается часть подобных интернационализмов заменить исконными или же образовывать новые слова путем калькирования, а затем они внедряются через средства массовой информации и систему школьного и высшего образования, то у диаспоры по известным причинам такой возможности нет.

Последствия описанной ситуации продемонстрируем нижеследующими примерами:

Америкэ'н (Amerika'n – «*американец*»**)** [ТРС, 1977: 53]. В литературном языке в значении «*америкэм щыпсэу цIыху*» присутствует слово *американ* [СКЧЯ, 1999: 24]. Это слово в речи диаспоры звучит так, как и в турецком языке, с той лишь разницей, что в последнем слоге гласная **а** произносится как **э**: *Мыбы къакIуэри зы осмэн яухуати фэ фи Руссиемрэ Жапон денизымрэ, Аурупэмрэ къиштэри, америкэн нэгъунэ къыпэувыфтэIым*. «Сюда пришли и создали Османскую империю, взяв в союзники Россию, Японию, Европу, даже американцы не смогли им противостоять» (Сэбэней Э.).

Ауру'пэ (Avru'pa – «Европа»**)** [ТРС, 1977: 952]. В литературном языке – «*Европэ*» [СКЧЯ, 1999: 142]. Это слово в речи диаспоры тоже звучит так, как в турецком языке: *Мыбы къакIуэри зы осмэн яухуати фэ фи Руссиемрэ Жапон денизымрэ, Аурупэмрэ къиштэри, америкэн нэгъунэ къыпэувыфтэIым*. «Сюда пришли и создали Османскую империю, взяв в союзники Россию, Японию, Европу, даже американцы не смогли им противостоять» (Сэбэней Э.).

Аука'т (avuka't – «адвокат»**)** [ТРС, 1977: 78]. В литературном кабардино-черкесском языке с этой семантикой употребляется «*уэчыл*» [СКЧЯ, 1999: 651]. Правда, это слово все больше вытесняется заимствованным *адвокат*. В речи диаспоры это слово произносится с выпадением согласной **-в-** в середине слова: ср. *аукат* и турецкое *авукат*. *Дзэм сыкъыхэкIыжри хъэкIукIум сыхыхъэри аукат сыхъуащ…* «Ушел из войска и пошел работать юристом, стал адвокатом» (Сэбэней Э.).

Джыкъа'рэ (siga'ra – «*сигарета*»**)** [ТРС, 1977: 776]. В литературном языке с этой семантикой употребляется старое тюркское заимствование «*тутын*» [СКЧЯ, 1999: 635]. В слове «sigara» в речи диаспоры наблюдается звукосоответствие гласных **и:ы**. Перед звонкой шипящей аффрикатой **дж** гласный переднего ряда **и** переходит в гласный средневерхнего ряда **ы**; также наблюда-

ется чередование согласных **дж:s**, **къ:g**. *Джыкъарэ йофэ*. «Курят сигарету» (Къуэшокъуэ Л.).

Жапо'н (Japo'nya – «Япония»**)** [ТРС, 1977: 954]**.** В литературном языке – «*Япон*» [СКЧЯ, 1999: 824]. *Мыбы къакIуэри зы осмэн яухуати фэ фи Руссиемрэ Жапон денизымрэ, Аурупэмрэ къиштэри, америкэн нэгъунэ къыпэувыфтэIым*. «Сюда пришли и создали Османскую империю, взяв в союзники Россию, Японию, Европу, даже американцы не смогли им противостоять» (Сэбэней Э.).

Лисэ' **(li'se** – «*лицей*»**)** [ТРС, 1977: 590]. В литературном языке с этой семантикой употребляется заимствованное из русского языка слово «лицей»[КЧРС, 2008: 293]. В речи диаспоры гласный переднего ряда **е** в конце слова переходит в краткий гласный среднего ряда **э**: *Си фызыр лисэм егъэгакIуэу щыIэщ*. «Супруга работает в лицее преподавателем» (Жылэгуэш Э.).

Моби'лие (mobi'lya – «*мебель*»**)** [ТРС, 1977: 632]. В литературном кабардино-черкесском языке – «*унэлъащIэ*» [СКЧЯ, 1999: 657]. *Иджыпсту мобилие дощI*. «Сейчас занимаемся изготовлением мебели» (Чылар Б.).

Отобю'с (otobü's – «автобус»**)** [ТРС, 1977: 694]. В литературном языке употребляют в форме «*автобус*» [СКЧЯ, 1999: 20]. *Ар отобюскIэ укIуэн хуес он ики саат*. «Чтоб туда попасть, нужно на автобусе ехать двенадцать часов» (Жылэхьэж А.).

Ру'ссие (Ru'sya – «Россия»**)** [ТРС, 1977: 956]. В литературном языке встречаются две формы этого слова – более старая, адаптированная *Урысей* и сравнительно новая *Россие* [КЧРС, 2008: 395]. Первая из них, без всяких сомнений, присутствовала в речи диаспоры, однако она полностью вытеснена турецким вариантом слова. *Мыбы къакIуэри зы осмэн яухуати фэ фи Руссиемрэ Жапон денизымрэ, Аурупэмрэ къиштэри, америкэн нэгъунэ къыпэувыфтэIым*. «Сюда пришли и создали Османскую империю, взяв в союзники Россию, Японию, Европу, даже американцы не смогли им противостоять» (Сэбэней Э.).

Програ'мэ (**progra'm** – «*план работы, программа, содержание*») [ТРС, 1977: 726]. В литературном языке – «*программэ*» [СКЧЯ, 1999: 565]. В речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции слово «программ» употребляется, как и в турецком языке, без конечного гласного: *СыткIэ дывдэIэпыкъуфынуми игы, абы и програмыр дывгъэщI*. «Теперь давайте определимся с тем, чем мы можем вам помочь и составим план» (Саадэт М.).

Телевизиоˈн (televizyoˈn – *«телевизор»*) [ТРС, 1977: 884]. В литературном языке русское слово «*телевизор*» [СКЧЯ, 1999: 622]. В речи диаспоры это слово используется в той же форме, что и в турецком языке: *Унэм сыкIуэнс, тIэкIу телевизионым сеплъынс, компитор сыджэгунс*. «Придя домой, я немного смотрю телевизор, играю на компьютере» (Жылэхьэж А.).

Сравнительный анализ речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции и кабардино-черкесского литературного языка показывает, что больше изоглосс наблюдается в лексической системе. В их образовании принимали участие смешение диалектов и говоров в течение почти полутора столетий и влияние турецкого языка. Проникновению тюркских элементов в речь кабардино-черкесской диаспоры способствуют лингвистические и экстралингвистические процессы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время в сфере изучения речи черкесских диаспор за рубежом накоплен богатый материал, позволяющий выявить его фонетические и лексические отличия от современного кабардино-черкесского языка. Эти отличия, проявляющиеся на всех уровнях языковой структуры, в сочетании с данными о звуковом строе основных диалектов и говоров речи черкесов, проживающих за рубежом, представляют значительный интерес и для сравнительно-исторического исследования лексики и фонетики адыгских языков в целом.

Определенный вклад в исследование речи черкесской диаспоры на Ближнем Востоке и в Турции внесли Ж. Дюмезиль, К. Пари, М.А. Кумахов, Х.Т. Таов, Б.Ч. Бижоев и др. В их трудах были предприняты первые попытки теоретического осмысления основных аспектов функционирования языка диаспоры за рубежом. В частности, в их работах обозначены основные отличия речи черкесской диаспоры от современного кабардино-черкесского языка в области фонетики.

В ходе исследования обнаружены расхождения в различных фонетических процессах, в наличии своеобразных звуковых комплексов, в чередовании гласных в словах. Особенно заметны различия в лексике. Множество слов имеют разные значения или различаются по количеству обозначаемых понятий. Многие слова и выражения из речи кабардинцев, проживающих в Кабардино-Балкарии, неизвестны или малоупотребительны в Турции, Сирии, Иордании и т.д. Таким образом, в настоящее время назрела необходимость комплексного исследования фонетических, лексико-грамматических, морфологических и синтаксических особенностей речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции.

Специфика современной языковой ситуации в диаспоре определяется прежде всего тем, что после переселения черкесов в страны Ближнего Востока изменились среда и условия их обитания. Язык стал развиваться под влиянием качественно иных факторов. Проживая вдали от родины, черкесы стремились сохранить свой язык и культуру. Культурно-просветительская работа проводилась и на уровне общественных организаций, открываемых деятелями адыгской диаспоры. Одна-

ко в наши дни языковая картина почти во всех зарубежных черкесских диаспорах характеризуется состоянием продолжающегося кризиса. Ситуация осложняется и нарастающей ассимиляцией черкесов среди местного населения. Если старшее поколение еще владеет кабардино-черкесским языком, то среди молодежи он как основной фактор выражения этнической идентичности стремительно теряет свои позиции. В итоге это может привести к полной утрате ими своей этнической идентичности, растворению в социуме стран проживания. Поэтому задача сохранения и развития языка для черкесской диаспоры за рубежом должна стать приоритетной на ближайшее время.

В речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции в результате передвижения общеадыгских заднеязычных согласных **джъ, чъ, чІъ.** появились шипящие аффрикаты **г', к', кІ'.** Однако этот процесс еще не завершен. Более того, в языке представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции редко встречаются литературные варианты. В речи представителей как старшего, так и младшего поколения пережиточное **г'** употребляется в начале и середине слова. Заднеязычный взрывной палатализованный **к'** часто используется вместо глухой шипящей аффрикаты **ч**.

Многие звуковые процессы в адыгских диалектах и говорах происходят крайне неравномерно и реализуются очень интенсивно в течение сравнительно небольшого промежутка времени. Инновацией в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции является образование шипящих аффрикат на основе заднеязычных смычных. Использование заднеязычных смычных вместо вторичных шипящих аффрикат встречается как в работах некоторых дореволюционных исследователей кабардинского языка, так и в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции.

Употребление в окончании множественного числа имен и глаголов ларингального спиранта **h** относится к числу наиболее распространенных фонетических явлений в речи представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции.В кабардино-черкесском литературном языке ему соответствует глухой средненебный спирант **х**. В ходе анализа полевых материалов были выявлены факты использования ларингального спиранта **h** вместо звонкого увулярного спиранта **гъ** в анлауте в именах и глаголах, а также между гласными в инлауте.

В речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции, вместо литературного варианта отрицательной морфемы – **къым** повсеместно используется – **Іым,** то есть имеет место замещение фарингального абруптива **къ** ларингальным абруптивом **І.** Переход шипяще-свистящего спиранта **щ** в свистящий спирант **с** встречается в речи всех информаторов. Шипяще-свистящий спирант **щ** заменяется свистящим спирантом **с** в любой части слова, но чаще это наблюдается при **щ** – в копуле. В речи многих информаторов был зафиксирован мяг-

кий шипящий глухой спирант **ш'** в начале, середине и конце слова, которому в литературном языке соответствует свистяще-шипящий спирант **щ**.

В ходе анализа полевых материалов были зафиксированы палатализованные среднеязычные спиранты **г'** и **х'**, которые в некоторых случаях замещают непалатализованные **г**, **х** в литературном языке. Кроме того, в речи черкесов, проживающих в Турции, в начале слова используется переднеязычный смычной **н** вместо гласной переднего ряда верхнего подъема **и**: ***н****чIи* вместо ***и****кIи* «и, да (союз)», ***н****ыги* вместо ***и****джы* «сейчас». Употребление переднеязычной смычной **н** в словах **нчи, ныги** является историческим фонетическим вариантом использования этих слов в кабардинском языке. Словоформы **иджы, икIи** – кабардинское новообразование более позднего периода.

Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции имеет ряд отличий от литературного языка в системе вокализма. Фонетические изоглоссы объединяют речь кабардино-черкесской диаспоры с некоторыми диалектами на исторической родине. Это говорит о том, что между адыгскими диалектами и речью диаспоры существуют перекрестные фонетические признаки, доказывающие существование этих фонетических явлений до переселения.

Установлено, что в некоторых словах вместо литературного краткого гласного **э** в речи диаспоры употребляется иррациональный гласный **ы**. Иногда вместо краткого гласного **э** литературного языка применяется долгое гласное **а**. Встречаются и чередования краткого гласного **э** с гласным переднего ряда среднего подъема -**е.** Иррациональный звук **ы** и гласный переднего ряда верхнего подъема используются в речи многих информаторов обоего пола. Это происходит между двумя согласными в середине слова. Гласный переднего ряда среднего подъема **е** в инлауте употребляется вместо лабиализованного гласного заднего ряда среднего подъема **о**.

В речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции происходят различные позиционные фонетические процессы в системе консонантизма и вокализма: 1) субституция (фонетическая замена одного звука другим); 2) ассимиляция; 3) метатеза (перестановка звуков); 4) синкопа (выпадение гласных); 5) этклипсис(выпадение согласных); 6) эпентеза(наращение согласной); 7) наращение гласной ***ы***; 8) апокопа (отпадение конечного безударного гласного, не связанного с ударением); 9) отпадение гласных и согласных в начале слова; 10) упрощение консонантного комплекса. Причиной их появления послужило длительное проживание черкесов за рубежом.

Сложная картина, наблюдаемая в речи кабардино-черкесской диаспоры, сложилась под влиянием внешних и внутренних факторов в ходе ее исторического развития. В связи с этим сравнительное изуче-

ние лексики речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции дает ценный материал не только для воссоздания истории словарного состава кабардино-черкесского языка, но и для понимания современного состояния его словаря. В лексический пласт речи кабардино-черкесской диаспоры входят слова, развивающиеся на собственной языковой базе. Эти слова, в свою очередь, распределяются по следующим основным группам: 1) неологизмы; 2) слова с изменившейся семантикой; 3) слова с фонетическими изменениями; 4) фразеология.

Особенности исторического развития речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции отразились на характере взаимодействия адыгских языков и диалектов, их смешении и слиянии, в результате чего возникло составляющее отдельный лексический слой незначительное количество слов и выражений, не употребляющихся в языке кабардинцев на исторической родине.

В ходе исследования установлено, что слова с семантическими отличиями встречаются в современном литературном кабардино-черкесском языке, но с другими значениями. Некоторые лексические единицы с тем значением, что и у диаспоры, наблюдаются в диалектах и говорах адыгов, проживающих на исторической родине. Адыги до выселения использовали эти слова, но с развитием современного литературного кабардино-черкесского языка на исторической родине эти единицы получили другие значения, в результате чего в языке появились новые лексические единицы.

При сравнительно-историческом анализе архивных и полевых материалов речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции был выделен целый лексический пласт слов с фонетическими отклонениями. Эти фонетические признаки в настоящее время не существуют в современном кабардино-черкесском литературном языке. Однако в лексической системе черкесской диаспоры в Турции до сих пор используются некоторые праязыковые (общеадыгские) подсистемы (например, консонантизм, фонетические процессы).

В речи представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции выделяется ряд устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, неизвестных в современном литературном языке.

Заимствованные слова из речи соседних народов составляют определенный лексический пласт речи кабардино-черкесской диаспоры. Выявили целый комплекс заимствованных из турецкого языка слов, которые отсутствуют в современном литературном языке. Это объясняется тесными контактами между черкесами и турками в течение почти полутора веков. Заимствования бывают: 1) фонетически адаптированные слова; 2) тюркизмы фонетически не изменившиеся; 3) тюркизмы, вторично заимствованные диаспорой; 4) интернационализмы, которые заимствованы диаспорой через турецкий, а на родине – через русский языки.

При сравнительном изучении словарного состава языка кабардинцев на исторической родине и представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции у последних обнаруживается заметный отпечаток их длительного проживания с турками – прежде всего наличие значительного количества тюркизмов, которые незнакомы их соотечетвенникам на Кавказе. Тюркизмы в речи кабардино-черкесской диаспоры звучат не так, как в речи самих тюрков, они претерпевают изменения на фонетическом, орфоэпическом и словообразовательном уровнях.

Тюркизмы, как правило, подчиняются законам фонетики, грамматики и словообразования заимствующего языка, в нашем случае – кабардино-черкесского литературного языка, и лишь в немногих случаях остаются «чужеродными». Лексика тюркского происхождения в рассматриваемом языке отличается высокой степенью адаптации в соответствии с характеристиками фонетической, морфологической и синтаксической систем каждого языка.

В ходе анализа полевых материалов было установлено, что служебные части речи и числительные заимствуются больше, чем остальные части речи. В процессе освоения их кабардино-черкесским языком тюркизмы подчиняются законам осваивающего языка: происходит замена непривычных по артикуляции и по сочетаемости звуков турецкого языка близкими им по качеству звуками кабардино-черкесского языка.

Таким образом, под влиянием экзогенных и эндогенных факторов речь представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции за почти полуторавековую историю подверглась значительной трансформации.

SUMMARY

The general characteristic of the work. In the monograph research of features of the spoken language of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey is undertaken. Within the general theory of language research of this problem allows to reveal degree and depth of lexical and phonetic changes in the spoken language of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey, and also – forms of interaction of various language systems (Abkhaz-Adyghe and Turkic). Besides, the comparative-historical characteristic of the spoken language of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey and the modern Kabardino-Circassian literary language acts as the peculiar indicator which is giving the chance in a new way to shine a number of low-studied aspects of transformation of the Adyghe ethnic society, developing for a long time in the inoetnical environment. In this work the experience of research of the spoken language of diaspora saved up by the researchers of the languages of the people of the Caucasus is for the first time systematized; the phonetic and lexical isoglosses distinguishing the spoken language of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey from the modern Kabardino-Circassian literary language are defined; the complex and multidimensional analysis of the spoken language of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey is carried out.

*The main content of work.*The monograph consists of the introduction, three heads, the conclusion and the list of the used literature. Relevance of a subject of research locates in introduction, are analyzed readiness degree, the material characteristic is given, the purposes and research problems are set. In chapter 1 the general characteristic of the Circassian diaspora in Turkey is given. Living far from the homeland, the Circassians especially tried to keep the language and culture. For these purposes they created various public organizations and associations, national schools, books, newspapers and magazines were published. Nevertheless, the language picture almost in all foreign Circassian diasporas is in a condition of proceeding crisis. In chapter 2 phonetic features of the spoken language of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey are investigated. During the research it was established that fixing in the spoken language of the Kabardino-

Circassian diaspora in Turkey of sound changes, uncharacteristic sounds for the kabardino-Circassian literary language, influence of the surrounding language environment, mixture of dialects, lack of writing are result. Also traces of historically developed phonetic changes which remained on the historical homeland only in various dialects and dialects are traced, and in the literary language instead of these or those konsonant or vocals new growths which became norm in the literary language are used. Within a chapter 3 lexical features of the spoken language of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey are characterized. The comparative analysis of the spoken language of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey and the Kabardino-Circassian literary language shows that more isoglosses are observed in lexical system. Mixture of dialects and dialects took part in their education within nearly one and a half centuries and influence of the Turkish language. Penetration of Turkic elements into the spoken language of the Kabardino-Circassian diaspora is promoted by linguistic and extralinguistic processes. In the conclusion the general results are summed up. The main conclusion of research is that under the influence of exogenous and endogenous factors the spoken language of representatives of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey for almost sesquicentennial history underwent considerable transformation.

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

Акбай (тыркукІэ) ***Акъей*** (къэбэрдейкІэ) ***Исхьэкъ,*** илъэс 30 мэхъу, Къайсэр къалэм епхау ХьэпэщІей (Тосалук) къыщалъхуащ, иужькІэ Истамбыл Іэпхъуэжащ, лъэпкъкІэ къэбэрдейщ, уэрэджыІакІуэщ. (Акбай (Акай) Исхак, 30 лет, родился в селении Хапашей (Тосалук), потом переселился в Стамбул, кабардинец, певец). *ПМА, аудиозапись № 0016;*

Аккылыч Нимэт, илъэс 51-рэ мэхъу, Истамбыл щопсэу. (Аккылыч Нимат, 51 лет, живет в г. Стамбуле, домохозяйка). *ПМА, аудиозапись № 0021;*

Аккылыч (Джэтэжь) Тааджэтдин, илъэс 55-рэ мэхъу, Истамбыл щопсэу, ухуэныгъэ Іуэхум хэтщ. (Аккылыч Тааджетдин, 55 лет, живет в г. Стамбуле, стройтель). *ПМА, аудиозапись № 0021;*

Аскэрыкъуэ Атела, илъэс 43-рэ мэхъу, Тыркум къыщалъхуащ, нобэкІэ Налшык щопсэу, бизнес Іуэхум хэтщ. (Аскеруко Атела, 43 года, родился в Турции, сейчас живет в г. Нальчике, бизнесмен). *ПМА, аудиозапись № 0030;*

Ансокъуэ Зуфикар, илъэс 57-рэ мэхъу, Тыркум къыщалъхуащ, нобэкІэ Налшык щопсэу, и щхьэ Іуэхум хуолажьэ. (Ансоков Зуфикар, 57 лет, родился в Турции, сейчас живет в г. Нальчике, частный предприниматель). *ПМА, аудиозапись № 0030;*

Акъсырэ Яшар-Кэмал Мухьэдин и къуэ, Тыркум, Мэртэзей къуажэм (тыркубзэкІэ – Къэрхьэлакъ) щыщщ, Къайсэр къалэм щопсэу, бизнес Іуэхум хэтщ. (Аксиров Яшар-Кемаль Мухадинович, родился в сел. Мартазей (по турецки Кархалык), живет в Кайсери, бизнесмен). *Фонотека КБИГИ, кассета 1076; см. также Бижоев, 2000: 234;*

Алэбий Айшэт, Молэ Щыхьым ипхъущ, илъэс 77 мэхъу, Къэсейхьэблэ (Сырджык-Мэджыдие) къуажэм щыщщ. (Алабий Айшат Шахимовна, 77 лет, живет в Турции (сел. Сырджык-Маджыдие). *Фонотека КБИГИ, кассета 1073; см. также Бижоев 2000: 230;*

Блэнау Фехьми, илъэс 65-рэ мэхъу, Тыркум къыщалъхуащ, нобэкIэ Налшык щопсэу, пенсионерщ. (Бленао Фехми, 65 лет, родился в Турции, сейчас живет в г. Нальчике, пенсионер). *ПМА, аудиозапись № 0031;*

Гиги Хъадиджэр Махъир ипхъу, илъэс 19 мэхъу, Тыркум и Узун-Яйла районым хыхьэ Аслъэнхьэблэ (Карабогаз) щыщщ. (Гиги Хадижер Махировна, 19 лет, живет в сел. Асланхабла (по-турецки – Карабогаз), района Узун-Яйла). *Фонотека КБИГИ, кассета 1078; см. также Бижоев, 2000: 227;*

Гусер (Балъкъэр – девичья фамилия) Зерин, илъэс 27-рэ мэхъу, Къайсэр къыщалъхуащ, 2004 гъэ лъандэрэ Налшык къалэм щопсэу. (Гусер (Балкарова в девичестве) Зерин, 27 лет, родилась в Кайсери, с 2004 года живет в Нальчике). *ПМА, аудиозапись № 0015;*

Гусер (тыркукIэ) ***Аскэр*** (къэбэрдейкIэ) ***Рушан***,илъэс 38-рэ мэхъу, Къайсэр къыщалъхуащ, иужькIэ Истамбыл Iэпхъуэжащ, 2004 гъэ лъандэрэ Налшык къалэм щопсэу. (Гусер (Аскер) Рушан, 38 лет, родился в Кайсер, потом переселился в Стамбул, а с 2004 года живет в Нальчике). *ПМА, аудиозапись № 0013;*

Гуэбэшы Кэмал, илъэс 68-рэ мэхъу, Узун-Яйла куейм (Тырку) щыщщ, Къайсэри къалэм дэсщ. (Габаши Кемал, 68 лет, живет в Кайсери). *Фонотека КБИГИ, кассета 1078; см. также Бижоев 2000: 238;*

Думанов Хьэлыкъу Исмет и къуэ, илъэс 41-рэ мэхъу, Тыркум, Узун-Яйла районым хыхьэ Къундэтей къуажэм (тыркубзэкIэ – Ореншехир) щыщщ, Анкара щопсэу, ухуэныгъэм ирахьэлIэ материалхэр егъэхьэзыр. (Думанов Халук Исметович, 41 год, родился в сел. Кундатай (по-турецки – Ореншехир) района Узун-Яйла, живет в Анкаре, занимается изготовлением строительных материалов). *Фонотека КБИГИ, кассета 1076; см. также Бижоев 2000: 233;*

Дэгу Нихьэт Мухьэмэд и къуэ, илъэс 60 мэхъу, хьэтыкъуейщ лъэпкъкIэ, ауэ къэбэрдейбзэкIэ мэпсалъэ, Тыркум и Узун-Яйла районым хыхьэ Хьэусей (тыркубзэкIэ – Инлиорен) щопсэу. (Догов Нихат Мухамедович, 60 лет, живет в одном из сел. района Инлиорен Узун-Яйла Турции).*Фонотека КБИГИ, кассета 1075; см. также Бижоев 2000: 231–232;*

Дырыгъу Кешар, илъэс 40 мэхъу, Тыркум къыщалъхуащ, нобэкIэ Налшык щопсэу, гъущI Iуэхум йолэжь. (Дарогов Кешар, 40 лет, родился в Турции, живет в г. Нальчике, занимается ковкой). *ПМА, аудиозапись № 0032;*

Дзараста Ахмет, илъэс 46-рэ мэхъу, Истамбыл щопсэу, фирмэм и лэжьакIуэ пажэщ. (Дзараста Ахмет, 46 лет, живет в г. Стамбуле, главный специалист в центре «Этикет»). *ПМА, аудиозапись № 0027;*

Егъэн Хьэжы-Абдулыхь, илъэс 92-рэ мэхъу, абазэщ, къэбэрдеибзэкIи мэпсалъэ (и анэшхуэр адыгэт), Шыркышла къалэм (Тырку) щопсэу. (Яганов Хаджи-Абдулах, 92 года, абазин но разговаривает и на кабардинском (бабушка – кабардинка), живет в гор. Шаркышла, Турция). *Фонотека КБИГИ, кассета 1075; см. также Бижоев, 2000: 233–234;*

Есэн Сэбэхьэтдин Сулимэн и къуэ, илъэс 61-рэ мэхъу, Узун-Яйла районым хыхьэ Къунашей къуажэм (Халитбейорон) къыщыхъуащ, Къайсэр къалэм дэсщ, адвокатщ, лъэпкъкIэ абазэщ, ауэ зэрыпсалъэр къэбэрдеибзэрщ. (Есанов Сабахатдин Сулиманович, 61 год, родился в Узун-Яйла, живет в Кайсери, родом абазин, но разговаривает на кабардинском, адвокат). *Фонотека КБИГИ, кассета 1075; см. также Бижоев, 2000: 232;*

Жэнакъ Фахъри Сэлмэн и къуэ, илъэс 72-рэ мэхъу, Тыркум, Хьэзей (Пинарбаш) къалэм щопсэу. (Жанак Фахри Салманович, 72 года, живет в г. Пинарбаши, Турция). *Фонотека КБИГИ, кассета 1076; см. также Бижоев, 2000: 234–235;*

Жылэгуэш Сонэр Экен Нагуэ и къуэ, илъэс 45-рэ мэхъу, Тыркум щыщ Сыгырджы къалэм къыщалъхуащ, иджы Анкара щопсэу, спортсменщ, бэнакIуэщ. (Жилягошев Сонер-Экен Нагович, 45 лет, родился в одном из городов Турции – Сыгырджы, живет в Анкаре, спортсмен, борец). *Фонотека КБИГИ, кассета 1074; см. также Бижоев, 2000: 228–229;*

Жылэхьэж Альберт, илъэс 14 мэхъу, Истамбыл щопсэу, лъэпкъкIэ къэбэрдейщ, школакIуэщ. (Жиляхежев Альберт, 14 лет, живет в Стамбуле, кабардинец, школьник). *ПМА, аудиозапись № 0017;*

Кылар Бэяр Мурат и къуэ, илъэс 30 мэхъу. Узун-Яйла хыхьэ Мэрышлы жыхуаIэ къуажэм къыщалъхуащ, иджы Анкарэ щопсэу. (Килар Бэяр Муратович, 30 лет, родился в одном из сел. Узун-Яйла – Мэрышлы, сейчас живет в Анкаре). *Фонотека КБИГИ, 1074 кассета;*

Кумыщ Алий, мэкъумэшыщIэщ, Тыркум щопсэу. (Кумышев Али, занимается сельским хозяйством, живет в Турции). *Фонотека КБИГИ, кассета 1079;*

Кумыщ Диза, илъэс 40 мэхъу, мэкъумэшыщIэщ, Тыркум щопсэу. (Кумышев Диза, 40 лет, занимается сельским хозяйством, живет в Турции). *Фонотека КБИГИ, кассета 1079;*

Кумыщ Долхъэмэтдин ТIэмаш и къуэ, илъэс 80 мэхъу, Тыркум, Къэсейхьэблэ (Сырджык-Мэджыдые) къуажэм щопсэу. (Кумышев Долхаметдин Тамашевич, 80 лет, живет в сел. Сырджык-Меджыдые, Турция). *Фонотека КБИГИ, кассета 1079; см. также Бижоев, 2000: 228;*

Кумыщ Лела, Молэ Щыхъым ипхъущ, илъэс 86-рэ мэхъу, Къэсейхьэблэ (Сырджык-Мэджыдые) къуажэм щыщщ. (Кумышева Лела Шахимовна, 86 лет, живет в Турции (сел. Сырджык-Маджыдие). *Фонотека КБИГИ, кассета 1079; см. также Бижоев, 2000: 230;*

Кумыщ Нэджэб, илъэс 38-рэ мэхъу, мэкъумэшыщIэщ, Тыркум щопсэу. (Кумышев Наджеб, 38 лет, занимается сельским хозяйством, живет в Турции). *Фонотека КБИГИ, кассета 1079;*

КIуэкIуэ Эрол, илъэс 60 мэхъу, Тыркум къыщалъхуащ, нобэкIэ Налшык щопсэу, электрикщ. (Коков Эрол, 60 лет, родился в Турции, сейчас живет в г. Нальчике, электрик). *ПМА, аудиозапись № 0034;*

Къандур Хьэдис Эмир и къуэ, илъэс 35-рэ мэхъу, Тыркум, ХьэпцIей къуажэм (Чамурлы) щыщщ, автослесарщ. (Кандур Хадис Эмирович, 35 лет, живет в одном из сел. Турции – Чамурлы, работает автослесарем). *Фонотека КБИГИ, кассета 1075; см. также Бижоев, 2000: 232;*

Къанджэшу Тургъан, илъэс 41-рэ мэхъу, Тыркум щопсэу, текстиль Iуэхум хэтщ. (Канджашу Турган, 41 лет, живет в Турции, занимается ткацким делом). *ПМА, аудиозапись № 0025;*

Къэрдэн Кургут, илъэс 44-рэ мэхъу, Истамбыл щыщщ, инженер-электрикщ. (Карданов Кургут, 44 года, живет в г. Стамбуле, инженер-электрик). *ПМА, аудиозапись № 0018;*

Къэрабэ (Карадемир) Муфит, илъэс 40 мэхъу, Истамбыл щыщщ, «Этикет» центрым директорым и къуэдзэщ. (Караба (Карадемир) Муфит, 40 лет, живет в г. Стамбуле, зам. директора центра «Этикет»). *ПМА, аудиозапись № 0022;*

Къэрабэ (Карадемир) Кемал, илъэс 54-рэ мэхъу, Тыркум къыщалъхуащ, илъэсищ хъуауэ Налшык щопсэу, бизнес Iуэхум хэтщ. (Караба (Карадемир) Кемал, 54 года, родился в Турции, 3 года назад вернулся в Нальчик, бизнесмен). *ПМА, аудиозапись № 0032;*

Къэрабэ (Карадемир) Доонду, илъэс 82-рэ мэхъу, Истамбыл щопсэу, пенсионерщ, лъэпкъкIэ къэбэрдейщ. (Караба (Карадемир) Доонду, 82 года, живет в г. Стамбуле, пенсионерка). *ПМА, аудиозапись № 0022;*

Къэрабэ (Карадемир) Хьилми, илъэс 79-рэ мэхъу, Тыркум щопсэу, пенсионерщ, лъэпкъкІэ къэбэрдейщ. (Караба (Карадемир) Хильми, 79 лет, живет в Турции, пенсионер). *ПМА, аудиозапись № 0023;*

Къэрабэ (Карадемир) Эльмаз, илъэс 75-рэ мэхъу, Тыркум щопсэу, пенсионерщ, лъэпкъкІэ къэбэрдейщ. (Караба (Карадемир) Элмаз, 75 лет, живет в Турции, пенсионерка). *ПМА, аудиозапись № 0023;*

Къэрабэ (Карадемир) Дерия, илъэс 45-рэ мэхъу, егъэджакІуэщ, Тыкум щопсэу, лъэпкъкІэ къэбэрдейщ. (Караба (Карадемир) Дерия, 45 лет, живет в Турции, учитель). *ПМА, аудиозапись № 0026;*

Къып Хъусни, илъэс 47-рэ мэхъу, бизнес Іуэхум хэтщ, Тыркум къыщалъхуащ, нобэкІэ Налшык щопсэу. (Кипов Хусни, 47 лет, бизнесмен, родился в Турции, сейчас живет в г. Нальчике). *ПМА, аудиозапись № 0035;*

Къущхьэ Тыгъуэн Къущхьэмудин и къуэ, илъэс 37-рэ мэхъу, Узун-Яйла къыщыхъуащ, Къайсэр къалэм щопсэу, егъэджакІуэщ. (Кушхов Туган Кушхамудинович, 37 лет, родился в Узун-Яйле, сейчас живет в Кайсери, работает учителем). *Фонотека КБИГИ, кассета 1077; см. также Бижоев, 2000: 225;*

Къущхьэ Зекий, илъэс 58-рэ мэхъу, Тыркум къыщалъхуащ, нобэкІэ Налшык щопсэу, бизнес Іуэхум хэтщ. (Кушхов Зеки, 58 лет, родился в Турции, сейчас живет в г. Нальчике). *ПМА, аудиозапись № 0025;*

Къуэшокъуэ Лутфий Батырбий и къуэ, илъэс 77-рэ мэхъу, Тыркум и Узун-Яйла районым хыхьэ Аслъэнхьэблэ (Карабогаз) къуажэм щыщщ. (Кошоков Лутфий Батырбиевич, 77 лет, живет в сел. Асланхабла по-турецки Карабогаз, район Узун-Яйла). *Фонотека КБИГИ, кассета 1078; см. также Бижоев, 2000: 227–228;*

Оузер Хьэкан, илъэс 30 мэхъу, Тыркум къыщалъхуащ, нобэкІэ Налшык щопсэу, бизнес Іуэхум хэтщ. (Оузер Хакан, 30 лет, родился в Турции, сейчас живет в Нальчике, бизнесмен). *ПМА, аудиозапись № 0033;*

Оизжан Бабук, илъэс 40 мэхъу, Тыркум къыщалъхуащ, нобэкІэ Налшык щопсэу, бизнес Іуэхум хэтщ. (Оизжан Бабук, 40 лет, родился в Турции, сейчас живет в Нальчике, бизнесмен). *ПМА, аудиозапись № 0034;*

Пщыгъусэ Мухъсин Хъани и къуэ, илъэс 52-рэ мэхъу, Іэпщохьэблэ (Тырку) къыщалъхуащ, иджыпсту Анкара щопсэу, архитекторщ. (Пшигусов Мухсин Ханиевич, 52 года, родился в сел. Апшохабла (Турция), сейчас живет в Анкаре, архитектор). *Фонотека КБИГИ, кассета 1074 см. также Бижоев, 2000: 231;*

ПIрощт Исмэхьил Ахьмэд и къуэ, илъэс 71-рэ мэхъу, Тыркум, Къэсейхьэблэ (Сырджык-Мэджыдые) щыщщ. (Прошт Исмаил Ахмедович, 71 год, живет в сел. Сырджык-Меджыдые, Турция). *Фонотека КБИГИ, кассета 1079; см. также Бижоев, 2000: 236-237;*

Саадэт Мустэфа, лъэпкъкIэ хьэткъуейщ, ауэ къэбэрдеибзэкIэ мэпсалъэ; Тырку. (Саадат Мустафа, родом хатукай, но говорит на кабардинском; Турция). *Фонотека КБИГИ, кассета 1073;*

Сэбэней Энвер Аслъэнбэч и къуэ, илъэс 72-рэ мэхъу, Темурагъа (Къаншыуей, Тырку) къыщыхъуащ, Анкара дэсщ. Анкара Хасэм и тхьэмадэщ. (Собаней Энвер Асланбекович, 72 года, родился в Темурагъа, Турция, сейчас проживает в Анкаре. Возглавляет Хасу в Анкаре). *Фонотека КБИГИ, кассета 1074; см. также Бижоев, 2000: 222;*

Сохъу Тамер, илъэс 40 мэхъу, Тыркум къыщалъхуащ, нобэкIэ Налшык щопсэу, мебель Iуэхум хэтщ. (Сохов Тамер, 40 лет, родился в Турции, сейчас живет в г. Нальчике, мебельщик). *ПМА, аудиозапись № 0036;*

Тебер (IутIыжь) Абдулах, илъэс 62 мэхъу, Истамбыл щыщщ, бизнес Iуэхум хэтщ. (Тебер (Утижев) Абдулах, 62 года, родился в г. Стамбуле, бизнесмен). *ПМА, аудиозапись № 0020;*

Тебер (IутIыжь) Мэжид, илъэс 67-рэ мэхъу, Истамбыл къыщалъхуащ, лъэпкъкIэ хьэткъуейщ, ауэ къэбэрдеибзэкIэ мэпсалъэ, и анэр къэбэрдейщ, 1992 гъэ лъандэрэ Налшык щопсэу. (Утижев (Тебер) Мажид, 67 лет, родился в Стамбуле, хатукай, но разговаривает на кабардинском, мать кабардинка. С 1992 года живет в г. Нальчике). *ПМА, аудиозапись № 0009;*

Тебер (IутIыжь) Фарук, илъэс 60 мэхъу, Истамбыл щыщщ, бизнес Iуэхум хэтщ. (Тебер (Утижев) Фарук, 60 лет, родился в г. Стамбуле). *ПМА, аудиозапись № 0019;*

Тебер Гульшан, илъэс 56-рэ мэхъу, Истамбыл щыщщ, егъэджакIуэщ. (Тебер Гульшан, 56 лет, живет в г. Стамбуле, учитель). *ПМА, аудиозапись № 0019;*

Токъмакъ Сагид Муфтин и къуэ, илъэс 35-рэ мэхъу, Тыркум, ХьэтIохъущыкъуей щыщщ. (Токмак Сагид, 35 лет, Турция**).** *Фонотека КБИГИ, кассета 1071;*

Тохъу Кэрами, Узун-Яйла щопсэу. (Тохов Керами, живет в Узун-Яйла). *Фонотека КБИГИ, кассета 1078;*

Тохъу Шэрэф, илъэс 55-рэ мэхъу, Узун-Яйла районым, Бэзэрсу къуажэм (Тырку) щыщщ, мэкъумэшыщІэщ. (Тохов Шараф, 55 лет, живет в сел. Базарсу, района Узун-Яйла (Турция), занимается сельским хозяйством). *Фонотека КБИГИ, кассета 1077; см. также Бижоев, 2000: 226;*

Шахьмырзэ Шенол, илъэс 38-рэ мэхъу, бухгалтерщ, Истамбыл щыщщ. (Шахмурзова Шенол, 38 лет, бухгалтер, живет в г. Стамбуле). *ПМА, аудиозапись № 0026;*

Шыбзыхъуэ Икрам, илъэс 66-рэ мэхъу, Тыркум щопсэу. (Шибзухов Икрам, 66 лет, живет в Турции). *Фонотека КБИГИ, кассета 1077;*

Шыбзыхъуэ Музэфир, илъэс 74-рэ мэхъу, Тыркум щыщщ. (Шибзухов Музафир, 74 года, живет в Турции). *Фонотека КБИГИ, кассета 1079;*

Шыкъ Борэн, илъэс 40 мэхъу, бизнесменщ, Тыркум къыщалъхуащ, нобэкІэ Налшык щопсэу. (Шиков Борэн, 40 лет, бизнесмен, родился в Турции, сейчас живет в г. Нальчике);

Шыкъ Гупсэ, илъэс 42-рэ мэхъу, бизнес Іуэхум хэтщ, Тыркум къыщалъхуащ, нобэкІэ Налшык щопсэу. (Шикова Гупса, 42 года, занимается бизнесом, живет в г. Нальчике);

Шыкъ Мухъэмэд Тофикъ и къуэ, илъэс 36-рэ мэхъу, адвокатщ, Узун-Яйла къыщалъхуащ, Къайсэр щопсэу. (Шиков Мухамед, 36 лет, родился в Узун-Яйла, живет в Кайсери). *Фонотека КБИГИ, кассета 1071; см. также Бижоев, 2000: 237–238;*

Щэныбэ Бейджан, илъэс 51-рэ мэхъу, Истамбыл къыщалъхуащ, 1999 гъэ лъандэрэ Налшык щопсэу. (Шанибов Бейджан, 51 год, родился в Стамбуле, с 1999 года живет в г. Нальчике). *ПМА, аудиозапись № 0008;*

Щэныбэ КІущ-Джан, илъэс 48-рэ мэхъу, Тыркум (Жэрыштей къуажэм) къыщалъхуащ, бэлигъ хъуа нэужь Истамбыл къэІэпхъуэжащ, иджыпсту Налшык къалэм щопсэу. (Шанибова Куш-Джан, 48 лет, родилась в сел. Жарыштай, потом переселилась в Стамбул, сейчас живет в г. Нальчике). *ПМА, аудиозапись № 0011;*

Щэныбэ Эрсин, илъэс 52-рэ мэхъу, Тыркум Щэныбей къуажэм къыщалъхуащ, балигъ хъуа нэужь Истамбыл къэІэпхъуэжащ; 1999 гъэ лъандэрэ Налшык щопсэу. (Шанибов Эрсин, 52 года, родился в сел. Шанибей, потом переселился в Стамбул, с 1999 года живет в г. Нальчике). *ПМА, аудиозапись № 0010.*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абдоков А.И.* Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 81 с.

2. *Абдоков А.И.* О звуковых и словарных соответствиях северокавказских языков: Сравнительно-исторический анализ фонетики и лексики. Нальчик: Эльбрус, 1983. 200 с.

3. *Абрамов Я.* Кавказские горцы. Краснодар, 1927. 70 с.

4. *Адмони В.Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. 240 с.

5. Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. М.А. Кумахов Фонд им. Б.Х. Акбашева. М., 2006. 1248 с.

6. Адыгэ псалъэ (газета). 1992, 12 октябрь. (Калмык А. Предисловие к повести «Жан»).

7. Адыгэ псалъэ (газета). 19 октябрь, 1992 г.

8. Адыгэ псалъэ (газета). 21 январь, 2009 г.

9. Адыгэ псалъэ (газета). 26 март, 2009 г.

10. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.

11. Актуальные вопросы адыгских языков / Под ред. П.М. Багова и А.С. Кишева. Нальчик: Б.и., 1981. 113 с.

12. *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. М.: Языки русской культуры. 1999, 368 с.

13. *Апажев М.Л.* Вопросы влияния русского языка на кабардинский: лексика, семантика, фонетика. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд, 1963. 151 с.

14. *Апажев М.Л.* Проблемы кабардинской лексики: Пособие для студентов. Нальчик: Эльбрус, 1992. 335 с.

15. *Апажев М.Л.* Лексикография: Теория и практика: Прошлое, Настоящее. Будущее (на материале русск. каб.-черк. и карач.-балк. яз.). Нальчик: Эльбрус, 2005. 384 с.

16. *Апажев М.Л., Пшукова М.Х.* Структурный и функциональный анализ лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка. Нальчик: КБНЦ РАН, 2004. 144 с.

17. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М.: Наука, 1974. 366 с.

18. *Аствацатурова М.А.* Новые задачи диаспор в меняющихся политико-правовых условиях // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Региональная конфликтология: Ставрополь. М., 2000. Вып. 16.

19. *Багов П.М.* Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1968. 54 с.

20. *Багов П.М.* Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. 331 с.

21. *Бадерхан Ф.* Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании. М., 20001. 83 с.

22. *Балкаров Б.Х.* Язык бесленеевцев. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд., 1959. 148 с.

23. *Балкаров Б.Х.* История некоторых согласных и гласных адыгских языков. Нальчик: КБНИИ, 1967. 32 с.

24. *Балкаров Б.Х.* Бесленеевский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. 331 с.

25. *Балкаров Б.Х.* Фонетика адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1970. 334 с.

26. *Баскаков В.А.* Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969. 152 с.

27. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.

28. *Бербеков Б.Ч.* Диалектная лексика кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1992. – 88 с.

29. *Бижоев Б.Ч.* Речь кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 272 с.

30. *Бижоев Б.Ч.* Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.

31. *Бижоев Б.Ч.* Кабардино-черкесский язык в странах Ближнего Востока: социолингвистический аспект // Вопросы филологии. М., 2005. № 2. 15–22 с.

32. *Блумфилд Л.* Язык. М.: Прогресс, 1968. 605 с.

33. *Борукаев Е.А.* Сравнительно-историческая фонетика восточнославянских языков. М.: Наука, 1981. 140 с.

34. *Брудный А.А.* Семантика языка и психология человека. Фрунзе: Илим, 1972. 223 с.

35. *Будагов Р.А.* Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал. М.: Наука, 1985. 269 с.

36. *Вандриес Ж.* Язык: Лингвистическое введение в историю. М., 1937. 320 с.

37. *Ветров А.А.* Семиотика и ее основные проблемы. М.: ИПЛ, 1968. 263 с.

38. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.;Л.: Учпедгиз, 1947. 783 с.

39. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. М.: Наука, 1967. 331 с.

40. *Генко А.*Н. Абазинский язык. М.: Академия наук СССР, 1955. 206 с.

41. *Гишев Н.Г.* Все об адыгах. Майкоп: Качество, АРИГИ, 2002. 372 с.

42. *Гишев Н.Г.* Сравнительный анализ адыгских языков. Майкоп: Качество, 2003. 284 с.

43. *Гишев Н.Т., Таов Х.Т., Унатлоков В.Х.* Лингвистическая литература по адыгским языкам. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 276 с.

44. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Академии наук СССР, 1957. 240 с.

45. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Наука, 1970. 213 с.

46. *Дзасежев Х.Э.* Современный кабардино-черкесский язык (на каб. яз.). Черкесск, 1964. 227 с.

47. *Думанов Х.М.* Вдали от Родины. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 254 с.

48. *Дятлов В.И.* Внешние миграции и «новые диаспоры» в современной России: криминальный аспект // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Сб. науч. тр. Вып. 2. / Науч. ред. А.Л. Репецкая. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. 117–125 с.

49. *Жабелова Л.Ж.* Проблема функционирования карачаево-балкарского языка за рубежом (в Турции, Сирии и Иордании) // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура / Гл. ред. Х.М. Думанов. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 272 с.

50. *Зекох У.С.* Адыгейская грамматика. Майкоп: Адыгея, 2002. 511 с.

51. *Илларионова Т.С.* Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры). М., 1994. 62 с.

52. Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. 293 с.

53. История лингвистических учений. Древний мир / Отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1980. 255 с.

54. Кабардино-черкесский язык. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. I. 547 с.

55. Кабардино-черкесский язык. Лексика, фразеология, устно-поэтический язык, ономастика. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. II. 519 с.

56. *Карданов Б.М.* Фразеология кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1973. 248 с.

57. *Касевич В.Б.* Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977. 183 с.

58. *Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. 311 с.

59. *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик: Логос, 1992. 200 с.

60. *Кауфов Х.Х.* Вечные странники. Нальчик: Эльбрус, 2002. 378 с.

61. *Керашева З.И.* Лингвистическое наследие Ш. Ногма и адыгское языкознание // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 2004. Вып. 4. 27–42 с.

62. *Климов Г.А.* Кавказские языки. М.: Наука, 1965. 112 с.

63. *Климов Г.А.* Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986. 208 с.

64. *Климов Г.А., Шагиров А.К.* К сравнительно-историческому изучению адыгских языков // УЗ КБНИИ. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. Т. 16. 261–269 с.

65. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

66. *Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж.* Основы ономастики. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет. 128 с.

67. *Колчинская Е.В.* К проблеме сохранения русского языка в Израиле: культурологический подход. Русский язык в диаспоре: проблемы сохранения и преподавания. М.: Наука; Флинта, 2002.

68. *Колшанский Г.В.* Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 180 с.

69. *Куашева Т. Х.* Особенности терских говоров кабардинского языка: Автореф. кандид. дисс. ... Нальчик, 1954.

70. *Куашева Т.Х.* Морфологические особенности терских говоров // Нальчик: УЗ КБНИИ, 1959. 479 с.

71. *Куашева Т.Х.* Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. 331 с.

72. Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения (по материалам международной научной конференции 14–19 окт. 1991, Черкесск). Майкоп, 1993. 534 с.

73. *Кумахов М.А.* Особенности Кубанского диалекта кабардино-черкесского языка: Автореф. кандидат. диссерт. М., 1955.

74. *Кумахов М.А.* К вопросу об аффрикатизации заднеязычных согласных в адыгских языках. Учен. зап. КБГУ. Нальчик, 1958. Вып IX.

75. *Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. Нальчик: Каб.-Балк. книжн. изд-во, 1964. 271 с.

76. *Кумахов М.А.* Убыхский язык // Языки народов СССР. Иберийско-кавазские языки. IV том. М.: Наука, 1967. 712 с.

77. *Кумахов М.А.* Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. 331 с.

78. *Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. 341 с.

79. *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981. 288 с.

80. *Кумахов М.А.* Очерки общего и кавказского языкознания. Нальчик: Эльбрус, 1984. 326 с.

81. *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.

82. *Кумахова З.Ю.* Развитие адыгских литературных языков. М.: Наука, 1972. 280 с.

83. *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик: Эльбрус, 1994. 220 с.

84. *Курилович Е.В.* Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. литры, 1962. 456 с.

85. *Кушхабиев А.В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 318 с.

86. *Лайонз Джон.* Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 542 с.

87. *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. 170 с.

88. *Ломтатидзе К.В.* Абазинский язык // Языки народов СССР. М.: Наука, 1967. Т. 4. 123–145 с.

89. *Ломтатидзе К.В.* Абхазский язык // Языки народов СССР. М.: Наука, 1967. Т. 4. 101–123 с.

90. *Лопатинский Л.Г.* Краткая кабардинская грамматика. СМОМПК. Фотокопии. Тифлис, 1891. Вып. 12. 46 с.

91. *Лотман Ю.В.* Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. Языки русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

92. *Люлье Л.Я.* Черкесия (историко-этнографические статьи). Краснодар, 1927.

93. *Макаев Э.А.* Общая теория сравнительного языкознания. (АН СССР, Ин-т языкознания). М.: Наука, 1977. 205 с.

94. *Мамрешев К.Т.* Особенности баксанского диалекта кабардинского языка. Нальчик, 1959. 84 с.

95. Материалы V конгресса Международной черкесской ассоциации // Адыгское слово. 2000. 5 авг. № 128.

96. *Милевский Т.* Предпосылки типологического языкознания // Исследования структурной типологии. М.: Академия наук ССР, 1963. 276 с.

97. *Милитарев А.Ю.* О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. М., 1999. № 1. С. 24–33.

98. *Надъярных Н.С.* Диаспора в потоке времени. С. 3–14 // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения (по материалам международной научной конференции. 14–19 окт. 1991 г., Черкесск) / Ред. кол. Н.С. Надъярных, Л.А. Бекизова. Черкесск, 1993. 534 с.

99. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.

100. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Нальчик: Каб.-Балк. книжн. изд-во, 1956. Т. 1. 308 с.

101. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Нальчик: Каб.-Балк. книжн. изд-во, 1959. Т. 2. 197 с.

102. Очерки кабардино-черкесской диалектологии / Под ред. д-ра филол. наук М.А. Кумахова. Нальчик: КБНИИ, 1969. 328 с.

103. *Панфилов В.З.* Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971. 232 с.

104. *Попков В.Д.* «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. М., 2002. № 1. 6–22 с.

105. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1967. 542 с.

106. *Реформатский А.А.* Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. 262 с.

107. *Рогава Г.В., Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. Вопросы языкознания. М.: Наука, 1974. 135 с.

108. *Рогава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка // Майкоп: Красн. кн. изд-во, 1966. 463 с.

109. Слово о языке и речи: Сб. научных трудов. Нальчик, 1982. 165 с.

110. *Таов Х.Т.* Проблемы кабардино-черкесской диалектологии (Репринт). Нальчик: КБГУ, 1997. 132 с.

111. *Таов Х.Т.* Кабардино-черкесская диалектология: Учеб. пособие. Нальчик: КБГУ, 2005. 185 с.

112. *Тау Хь.Щ., Урыс Хь.Щ.* Адыгэхэм я бзэр зэлъытауэ. Налшык: КБИГИ, 2008. 159 с.

113. *Темирова Р.Х.* Лексические особенности речи черкесов. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ, 1975. 208 с.

114. *Тимижев Х.Т.* Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 360 с.

115. *Тишков В.А.* Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. 2003. № 2. 169 с.

116. *Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* Диаспора как объект социологического исследования // Социс. М., 1996. № 12. 33–42 с.

117. *Турчанинов Г.Ф.* Материалы по диалекту моздокских кабардинцев // УЗ КНИИ. Нальчик: Кабгосиздат, 1946. 203–241 с.

118. *Турчанинов Г.Ф.* О некоторых фонетических явлениях в кабардинском языке первой половины XIX столетия // Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.;Л., 1949. Вып. 2.

119. *Турчанинов Г.Ф., Цагов М.* Грамматика кабардинского языка. М.: АН СССР, 1940. 160 с.

120. *Тхарках Ю.А.* Об одной фонетической закономерности в адыгских языках. Нальчик, 1974.

121. *Урусов Х.Ш.* История кабардинского литературного языка. Нальчик: Эльбрус, 1968. 192 с.

122. *Урыс Хь.Ш.* Адыгэбзэм и тхыдэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 360 с.

123. *Урыс Хь.Ш.* Адыгэбзэ грамматикэ. Фонетикэ. Морфонемикэ. Морфологие. Налшык: Эльбрус, 2001. 232 с.

124. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887. 102 с.

125. *Хафицэ М.М.* Разбросаны адыги по белому свету. Нальчик: Эльбрус, 2000. 328 с.

126. *Хафицэ М.М.* Звезды бледнеют на чужбине: Публицистика, фольклор, стихотворения. Нальчик: Эльбрус, 2006. 344 с.

127. *Хотко С.Х.* История Черкесии в Середине века и Новое время. СПб., 2001. 226 с.

128. *Хелиг М.* Абадзехский диалект черкесской диаспоры в Турции // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения (по материалам международной научной конференции. 14–19 окт. 1991 г., Черкесск). Майкоп, 1993. 358–366 с.

129. *Чикобава А.С.* Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1952. 243 с.

130. *Чикобава А.С.* Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959. 180 с.

131. *Шагиров А.К.* Особенности малкинского говора кабардинского языка: Автореф. канд. дисс. М., 1955.

132. *Шагиров А.К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное из-во, 1962. 210 с.

133. *Шагиров А.К.* Кабардинский язык // Языки народов СССР, Иберийско-кавказские языки. М.: Наука, 1967. Т. 4. 165–184 с.

134. *Шагиров А.К.* Малкинский говор // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. 331 с.

135. *Шагиров А.К.* Материальные и культурные общности лексики абхазо-адыгских языков. М.: Наука, 1982. 164 с.

136. *Шагиров А.К.* Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М.: Наука. 1989. 191 с.

137. *Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 220 с.

138. *Шаззо К.Г.* Температура выживания. Майкоп, 1993.

139. *Шаззо К.Г.* Вернувшиеся мелодии // Шабан Кубов. Майкоп, 1993. 14 с.

140. *Шакрыл К.С.* Некоторые лексические и звуковые соответствия в абхазско-адыгских языках. Сухуми: Алашара, 1968. 105 с.

141. *Шакрыл К.С.* Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми: Алашара, 1971. 292 с.

142. *Шарданов А.Х.* Проблемы кабардино-черкесской грамматики. Нальчик: КБГУ, 1999. 236 с.

143. *Ширдиева М.*Х. Адыги, проживающие в Турции (на кабардинском языке). Нальчик: Эль-Фа, 2007. 202 с.

144. *Шмелев Л.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 278 с.

145. *Шовгенин А.Н.* Социолингвистическое пространство русскоязычной диаспоры Германии (на материале русскоязычной прессы ФРГ): Автореф. дисс. канд. филол. наук. Волгоград, 2007.

146. *Экба Н.Б.* Опыт сопоставительной грамматики русского, кабардинского и кабардино-черкесского языков. Фонетика и морфология. Черкесск: Карач.-Черк. книжн. изд-во, 1963. 179 с.

147. *Эльбердов Х.У.* Грамматика кабардинского языка. Фонетика и морфология. Нальчик: Кабгосиздат., 1948. 176 с.

148. *Эльбердов Х.У.* Некоторые спорные вопросы грамматики кабардинского языка (на каб. яз.). Нальчик: КБНИИ, 1959. 138 с.

149. *Эльбердов Х.У., Тажев Ш.* Грамматика кабардинского языка. Фонетика и морфология (на каб. языке). Нальчик: Кабгос. издат., 1951. 184 с.

150. *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 371 с.

151. *Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.;Л.: Изд-во акад. наук СССР, 1941. 462 с.

152. *Dume`zil G.* Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III. PARIS INSTUT D'ETHNOLOGIE muse'e de l'homme, pa lais de chaillot, PLACE DU TROCADE'RO. Paris, 1965. 269 p.

153. *Dume`zil G.* Le verbe oubykh. Me`mbelees – letters Nouvelle se`rie, t. I. Paris, 1975.

154. *Brubaker R.* The "diaspora" diaspora // Ethnic and racial studies. N.-Y., 2005. Vol. 28. № 1. P. 1–19 p.

155. *Clifford J.* Routes. Travel and Translation in the Late Twentieth Century. Cambridge (Mass). 1997. P. 249.

156. *Paris Catherin.* Systeme phonologique et phénomenes phonétiques dans le parler Besney de Zennun kőyu (Tcherkesse oriental). Collection linguistique publie par la socie te de Linguistique de Paris LXIX. Paris, 1974. 248 p.

157. *Sheffer G.* Diaspora politics: At home abroad. Cambridge, 2003.

СЛОВАРИ

1. Адыгейско-русский словарь. Майкоп, 1975. 440 с.

2. Адыгейско-русский словарь / Ю.А. Тхарках Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. 304 с.

3. Кабардино-черкесско-русский словарь / М.Л. Апажев, Дж.Н. Коков. Нальчик: Эльбрус, 2008. 704 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцевой В.Н. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.

5. Орфографический словарь кабардино-черкесского языка / Х.Ш. Урусов, Л.Г. Захохов. Нальчик: Эльбрус, 1982. 1136 с.

6. Русско-адыгейский словарь / Под ред. Х.Д. Водождокова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960. 1098 с.

7. Русско-арабский словарь / Сост. В.Н. Красновский, Г.Ш. Шарбатов. М.: Русский язык, 1988. 574 с.

8. Русско-турецкий словарь / Э.М.-Э. Мустафаев и В.Г. Щербинин. М.: Советская энциклопедия, 1972. 1028 с.

9. Русско-турецкий разговорник / В.С. Селезнева. М.: Центрполиграф, 2008. 222 с.

10. Словарь кабардино-черкесского языка. Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 1-е изд. М.: Дигора, 1999. 860 с.

11. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.

12. Словарь русско-черкесский или адыгский, с краткою грамматикою сего последнего языка, одобренного императором Санкт-Петербурга, АН. Фотокопии, переплет. в 4 кн. Л. Люлье. Одесса, 1846. 27 с.

13. Толковый словарь русского языка. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.

14. Турецко-русский словарь / А.Н. Баскаков, Н.П. Голубева, А.А. Кямилева, К.М. Любимов, Ф.А. Салимзянова, Р.Р. Юсипова. М.: Русский язык, Институт востоковедения АН СССР, 1977. 966 с.

15. Турецко-русский и русско-турецкий словарь. Стамбул: «MULTI-LINGUIL», 2000. 894 с.

16. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка / Сост.: Б.Ч. Бербеков, Б.Ч. Бижоев, Б.К. Утижев. Нальчик: Эльбрус, 2001. 240 с.

17. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А–Н. А.К. Шагиров. М.: Наука, 1977. 292 с.

18. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. П–I. А.К. Шагиров. М.: Наука, 1977. 224 с.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. Архив КБИГИ – Научный архив Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН
2. СКЧЯ – Словарь кабардино-черкесского языка
3. КЧЯ – Кабардино-черкесский язык. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. Т. I
4. КЧРС – Кабардино-черкесско-русский словарь
5. КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН
6. КБР – Кабардино-Балкарская Республика
7. К.З. – Кубано-зеленчукский говор
8. КЧР – Карачаево-Черкесская Республика
9. ОКЧД – Очерки кабардино-черкесской диалектологии
10. ПМА – Полевые материалы автора
11. ТРС – Турецко-русский словарь
12. ТР-РТС – Турецко-русский русско-турецкий словарь
13. РТР – Разговорник турецко-русский
14. РАС – Русско-арабский словарь
15. ШФСКЧЯ – Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка
16. АП – «Адыгэ псалъэ» (газета)
17. РАС – Русско-адыгейский словарь

ТАБЛИЦА ТРАНСКРИПЦИОННЫХ ЗНАКОВ

Г’ – мягкий заднеязычный спирант
К’ – мягкий заднеязычный смычной
К’ **I** – мягкий заднеязычный смычной
КъI – среднеязычный абруптивный взрывной
З’ – свистящий спирант
С’ – свистящий спирант
С’ **I** – свистящий абруптив
Ж’ – звонкий мягкий шипящий спирант
Ш’ – мягкий глухой шипящий спирант
Ш’ **I** – мягкий шипящий спирант
Шъ – шипяще-свистящий спирант
Джъ – переднеязычная звонкая твердая шипящая аффриката
Гъ – среднеязычный звонкий взрывной
Чъ – переднеязычная глухая мягкая шипящая аффриката
h – ларингальный спирант
[] – слова, отсутствующие в записях, но требующиеся для понимания текста, и поэтому добавленные нами

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧИ ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ ЗА РУБЕЖОМ 8

1. Социолингвистическая характеристика черкесской диаспоры зару бежом 10

2. Лингвисты-адыговеды о речи черкесской диаспоры зарубежом 15

ГЛАВА 2. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ 33

1. Особенности в области консонантизма 34

1.1. Общеадыгские ***джъ, чъ, чIъ*** 34

1.2. Ларингальный спирант ***h*** 41

*1.3. Переход фарингального абруптива «***къ***» в ларингальный абруптив «***I***»* 44

1.4. Переход шипяще-свистящих спирантов в свистящие спиранты 47

1.5. Звукосоответствия ***ш':ш, ж':ж*** 53

1.6. Звукосоответствия ***г':г, х':х*** 54

1.7. Звукосоответствия ***й:н*** 55

2. Особенности в системе вокализма 57

3. Позиционные фонетические процессы 61

3.1. Субституция 62

3.2. Ассимиляция 62

3.3. Метатеза 63

3.4. Синкопа 63

3.5. Этклипсис 64

3.6. Эпентеза 65

3.7. Наращение гласного ***ы*** 65

3.8. Апокопа 66
3.9. Отпадение гласного и согласного в начале слова 67
3.10. Упрощение консонантного комплекса 67

ГЛАВА 3. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ 69

1. Развитие речи на собственной языковой базе 71
1.1. Неологизмы 72
1.2. Слова с изменившейся семантикой 75
1.3. Слова с фонетическими изменениями 82
1.4. Фразеология 86
2. Заимствования 88
2.1. Фонетически адаптированные слова 90
2.2. Тюркизмы, фонетически неизменившиеся 98
2.3. Тюркизмы, вторично заимствованные диаспорой 103
2.4. Интернационализмы, которые заимствованы диаспорой через турецкий, а на родине – через русский языки 104

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 108

SUMMARY 113

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ 115

БИБЛИОГРАФИЯ 122

СЛОВАРИ 130

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ 132

ТАБЛИЦА ТРАНСКРИПЦИОННЫХ ЗНАКОВ 133

Научное издание

Абазова Марита Мухамедовна

РЕЧЬ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ
ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ

Зав. издательским отделом
А.В. Гергокова

Художественный редактор
И.Х. Кушхова

Корректор
Л.О. Тамазова

Компьютерная верстка
и техническое редактирование
И.Х. Кушховой

ISBN 978-5-91766-082-0

9 785917 660820

Подписано в печать 03.09.2014 г. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Palatino Linotype
Усл. печ. л. 7,9. Тираж 500 экз. (1-й завод – 250). Заказ № 106

Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ РАН
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94